

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник.

Свт. Феофан Затворник Истолкование молитвы Господней словами святых отцов.

Истолковывали молитву Господню— Тертуллиан (до падения), св. Киприан, св. Григорий Нисский, св. Кирилл Иерусалимский (в 5 таиноводственном слове), св. Златоуст (в беседах на Евангелие от Матфея, и в беседе на слова: «узкие врата» и проч.), св. Кассиан в 9 собеседовании, бл. Августин (в трактате о нагорной беседе Господа, в словах 56, 57 и 58, и в письме 130), св. Максим Исповедник, бл. Феофилакт (в толковании Евангелий от Матфея и Луки), Симеон Солунский и наш новоявленный чудотворец, святитель Тихон Воронежский (в 3т.). Все изреченное ими приводится здесь под каждым словом молитвы.

1) О молитве Господней вообще.

Тертуллиан. Господь наш Иисус Христос явил Себя и духом Бога, и словом Бога, и премудростью Бога: духом, коим так всемогущественно действовал; словом, коим учил; премудростью, которую открыл пришествием Своим. И молитва, Христом Господом установленная, слагается из сих трех: из слова, коим изрекается; из духа, коим столь сильна; из премудрости, какая из ней исходит и воспринимается. Научал и Иоанн учеников своих молиться; но все Иоанново предустраивалось для Христа, чтоб, возрастшу Ему, все дело сего предустраивателя с самым духом перешло к Господу, как сам же Иоанн предвозвестил, говоря: «оному подобает расти, мне же малиться» (Ин.3, 30). Потому и не сохранилось, какими словами научал Иоанн молиться, что земное должно уступить место небесному «Сый от земли, — говорит, от земли есть и от земли глаголет, грядый с небеси, над всеми есть и еже виде и слыша, сия свидетельствует» (Ин.3,31). И что не небесно из того, изошло от Христа Господа,—как и сия молитва, или наука как молиться? Вникнем же, благословенные, в небесную Его премудрость, во-первых в заповеди о молитве тайне, коею и веры требовал Он от человека, чтоб веровал, что и око и слух Бога всемогущего присущи в самых тайных и сокровенных местах, и скромности веры от него желал, чтоб пред Тем Единым изъявлял он свои благоговейные и молитвенные чувства, в коего вездесение и вездеслышание уверовал; и потом и в следующей затем заповеди, подобной же веры и скромности требующей заповеди не многословить в молитве, чтоб мы не приступали с полчищем слов в молитве к Господу, в коего крайней попечительности о своих Ему уверены. Такова и установленная Им молитва. Она кратка; но краткость сия даст обильную и усладительную пищу толкованию. Сколько она сжата в словах, столько же она пространна в смысле. Ибо не одно только то содержит, что должно быть изъявляемо в молитве, — благовеинство пред Богом, изливание к Нему прошений, но объемлет все учение Господа, и на память проводить все Его уроки и наставления, так что она воистину есть сокращение всего Евангелия.

Св. Киприан. Евангельские заповеди — это не что иное, возлюбленнейшие братья, как божественные наставления, основания к назиданию надежды, подпоры к утверждению веры, пища для укрепления сердца, кормило для направления пути, пособие к получению спасения: наставляя переимчивые умы верующих на земле, они приводят к Небесному Царству. Бог благоволил многое возвестить и предложить через рабов своих — пророков: во сколько же важнее то, что говорит Сын, что собственным голосом свидетельствует Он — Слово Бога, бывшее в пророках, — не повелевая уже уготовить путь грядущему, но Сам приходя для открытия и указания нам пути, чтобы мы, блуждавшие во мраке, неосмотрительные прежде и слепые, будучи озарены светом благодати, держались пути жизни под водительством и управлением Господа! Он—то, между прочими Своими спасительными наставлениями и божественными заповедями, споспешествующими людям ко спасению, Сам дал и образец молитвы, Сам наставил и научил, о чем надлежит нам просить. Даровавший жизнь, по той благодати, по которой благоволил уделить нам прочие дары, научил нас и молиться, чтобы, обращаясь к Отцу с той просительной молитвой, которой научил нас Сын, мы были тем удобнее услышаны. Он предсказал о наступлении времени, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, и предсказанное исполнил так, что мы, принявшие Духа и истину от Его освящения, поклоняемся истинно и духовно, держась Его предания. Ибо какая молитва может быть более духовна, как не та, которая завещана нам Христом, ниспославшим нам и Духа Святого? Какое моление может быть более истинным у Отца, как не моление, исшедшее из уст Сына, Который есть Истина? Следовательно, молиться не так, как научил Он, есть не неведение только, но и преступление, тем более что сам Он как-то заметил: «разористе заповедь Божию за предание ваше!» (Мф.15,6). Будем же, возлюбленнейшие братья,

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org
молиться так, как научил нас Учитель-Бог. Молиться Богу по Его указанию, доходить до слуха Его молитвой Христовой – вот приятная и доступная к Нему молитва! Когда молимся, пусть Отец познает слова своего Сына. Обитающий внутри нас, в сердце, да будет и в речи. Так как Он ходатай у Отца за грехи наши, то, молясь о грехах наших, будем мы, грешники, употреблять и слова нашего Ходатая. Он говорит, что о чем бы мы ни просили Отца во имя Его, даст нам (Ин. 16, 23); поэтому не тем ли вернее получим мы просимое во имя Христово, если будем просить Христовой молитвой?

Св. Григорий Нисский. Божие слово преподает нам учение о молитве, в котором достойным ученикам Своим, тщательно ищущим ведения о молитве, излагает оно, какими молитвенными речениями надлежит преклонять к себе Божий слух. Когда великий Моисей приуготовлял Израильский народ к тайноводству на горе, тогда не прежде удостоил их Богоявления, как предписав народу закон об очищении соблюдением плотской чистоты и омовением. Да и после сего не осмелились Израильтяне видеть явление Божия могущества, но в ужас приводило их все видимое, огонь, мрак, дым, трубы; и снова обратившись к себе самим, просили законодателя стать их посредником пред божественным изволением, так как у них не было достаточной силы приблизиться к Богу и перенести Божие присутствие. А наш законодатель Господь Иисус Христос, намереваясь привести нас к божественной благодати, указывает нам словом не гору Синайскую, покрытую мраком и дымящуюся огнем, не гласы труб, звучащих что-то невнятное и страшное, и не соблюдение тридневной плотской чистоты, не водою омывающею скверны, очистив душу, и всю церковь оставив при подошве горы, одному только позволяет взойти на вершину, покрытую мраком сокрывающим в себе божественную славу; а напротив того, сперва вместо горы возводит на самое небо, соделав оное для людей удобопроходным посредством добродетели, потом соделывает не зрителями только, но и причастниками божественной силы, и приступающих к Нему вводит некоторым образом в родство с превысшим естеством, и не мраком покрывает все превосходящую славу, чтобы неудообразимою была для ищущих, но, озарив мрак ясным светом учения, соделал, что чистые сердцем в полной ясности созерцают неизреченную славу. Дает же и воду для окропления, не из чуждых потоков почерпаемую, но текущую в нас самих, будет ли кто разумеет под нею источники очей, или чистую совесть сердца, – узаконив не допускать никакой тины порока; да и плотскую чистоту поставляет в воздержании, не от законного только общения супругов, но и от всякого вещественного и страстного расположения; и таким образом посредством молитвы возводит к Богу. Ибо такова сила речений, из которых не какие-либо звуки, произносимые в слогах, дознаем из Божия слова, но предначертание восхождения к Богу, успешно приводимое в исполнение высокою жизнью.

Св. Златоуст. Дав образец молитвы ученикам, Господь внушает, что нужно говорить в молитве, научая при сем в немногих словах и всякой добродетели; ибо эти слова заключают в себе не только наставление в молитве, но и научение совершенной жизни. Исследуем же со всем тщанием смысл их, и будем хранить их твердо, как законы Божии.

Св. Максим Исповедник видит в сей молитве «богословие, усыновление в благодати, равночестность (людей) с Ангелами, причастие вечной жизни, восстановление (человеческого) естества в его первоначальном бесстрастном состоянии, ниспровержение закона греха и низложение лукавого, подчинившего нас, посредством обмана, своему тираническому владычеству».

2) Разделение

Пространный христианский катихизис. Чтобы удобнее рассмотреть молитву Господню, можно разделить ее на: призывание, семь прошений и славословие.

А) Призывание «Отче наш, иже еси на небесех»

«Отче»

Св. Григорий Нисский. «Кто даст ми крыле, яко голубине?» (Пс. 54, 7) говорить в одном месте псалмопения великий Давид. Осмелюсь и я сказать тоже слово: кто даст мне оные крылья, чтобы мог я воспарить умом на высоту величия сих речений, – и оставив землю, перейти весь разлитый в середине воздух, коснуться эфирной лепоты, достигнуть звезд, увидеть все их украшение, да и на них не остановиться, но миновать и это, стать вне сего движимого и изменяемого, объять естество постоянное, силу неподвижную, в себе самой водруженную и направляющую и поддерживающую все, что имеет бытие, все, что зависит от

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org неизреченной воли Божией премудрости, чтобы, став мыслию вдали от всего изменяемого и превратного, в непреложном и неуклонном состоянии души мог я сперва сродниться мыслью с Непреложным и Неизменяемым, потом призывать самым родственным наименованием и говорить: «Отче!»

Св. Киприан. О, какое к нам снисхождение, какое обилие благоволения и благости Господа, когда Он дозволил нам при совершении молитвы перед лицом Божиим называть Бога Отцом, а себя именовать сынами Божиими так же, как и Христос есть Сын Божий! Никто из нас не дерзнул бы употребить это имя в молитве, если бы Он Сам не позволил нам так молиться.

Св. Кирилл Иерусалимский. В молитве, которую предал Спаситель ученикам Своим, мы, с чистою совестью именуя Бога Отцом, говорим: «Отче наш!» Какое превеликое Божие человеколюбие! Отпадшим от Него и дошедшим до крайности во зло, даруется такое забвение всего худого, и такое причастие благодати, что они именуют Его Отцом: «Отче наш!»

Св. Златоуст. «Отче наш!» О, какое чрезвычайное человеколюбие! О, какая превосходная честь! Какое слово будет в состоянии воздать благодарность Подающему нам такие блага? Посмотри, возлюбленный, на униженность твоей и моей природы, вникни в сродство ее, — в эту землю, пыль, грязь, глину, пепел; потому что мы созданы из земли, и опять наконец разлагаемся в землю. Представив это, удивляйся неисследимому богатству великой благости к нам Божией; по которой заповедано тебе называть Его «Отцом», — земному — небесного, смертному — бессмертного, тленному — нетленного, временному — вечного, бывшему вчера и прежде грязью — сущего прежде век Бога.

Блаж. Августин. Во всяком прошении стараются прежде снискать благоволение того, к кому обращаются с прошением, и потом излагают самое прошение. Благоволение обыкновенно снискивается похвалой тому, кого просить намерены, и она поставляется всегда в начале прошения. В сем конечно смысле и Господь повелел нам в начале молитвы возглашать: «Отче наш!»

В писании много есть речений, коими изъявляется хвала Богу; но не найдешь, чтоб Израилу предписано было звать: «Отче наш!» Пророки, правда, именovali Бога отцом Израильтян, даже от лица самого Бога как: «сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене» (Ис.1,2), — и: «аще Отец Аз есмь, то где слава Моя?» (Мал.1, 6), но именovali так очевидно для того, чтоб обличить их, что они не хотели быть сынами Богу, работая грехам. Сами же они обращать к Богу, как к отцу не дерзали; ибо находились еще в состоянии рабов, хотя и предназначены были к сыновству, как говорит Апостол: «во еликое время наследник мал есть, ничимже лучший есть раба» (Гал.4,1). Преимущество сие даровано новому Израилу, — христианам; им «дана область чадами Божиими бытии» (Ин.1,12) и они «прияли духа сыноположения, о немже» вопиют: «Авва отче!» (Рим. 8, 15).

Тертуллиан. Когда говорим: «Отче наш»; — то и молимся Богу и вместе веру изъявляем, коей плодом есть такое наименование. Ибо написано: «елицы прияша Его, даде им область чадом Божиим быти верующим во имя Его» (Ин.1,12). Господь часто именовал Бога Отцом нашим; даже заповедал никого не называть на земле отцом, кроме Того, Которого имеем на небесах (Мф.23, 9). Таким образом, взывая так в молитве, мы исполняем заповедь. Блаженны те, которые познают в Боге Отца. — Имя Бога Отца не было никому возведено прежде; и даже вопрошавший о нем Моисей, услышал иное некое имя; нам же открыто оно в Сыне. Ибо Сын уже наводит на новое имя Богу — имя Отца. Но Он и прямо говорить: «Аз приидох во имя Отца» (Ин.5, 43), — и опять: «Отче, прослави имя Твое» (Ин.12, 28), — и яснее: «явих имя Твое человеком» (Ин.17, 6).

Св. Киприан. Человек новый, возрожденный и восстановленный своим Богом, по Его благодати, прежде всего говорит: «Отче», потому, что соделался уже сыном Его. «Во своя, — сказано, — прииде, и свои Его не прияша. Елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его» (Ин.1,11-12). Итак, кто уверовал во имя Его и соделался сыном Божиим, должен и начинать с того, чтобы принести благодарение и исповедать себя сыном Божиим, назвавши Отцом Бога; должен с самого начала своего возрождения свидетельствовать словами, что он отказался от земного и плотского отца и стал знать и иметь одного Отца, Который на небесах... И Господь в Евангелии Своим заповедует нам не называть отца на земле, потому что у нас один Отец на небесах (Мф.23, 9).

Блаж. Августин. Взывая в начале молитвы: «Отче наш!» наименованием сим и

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org любовь свидетельствуем: ибо что для детей сладостнее имени Отца? и уверенность в получении просимого изъявляем, когда прежде всякого прошения представляем себя получившими уже ту великую милость, чтоб именовать Бога Отцом своим. Ибо в каком уже прошении откажет сынам Своим Бог, даровав им прежде область чадами Ему быть?

Он же. Говорите: «Отче наш», если начали вы иметь Бога отцом своим. Начинают иметь Бога отцом, когда рождаются от Него снова. Вы и рождены от Него во утробе Церкви. Помните же, что Отца имеете на небесах. Помните, что во Адаме вы рождены в смерть, от Бога же Отца возрождены в живот. И что говорите, чувствуйте, то в сердцах своих. Что у молящегося на сердце, по силе того приемлет его и Слышащий молитву его.

Св. Златоуст. «Сице убо молитесь вы», продолжал Спаситель: «Отче наш, иже еси на небесех». Смотри, каким образом Он тотчас ободрил слушателя, и в самом начале вспомнил о всех благодеяниях Божиих. В самом деле, тот, кто называет Бога Отцом, одним этим наименованием исповедует уже и прощение грехов, и освобождение от наказания, и оправдание, и освящение, и искупление, и сыноположение, и наследие, и братство со Единородным, и дарование Духа, так как не получивший всех этих благ не может назвать Бога Отцом. Итак, Христос двояким образом воодушевляет Своих слушателей, – и достоинством называемого, и величием благодеяний, которые они получили.

Св. Кассиан. молитва Господня предполагает в молящемся состоянии возвышеннейшее и совершеннейшее, которое заключается в созерцании единого Бога и в пламенной любви к Нему, и в котором ум наш, объятый и проникнутый сею любовью, беседует с Богом ближайшим образом и с особенною искренностью, как с отцом своим. Что мы, тщательно должны стараться достигнуть сего состояния, это внушают нам слова молитвы сей. Мы говорим: «Отче наш!» Если таким образом Бога, Господа вселенной собственными устами исповедуем Отцом своим, то вместе с сим исповедуем и то, что мы из состояния рабства совершенно преведены в состояние усыновленных чад Божиих.

Св. Максим Исповедник. (Первое слово молитвы возводит к исповеданию Пресвятой Троицы). Отец обладает этим именем не как вновь приобретенным... Если же Он – Присносущий и всегда есть и Отец, то это означает, что и Сын, и Дух Святой всегда сущностным образом сопребывают с Отцом. Они естественным образом существуют от Него и в Нем так, что превышают (всякую) причину и (всякий) разум. Стало быть, начав эту молитву, мы научаемся чтить Единосущную и Пресущую Троицу как творческую Причину нашего бытия. Одновременно мы научаемся возвещать и о благодати усыновления в нас, удостаиваясь называть Отцом по благодати своего Творца по естеству. И это для того, чтобы, испытывая благоговейный страх перед именем Родителя (нашего) по благодати, мы старались бы запечатлеть в (своей) жизни черты Родившего нас, освящая имя Его на земле, уподобляясь Ему, являя себя делами своими детьми (Его) и прославляя своими мыслями и делами Самосовершителя усыновления (нашего) – по природе Сына Отца.

Блаж. Феофилакт. Ученики Христовы соревнуют ученикам Иоанновым и желают научиться, как молиться. Спаситель не отвергает желания учеников, и научает их молитве. «Отче наш, – говорить, иже еси на небесех». Примечай силу молитвы. Она тотчас возводит тебя к горнему, и, поелику именуешь Бога Отцом, убеждает тебя всячески не терять подобия Отцу, но стараться уподобляться Ему.

Он же. Слово—«Отче» показывает тебе, каких ты удостоился благ, соделавшись сыном Божиим.

Симеон Солунский. «Отче наш!» – И потому, что Он есть Творец наш, из несущих приведый нас в бытие, – и потому, что по благодати есть Отец нам, чрез Сына по естеству, соделавшегося подобным нам.

Святитель Тихон. Из слов: «Отче наш!» научаемся, что Бог есть истинный Отец христиан, и «они суть сынове Божьи верою о Христе Иисусе» (Гал.3,26). Следовательно, как Отца, с упованием должно Его призывать им, яко же дети плотские родителей своих призывают и руки свои к ним во всяких нуждах простирают.

«Наш»

Св. Киприан. Учитель мира и Наставник единства прежде всего не хотел, чтобы

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org

молитва была совершаема врозь и частно, так, чтобы молящийся молился только за себя. В самом деле мы не говорим: «Отче мой, иже еси на небесех, – хлеб мой даждь ми днесь»; каждый из нас не просит об оставлении только своего долга, не молится об одном себе, чтобы только самому не быть введенному во искушение и избавиться от лукавого. У нас всенародная и общая молитва, и когда мы молимся, то молимся не за одного кого-либо, но за весь народ, потому что мы – весь народ – составляем одно. Бог – Наставник мира и согласия, поучавший единству, хотел, чтобы и один молился за всех так же, как Он один носил нас всех. Этот закон молитвы соблюдали и три отрока, брошенные в печь огненную: они были согласны в молении и единодушны в духе согласия. В этом удостоверяет Божественное Писание, которое, показывая, как они молились, дает нам пример для подражания, чтобы и нам сделаться подобными им. Сказано: «тогда тии трие яко едиными усты пояху и благословляху Бога» (Дан. 3, 51). Они говорили как бы одними устами, хотя не Христос научил их так молиться. И потому-то речь их – молящихся – была убедительна и действительна: мирная, простая и духовная молитва была угодна Господу. По вознесении Господнем мы находим апостолов с учениками, молившихся подобным же образом. «Сии вси, – сказано, – бяху терпяще единодушно в молитве и молении, с женами и Марию Материю Иисусовой и с братиею Его» (Деян.1,14). Они пребывали в молитве, единодушно, показывая и настоятельность своей молитвы, и взаимное согласие, потому что Бог, «вселяющий единомысленных в дом» (Пс.67,7), принимает в божественный и вечный дом Свой только тех, у кого молитва единодушна. О, каковы, возлюбленнейшие братья, тайны молитвы Господней! Сколь многое и сколь великое заключено в кратком словами, но обильном духовной силой молении!

...Говорим совместно: «Отче наш», т.е. верующих, – тех, которые, будучи освящены и восстановлены благодатным духовным рождением, стали сынами Божиими.

Св. Златоуст. Он научает нас молиться и за всех братьев. Он не говорит: Отче мой, иже еси на небесех, но – «Отче наш», и тем самым повелевает возносить молитвы за весь род человеческий, и никогда не иметь в виду собственных выгод, но всегда стараться о выгодах ближнего. А таким образом и вражду уничтожает, и гордость низлагает, и зависть истребляет, и вводит любовь – мать всего доброго; уничтожает неравенство дел человеческих и показывает полное равенство между царем и бедным, так как в делах высочайших и необходимейших мы все имеем равное участие. Действительно, какой вред от низкого родства, когда по небесному родству мы все соединены, и никто ничего не имеет более другого: ни богатый более бедного, ни господин более раба, ни начальник более подчиненного, ни царь более воина, ни философ более варвара, ни мудрый более невежды? Бог, удостоивший всех одинаково называть Себя Отцом, чрез это всем даровал одно благородство.

Блаж. Августин. Внушается сим, – «наш» – чтоб богатые и знатные в мире этом, став христианами, не гордились пред бедными и незнатными, так как и они тем же словом, как и те взывают к Богу: «Отче наш!» что произносить искренно от сердца они не могут, если не сознают себя братьями их.

Блаж. Феофилакт. Ты не говоришь: Отче мой, а «Отче наш», потому что должен смотреть на всех, как на братьев, детей одного Отца.

Он же. Не сказал (Господь в молитве) отче мой, но «Отче наш», возбуждая тебя к братолюбью, и понуждая всех любить как братьев вообще.

«Иже еси на небесех»

Св. Златоуст. Когда говорит Господь в молитве: «иже еси на небесех», то сим словом не заключает Бога на небе, но отвлекает молящегося от земли и поставляет его в превыспренных странах и горних жилищах.

Он же. Желая научить, чтобы мы оставили землю и земное и не преклонялись вниз, а взяли крылья веры и, взлетев выше воздуха и поднявшись выше эфира, стремились к именуемому Отцу, Он заповедал говорить: «Отче наш, иже еси на небесех», – не потому, чтобы Бог находился только на небесах, но чтобы нас, пресмыкающихся по земле, расположить к стремлению на небеса и, озарив красотой небесных благ, обратить туда все наши желания.

Блаж. Феофилакт. Сказав – «на небесех», Господь не ограничивает ими Бога, но слушателя возводит к небесам и отводит от земного.

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org
Он же. Словом—«на небесех» указал тебе Господь на твое отечество и на отеческий дом: посему, если желаешь иметь Бога Отцом, смотри на небо, а не на землю, как бессловесные.

Святитель Тихон. Глаголется: «на небесех»,—не яко Бог на небесех заключается, но молящегося от земли отводит и к небесным обителям возводит, глаголет св. Златоуст; такожде (и потому сказано сие слово), понеже там отечество есть избранных, и Бог в славе Своей там Себя показывает, и души святых своих увеселяет. Иначе Бог существенно на всяком месте, и на небеси и на земли есть, яко же Псаломник поет: «Бог наш на небеси и на земли» (Пс.113, 11).

Св. Кассиан. Присовокупляем в молитве: «иже еси на небесех», чтоб всячески избегая заботливых помышлений о настоящей земной жизни, как страннической и очень далеко нас от Отца нашего отдаляющей, мы крайним желанием устремлялись в ту область, в коей, как исповедуем, обитает Отец наш, и ничего не допускали такого, что, делая нас недостойными такого нашего чина и благородства такого всыновления, лишало бы нас, как вырождков, отеческого наследия и подвергало всей строгости праведного суда Божия.

Св. Григорий Нисский. Словами: «иже еси на небесех»— напоминает нам, из какого отечества мы ниспали и какого благородства лишились. Повествованием о юноше, оставившем отеческий дом и предавшемся свинообразной жизни, писание, исторически описывая его удаление и распутную жизнь, показывает бедственное состояние человечества, и не прежде возвращает сего юношу в первоначальное состояние, как по восчувствовании им настоящего бедствия, когда пришел в себя и привел себе на мысль слова покаяния. А они согласны несколько с словами молитвы. Ибо там сказал юноша: «отче, согреших на небо и пред тобою» (Лк.15,21); но Он не упомянул бы в исповедании о грехе «на небо» если бы не был уверен, что небо его отечество, оставив которое он впал в прегрешение. Посему—то помышление о таком исповедании делает ему доступным отца, который и спешит к сыну, приветствуя его лобзанием выи. Итак, как там причину оказанного юноше отцом человеколюбия послужило возвращение его в отеческий дом (а это есть «небо», согрешившими, на которое признает себя пред отцом); так, кажется мне, и здесь Господь, научая призывать отца, «иже на небесех», делает тебе напоминание о благом отечестве, чтобы возбудив сильнейшее пожелание прекрасного, поставить тебя на путь, снова ведущий в отечество. Путь же, возводящий человеческое естество на небо, не иное что, как отступление и бегство от земных зол; а средством к отбежанию от сих зол не иное что, думаю, служит, как уподобление Богу; уподобиться же Богу значит сделаться праведным, святым, благим, и всем сему подобным. Если кто, сколько возможно, ясно напечатлеет в себе черты сих совершенств, то как бы по естественному порядку, без труда, из земной жизни преселится в страну небесную; потому что не местное какое расстояние у Божества с человечеством, так что была бы нам потребность в каком-нибудь орудии или примышлении чтоб эту тяжелую, обременительную и земную плоть ввести в образ жизни не телесной и духовной. Но по разумном отлучении добродетели от порока, от одного человеческого произволения зависит быть человеку там, куда преклонен пожеланием. Посему, так как никакого нег труда избрать доброе, а за избранием следует и приобретение того, что кем избрано: то возможно немедленно быть на небе и тебе, объявшему умом своим Бога. Если, как говорит Екклесиаст: «Бог на небеси горе» (5,1), а ты, по слову Пророка, прилепился «Богови» (Пс.72,28): то по всей необходимости должно тому, кто в единении с Богом, быть там, где Бог.

Св. Кирилл Иерусалимский. Небесами могут быть и носящие в себе «образ небеснаго» (1кор.15, 49), которым Бог обетовал: «в вас вселюся и похожду» (2кор. 6, 16).

Симеон Солунский. «Иже еси на небесех». Ибо Бог, как написано, будучи свят, во святых почивает. Ангелы же, обитающие на небесах, святее нас, как и небо чище земли. Почему и думается, что Бог есть паче на небе.

Блаж. Августин. Так новозаветный народ новый, призванный к вечному наследию, да взывает: «Отче наш, иже еси на небесех», — то есть, — во святых и праведных. Бог не ограничивается каким либо местным пространством. Как ни представляется светлым небо, все оно есть вещественная местность, ограниченная. Если б Бог обитал только в высших частях мира, то птицы были бы блаженнее нас, потому что витают ближе к Богу. Но не написано: близ Господь к поднявшимся высоко—высоко, или к живущим на горах, а: «близ

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org
Господь сокрушенным сердцем» (Пс.33,19), что есть принадлежность смиренных и униженных. Как грешник назван землею, когда ему сказано: «земля еси и в землю пойдешь» (Быт.3, 19), так по противоположности праведник может быть назван небом. Праведным сказано: «храм Божий свят есть, иже есте вы» (1Кор.3,17). Посему, если храме своем обитает Бог, а святые суть храм Его; то справедливо будет—слова: «иже еси на небесех» понимать так: «иже еси» во святых. Такое применение тем удобнее сделать, что в духовном отношении праведные отстоят от грешных, как небо от земли. Вот и к востоку, где солнце восходит, обращаемся мы, становясь на молитву, не потому, чтоб там обитал Бог, оставя прочие части мира: ибо Он везде есть всегда, и во всем величии своем; но чтобы тем расположить дух свой обращаться к высочайшему существу, т.е. Богу, когда тело его—возное—обращается к телу, высшему его — небесному. И с степенями духовного возраста это (слово: «на небесех») сообразнее, чтоб в молитве сердца всех, по силам своим, исполнялись достойными Бога чувствами. Для тех, которые пленяются еще видимыми красотами и не могут отрешенно помышлять о бестелесном,—так как они по необходимости предпочитают небо земле — более под силу помышление, по коему Бог верится быть паче на небесах, нежели на земли, потому что они Бога ведают еще телесно. Но когда уразумеют они, что душа достоинством своим превосходит всякое даже небесное тело, тогда начнут полагать его в душе паче, нежели в каком либо теле, хотя бы и небесном. Уразумев же, сколько отстоят души грешных от душ праведных, они, как прежде, когда мудрствовали плотски не дерзали полагать Бога на земле, а полагали его на небе, так теперь, лучшим просветившись ведением и высшею верою, станут полагать его и искать в душах праведных, а не грешных. И так справедливо слова: «иже еси на небесех» разуметь так, как бы сказано было: иже еси в сердцах праведных, как в храме своем. Произносящий сии слова в таком смысле желать должен, чтоб и в нем самом возобитал Тот, кого он так призывает, желая же сего, держать праведную жизнь: ибо сим только образом привлекается Бог к обитанию в душе.

Уроки из сего призывания.

Св. Киприан. Называя же Бога Отцом, мы должны помнить и знать, возлюбленнейшие братья, что нам надлежит и поступать как сынам Божиим, чтобы как мы сами радуемся о Боге Отце, так и Он радовался о нас. Будем пребывать, как храмы Божий, дабы видно было, что в нас обитает Бог. Да не будут действия наши недостойны духа: начавши быть небесными и духовными, будем помышлять и делать только духовное и небесное, имея в виду сказанное Богом: «прославляющая Мя прославит, и унижаяя Мя безчестен будет» (1Цар.1,30) — и написанное блаженным апостолом в Послании его: «несите свои, куплены бо есте ценою; прославите убо (и носите) Бога в телесех ваших» (1Кор.6, 19-20).

Св. Григорий Нисский. Произносящему — «Отче» — какая потребна душа? Сколько нужно дерзновения? Какую надобно иметь совесть, чтобы сколько возможно познав Бога и уразумев, что естество Божие есть благодать, святость, радование, сила, слава, чистота, и все что подобного сему представляется мыслью о Божием естестве, потом уже осмелиться выговаривать это слово и кое существо наименовать своим Отцом? Явно, что если имеет кто сколько-нибудь разума, то, не усматривая в себе того же, что в Боге, не осмелится произнести к нему слова сего и сказать: «Отче!» Ибо неестественно благому по сущности стать отцом злого по делам, святому—отцом оскверненного по жизни, отцу жизни — отцом умерщвленного грехом, чистому — отцом опозоривших себя страстями бесчестия. Если кто видя себя имеющим еще нужду в очищении и порочную совесть свою признавая исполненную скверн, прежде очищения от таких худых свойств, включит себя в родство с Богом, и неправедный Праведному, нечистый—Чистому скажет: «Отче», то речение сие прямо будет оскорблением и злословием. Посему, когда Господь учит нас в молитве называть Бога Отцом, то не иное что, кажется мне, делает, как узаконяет возвышенный и выспренный образ жизни; потому что истина учит нас не лгать, не говорить о себе того, чего в нас нет, не именовать себя тем, чем мы не были, но, называя Отцом своим Праведного и Благого, родство сие оправдывать жизнью. Поэтому видишь ли какая нужна нам жизнь, чтоб возыметь дерзновение сказать Богу: Отче? Ибо если ты любишь деньги, озабочен житейскою прелестью, домогаешься людской славы, служишь наиболее страстным пожеланиям, однако ж приемлешь в уста такую молитву: то что, думаешь, скажет Тот, Кто видит твою жизнь и слышит молитву? Вот какие будто слышу я самим Богом изрекаемые слова такому человеку: «и ты, растленный по жизни, называешь своим отцом Отца нетления? Для чего нечистыми устами оскверняешь чистое имя? Для чего речение это употребляешь лживо? Если ты чадо Мое, то

жизнь твоя должна носить на себе черты Моих свойств. Не признаю я в тебе образа Моего естества; черты твои противоположны. Иной отец злых в тебе свойств. Мои порождения и украшаются добрыми отеческими качествами, сын милостивого милостив, чистого—чист, нетленного—чужд растления, благого—благ, праведного—справедлив. А тебя не знаю, откуда ты». Посему, предписав в молитве говорить, что Бог—отец наш, не иное что повелевает, как благолепную жизнь уподобляться Отцу небесному; как и в другом месте яснее заповедует то же самое, говоря: «будите совершени, якоже Отец ваш небесный совершен есть» (Мф.5,48). Как явны признаки уподобления Богу, так и у лукавого нрава есть свои особые признаки, — и кто их имеет, тому невозможно быть сыном Божиим. Это—зависть, ненависть, клевета, кичливость, любостыжательность, страстное пожелание, недуг славобесия, — сими и подобными сим чертами отличается образ сопровивника. Посему если подобными сквернами очернивший душу свою будет призывать отца, то такой отец услышит его? Да будет же удалена от твоего образа такая нечистота. Божество не причастно зависти и всякой другой скверны,—и на тебя да не кладут пятна подобные страсти,—ни зависть, ни кичливость, ни что-либо другое, оскверняющее богоподобную лепоту. Если сделаешься таким, то смело призывай Бога и Владыку всяческих именуя Отцом своим. Он воззрит на тебя отеческими очами и, облекши тебя в божественную одежду, украсив перстнем, и ноги твои для шествия горе снабдив евангельскими сапогами, возвратит тебя в небесное отечество.

Св. Златоуст. Не напрасно научен ты произноси это слово («Отче наш!»), а для того, чтобы благоговей пред именем Отца, произносимым собственным языком твоим, ты подражал Его благодати, как и в другом месте Он говорит: будьте подобны «Отцу вашему, иже есть на небесех, яко солнце свое сияет на злые и благия, и дождит на праведные и неправедные» (Мф.5,45). Посему не может называть человеколюбивого Бога Отцом своим тот, кто имеет настроение души зверское и бесчеловечное; потому что он не имеет свойств благодати, какие есть у небесного Отца, но изменился в зверский вид и лишился божественного достоинства. Тот же, кто кроток и человеколюбив к ближним и не мстит согрешающим против него, но воздаст за обиды благодеяниями, безукоризненно может называть Бога Отцом. И вникни в точность выражения, как Он заповедует нам взаимную любовь, и соединяет всех дружелюбным расположением. Он не повелел говорить: «Отче мой, иже еси на небесех», но «Отче наш, иже еси на небесех», для того, чтобы, научившись именовать общего Отца, мы оказывали братское расположение друг к другу.

Святитель Тихон. Сим воззванием: «Отче наш!» научаемся: 1) что всем христианам «един есть Отец»— Бог; следовательно, они между собою братья, как имеющие одного Отца. 2) Должны христиане, как братья духовные, любовь между собою иметь, друг за друга к Богу молиться, и как бы один голос от сердца испускать к Небесному своему Отцу: «Отче наш!» «Этим Он научает, — говорит святой Иоанн Златоуст в беседе на это слово, — общую за братию творить молитву. Ибо не говорит: «Отче мой», но говорит: «Отче наш», — за общее тело воссылать молитвы, и везде видеть не только свою пользу, но и ближнего». 3) Когда христиане — братья по Богу, то все одну честь и славу имеют. Все, говорит: господа и рабы, прославленные и неизвестные, богатые и нищие, сановитые и простые, как братья. И потому не должны друг друга презирать, так как «все они — одно во Христе Иисусе» (Галл. 3,28). «Так, — говорит святой Иоанн Златоуст, — Он неравенство от нас выводит, и показывает великое равенство царя с нищим». 4) Как старательно должны от грехов беречься, более же добрыми нравами Богу уподобляться, как сыновья своему отцу, если без зазрения совести хотят Его призывать и называть Отцом. 5) Видно из этого, что неисправный христианин, пока не исправит и не очистит себя истинным покаянием, не может Бога с пользой призывать, тем более Отцом называть и эту молитву произносить. Непременно надобно оставить грехи и плотские прихоти, покаяться, и отступить от неправды, по учению апостола: «да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа» (2Тим.2,19). Ибо как может Ему сказать: «Отче наш», а сам своими нравами уподобляется скотам или дьяволу? Ибо те, которые Бога называют Отцом и молятся: «Отче наш», — должны быть сынами Божиими, а в сынах должны быть свойства, подобные отцу. Итак, должно непременно, подобно блудному сыну, прийти в себя, обратиться и возвратиться к Отцу и перед Ним со смирением признать свой грех: «Отче! Я согрешил против неба и пред Тобой и уже недостойн называться сыном Твоим» (Лк.15,17–21), — и впредь не отлучаться от Отца Небесного, но Ему от чистого сердца служить, и с Его домашними, то есть с истинными христианами, иметь часть, и так с ними вместе общий испускать к Нему глас: «Отче наш!».

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org
Собиратель. «Отче наш!». Какое сладостное воззвание! Имя Отца и тепло и отрезвляюще. У кого есть отец, тот чувствует себя состоящим под мощным крылом, совершенно безопасным и огражденным: чувствует также, что ему ни о чем нет нужды беспокоиться и хлопотать; все будет—и пища, и одежда, и кров, и что ему стоит только обратиться к отцу, когда чего захочет и все получит.

Такие же чувства и у того, кто сумеет сознать и восчувствовать Бога Отцом своим. Как только возродится в ком удостоверение, что Бог есть Отец его, тотчас водворятся в сердца и те чувства, какие обычно дети имеют к отцу, и в безопасном крове будет он себя чувствовать, и в довольства беспопечительном, и в твердом уповании, что все ему будет, что ни попросит достойного.

Так вот в чем вся сила! Взойти до чувства, что Бог Отец наш есть. Как же это? Уяснением отношений, в какие угодно было Богу поставить себя к нам. Рассуждай о том, что есть Бог для нас,—и дойдешь.

Первое. Бог Отец наш есть и по естественному порядку. Ибо, творя человека, Он вдохнул в лице его дыхание жизни своей. Сие дыхание,—не плотское, а духовное,—не перестает оживлять всех людей, и следы того, что в нем есть божественного, неизгладимы. Таким образом мы родственны Богу по естеству. Мысль сия хоть отвлеченна, однако ж недалеко от общего чувства. И св. Павел не усомнился воспользоваться ею для вразумления афинян, не приводя только им на память слова одного их книжника: «того бо и род есмы», но делая из того очень внушительный вывод: «род убо суще Божий...» (Деян.17, 28. 29). До такого убеждения и всякий может дойти, или скорее, восставить его в себе, и затем сказать в сердце своем: род суще Божий, ты можешь и должен чувствовать себя родственным Богу и Его иметь родоначальником и общим всем Отцом.

Второе. Бог—Отец наш, по промыслительной попечительности о нас. Ибо создав, хранит, держит в десниц Своей, ведет к концу, и всяким попечением окружает, боле чем отец родной. Итак, дойди до узрения и восчувствования Божией попечительности не вообще только о всех, но и о тебе самом; тогда невольно взывать будешь: «Отче наш!»

До этого же как дойти?—Размышлением. Изволь размыслить и проследить все, что сделал Бог для рода человеческого; как поместил нас в раю на блаженство, как не оставил нас в падении, а промыслил образ возвращения нам потерянного, как потом вел к принятию Восстановителя нашего, сначала всех одинаково, потом порознь—особо иудеев, и особо другие языки,—как наконец пришел сей Восстановитель и совершил дело восстановления, как затем пошло дело усвоения сего восстановления родом нашим, как при сем Бог обращал целые народы и привлекал неисчетное множество частных лиц, как обратил наш народ и блюдет в нем восстановительные силы. Если хочешь видеть более частные действия попечения Божия, проследи историю Авраама, Иосифа, Иова, Давида, Езекиа и других мужей; посмотри нашу отечественную историю и славных ее мужей. Во всем этом не можешь не увидеть, что Бог много думает и много печется о нас. Не Отец ли же Он есть рода нашего?

Затем переходи размышлением к себе самому и проследи все, что было с тобою. Увидишь многократные избавления Божии от бед и падений, а во всей жизни особое благодетельное направление ее десницею Божиею. Сокровенных Божиих благодеяний гораздо более, нежели явных. Сокровенны они потому, что невидимы бывают в то время, когда даются и усматриваются после,—и это до осязательной очевидности. Такое уразумение и узрение Божия попечения, не виденного в свое время и усмотренного после, дает убеждение, что и в настоящее время Бог попечительно устроит наше бытствование и благобытие, хотя мы определенительно указать того не можем. Отсюда нельзя не вынести убеждения, что око Божие благопопечительно обращено на нас, и десница Его держит, покрывает и руководит нас, и по благовому пути направляет течение жизни нашей. Когда восчувствуется сие, тогда сердце само неудержимо изречет: «Отче наш!»

Третье. Бог Отец наш есть в силу духовного возрождения. В сем отношении дивиться надо, как у нас христиан мало или совсем нет чувства, что Бог Отец наш. У христиан сие чувство должно быть само собою в сердце, без особого напряжения к производству его. Ибо они рождены от Бога. Св. Евангелист Иоанн пишет: «елицы же прияша Его»,—Бога Слово, чрез воплощение пришедшего в своя,— «даде им область чадом Божиим быти верующим во имя Его, иже ни от

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org
крове, ни от похоти плотския, ни от плоти мужеския, но от Бога родишася» (Ин.1,12.13). Когда родились? Когда, по уверовании, крестились. Ибо в крещении рождаются водою и духом. И кто не родится сим образом, тот не может вступить в область чадства Богу, открытую воплотившимся Сыном Божиим. Будучи таким образом Божиим порождением в духе, мы должны бы и чувствовать сие духом, и в духе иметь Бога Отцом своим,—не размышлением до того доходя, а непосредственно то чувствуя.

От чего же слабо это чувство, или его и совсем нет? От того надо полагать, что то состояние, в которое поставляет нас рождение от Бога или совсем испарилось и прошло, или ослабело. Нет сего состояния? Нет и чувства чадства Богу и отчества Божия.

Следовательно, за чем дело? Надо восстановить в силе состояние возрождения; тогда и чувство отчества Божия восстановится. Как же это?

Тут одного размышления недостаточно. Размышление о том, чем должно бы нам быть вследствие рождения от Бога, и о том, как все сие совершилось, может быть только введением к тому. Начни разбирать, чем бы должен ты быть по рождению духовному, и сличи с тем, что ты есть на деле. Увидишь большое несогласие одного с другим, которое ложится на тебе большим покором пред совестью твоею христианскою, пред Богом и Ангелами Его. Покор влечет осуждение; за осуждением следует наказание. Углуби сии мысли,—истинное, непреложное дело показывающие,—и вострепнешься. Вострепенувшись, озаботишься, как бы избежать ожидаемого взыскания. Отсюда придет покаяние и решение держать прочее себя достойно рождения от Бога. В таинстве покаяния возвращается благодать возрождения, или возочищается ее действие на сердце. Надо бы тут тотчас родиться и чувству отчества Божия. Оно и бывает у всех истинно кающихся. Помилование получив, или ощутив, не могут они не чувствовать отческих объятий, как в притче о блудном. Но потом это чувство проходит. Предлежит труд в доме отца, то рабский, то наемнический. Кто постоянством в труде пройдет сии степени, тот вступить наконец в чин сына. Тогда и чувство отчества Божия поселяется во глубине сердца его, и пребывает уже в нем неотходно.

Б) Семь прошений

Св. Златоуст. Упомянувши об этом благородстве (чрез сыноположение), о высшем даре, о единстве чести и о любви между братьями, отвлекши слушателей от земли и поставивши их на небесах, — посмотрим, о чем, наконец, повелевает Иисус молиться. Конечно, и наименование Бога Отцом заключает в себе достаточное учение о всякой добродетели: кто Бога назвал Отцом, и Отцом общим, тот необходимо должен так жить, чтобы не оказаться недостойным этого благородства и показывать ревность, равную дару. Однако, Спаситель этим наименованием не удовлетворился, но присовокупил и другие изречения.

Св. Григорий Нисский. Закон, «сень имый грядущих благ» (Евр.10:1), и некими прообразовательными гаданиями провозвещающий истину, когда во святилище вводит священника для принесения молитвы Богу, сперва очистительными некими жертвами и окроплениями очищает входящего, потом, украсив священнической одеждой, благолепно испещренной золотом, багрянницей и красками других цветов, возложив на него наперсник и увясло, прицепив к краям одежды звонки с пуговицами, а на раменах застегнув верхнюю одежду и голову прикрасив диадемой, обильно излив миро на волосы, вводит его наконец в святилище совершать таинственные священнодействия.

Духовный же законоположник — Господь наш Иисус Христос, обнажая закон от телесных покрывал и приводя в ясность гадательный смысл прообразов, во-первых, не одного только избирает из целого народа, вводит в собеседование с Богом, но всякому равно дарует достоинство, предложив желающим общую благодать священства, а потом незаимствованным убранством, найденным в какой-либо краске и ткацком ухищрении, придает искусственную красоту священнику, но возлагает свойственное и сродное ему украшение вместо разнообразно испещренной одежды, делая цветоносным приятностями добродетелей; и грудь украшает не земным золотом, но непорочной и чистой совестью придавая красоту сердцу. К увяслу же этому приноравляет и блеск драгоценных камней, а это, по мнению апостола, соответствует светлости святых заповедей. Да и надрагами обезопасивает ту часть, которой украшением служит такой вид одеяния; конечно же не знаешь, что украшение такой части — покров целомудрия. Привесил к «рясам» жизни духовные «звонки», и «пуговицы», и «цветы» (Исх.28:34), а под ними иной справедливо может

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org разумеет видимое в добродетельной жизни, чтобы прохождение этой жизни сделалось славным, а поэтому ряснам этим вместо звонка придал благозвучное слово веры, а вместо пуговицы – сокровенную готовность к надежде на будущее, прикрытую суровой жизнью, и вместо цветов – доброцветную красоту рая; таким вводит его во святилище и внутренность храма. Святилище же это не неодоушевленное и нерукотворенное, но сокровенная храмина нашего сердца, если действительно она непроницаема для порока и недоступна лукавым помыслам. Главу украшает небесным мудрованием, не изображение букв начертан на золотой дощечке, но самого Бога изобразив во владычественном рассудке. А на волосы разливает миро, душой внутри себя самой составленное из добродетелей, и готовит его к принесению Богу в таинственном священнодействии, в благоухание и жертву не чего-либо иного, но себя самого. Так возведенный Господом в священство, умертвив плотское мудрование мечом духовным, «иже есть глагол Божий» (Еф.6:17), потом, пребывая во святилище, умилостивляет Бога, таковой жертвой посвятив себя самого и представив тело свое «жертву живу, святу, благоугодну Богови» (Рим.12:1).

Как надлежит готовить себя посвящаемому, достаточно показано это словом в исследованном до этого, остается же рассмотреть само прошение, какое пребывающему внутри святилища Господь повелел возносить к Богу.

Первое прошение «Да святится имя Твое»

Св. Григорий Нисский. Мне кажется, что излагающий просто слова молитвы по первому взгляду не доставляет нам удобопонятного смысла. Сказано: «Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое». Как относится это к моей потребности? – скажет иной человек, или покаянием наказывая себя за грехи, или, чтобы бежать от преобладающего греха, призывая на помощь Бога, потому что всегда перед очами у него поборающий искушениями. Здесь раздражительность выводит рассудок из упорядоченного состояния; там пожелания неуместного ослабляют силу души; в другой раз наводят слепоту на зоркость сердца любостыжательность, кичливость, гордыня, ненависть и остальная толпа противоборствующего нам, подобно какому-то полчищу вокруг обступивших врагов, при самой крайности ввергают душу в опасность. После этого стараемся при благом содействии избавиться от этих зол какие всего удобнее употребить слова? Не те ли, которые употребил великий Давид, сказав: «да избавлюся от ненавидящих мя» (Пс.68:15), и еще: «да возвратятся враги мои вспять» (Пс.34:4), и еще: «Даждь нам помощь от скорби» (Пс.59:13), – и другие этому подобные, которыми можно восставить Божие против врагов содействие? Теперь же что говорит закон молитвы? «Да святится имя Твое». Если и не будет это мною сказано, неужели возможно имени Божию не быть святым?! «Да придет Царствие Твое». Что же изъято из под власти Бога, Который, как говорит Исаия, объемлет дланью все небо, горстью всю землю, рукой содержит влажное естество, в объятиях носит всю тварь и этого мира, и премирную (Ис.40:12). Поэтому если имя Божие всегда свято, ничто не избегло державы владычества Божия, но всеми обладает, в святине не требует прибавлений, во всем нескудный и совершенный – что выражает молитва словами: «Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое»?

Св. Киприан отвечает так: «мы говорим, «да святится имя Твое», – не в том смысле, будто мы желаем Богу, да святится Он молитвами нашими; но мы просим у Него, чтобы имя Его святылось в нас. Ибо от кого же освятится Бог, Который сам всех освящает?»

Тертуллиан прибавляет: «так молились мы не для того, чтобы людям прилично было благожелательствовать Богу, как бы было еще нечто, чего можно пожелать Ему, и в чем Он будет недостаточествовать, если мы не поблагожелательствуем Ему того. Но та как нам подобает благословлять Бога (Пс.102, 22) на всяком месте и во всякое время, всегда памятуя великие Его к нам благодеяния, то это слово (да святится имя Твое) стоит здесь вместо благословения (т.е. вместо: да благословляется). – К тому же, когда не свято и когда не свяtimo имя Бога само по себе, когда Он из себя освящает всех? Но так как обстоящей Его сонм Ангелов непрестанно взывает: «свят, свят, свят» (Ис.6,3. Апок.4,8); то и мы, кандидаты на Ангельский чин, отседаем еще научаемся такой же воссылать к Богу небесный глас, здесь еще приучаясь к будущему торжестванию. Итак, первая здесь мысль – мысль о славе Божией.

Св. Златоуст. «Да святится имя Твое», говорит Он. Ничего не просить прежде славы Отца небесного, но все почитать ниже хвалы Его – вот молитва, достойная того, кто называет Бога Отцом! ...Бог имеет собственную славу, исполненную всякого величия и никогда неизменяемую. ...Ею созерцая и

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org серафимы, славя Бога, так взывают: «свят, свят, свят» (Ис.6,3).

Он же. Пусть никто не имеет безрассудной мысли, будто Богу даруется прибавление святости словами: «да святится имя Твое». Он – свят и всесвят и святые всех святых. И Серафимы приносят Ему такое песнопение, непрестанно взывая: «свят, свят, свят Господь Саваоф; исполни небо и земля славы Твоея» (Ис.6, 3). Как те, которые приносят хвалы царям и называют царями и самодержцами, не дают им то, чего они не имеют, но славословят то, что имеют; так и мы не сообщаем Богу святости, как бы не бывшей у Него, когда говорим: «да святится имя Твое», но прославляем находящуюся у Него; ибо «да святится» здесь сказано вместо «да прославится».

Св. Кассиан. Достигши столь высокой степени сынов Божиих, мы не можем не гореть свойственною добрым деяниям любовью, которая заставит нас во всем искать не своей пользы, но славы Отца нашего. Посему и говорим: «да святится имя Твое», чем свидетельствуем, что наше чаяние, наша радость – есть слава нашего Отца, последуя Тому, кто сказал: «ищай славы пославшаго Его, сей истинен есть, и несть неправды в нем» (Ин.7,18).

Святитель Тихон. «Да святится имя», то есть да славится имя Твое, говорит святой Иоанн Златоуст. Это значит, чтобы мы ничего иного не искали, как только славы Божией. Достойна молитва того, говорит Златоуст, который Бога Отцом называет, ничего не просить прежде славы Божией, но всему предпочитать хвалу Ему. Имя Божие свято и славно и без нашего прославления, но мы должны стараться, чтобы и в нас оно славилось.

Собиратель. Вторая мысль в слове «да святится» есть – да благоговейно читается. Ибо что свято, то окружаем мы всяким почтением, пред тем всегда благоговействуем, к тому относимся с должным страхом. «Да святится имя Твое» будет тоже что: страх Твой всади в сердца нас, поющих Тя! – и пристойно сему прошению стоять на первом месте: ибо благоговейный страх Божий есть источник духовной мудрости и богоугодной жизни. Кто его имеет, тот имеет и руководителя, и возбудителя и подкрепителя. Пока он есть, душа бывает полна несокрушимую силою против всякого греха и на всякое добро. Поелику таким образом он есть первое в духовной жизни о нем и первая молитва.

Блаж. Августин. Сказано, кто – Тот, к Кому обращаемся с молением и где Он обитает. (Это в словах: «Отче наш, иже еси на небесех»). Теперь посмотрим, о чем надлежит молить Его. Первое из всего, что испрашивается есть: «да святится имя Твое». О сем просим не в том смысле, будто бы имя Божие не было свято, но в том, да имеется оно святым у людей; т.е. так да ведом им будет Бог, чтоб они не почитали что-либо другое более святым и что оскорбить более боялись бы они, чем имя Его. Подобно сему, когда сказано: «ведом во Иудее Бог, во Израили велие имя Его» (Пс.75, 1), то сие должно не так понимать, как бы в одном месте Бог был менее велик, а в другом более; но там велико имя Его, где оно именуется по великости величия своего. Таким образом, там именуется имя Божие, как святость, где именуется со благоговением и страхом оскорбить Его.

Он же. Чего ради просишь, – да святится имя Божие? – Оно свято. Что же и просить, да будет свято то, что уже свято есть? – К тому же когда просишь, да святится имя Его, не о Нем ли Его просишь, а не о себе? – Но уразумей (как должно смысл слова, и увидишь), что о себе просишь. Ибо того просишь, чтоб то, что само в себе всегда свято, святилось в тебе. Что значит «да святится»? Святым да имеется, да не презирается. Видишь ли теперь, что себе добра желаешь, когда сего желаешь. Ибо для тебя пагубно, когда презришь имя Божие, а не для Бога.

Он же. Когда говорим: «да святится имя Твое», то самих себя убеждаем желать и искать, чтоб имя Его, которое всегда в себе свято есть, святым имелось у людей, т.е. не было презираемо; что не для Бога потребно, а для людей спасительно.

Собиратель. К сим двум мыслям, как дополнение и приложение, можно прибавить следующие две.

Первая. Прославляется и благоговейно читается имя Божие, когда познаны бывают неизреченное всесовершенство Божие, и величие Его с неумытною правдою и судом, превосходящие меру постижения нашего. До познания сего можно доходить и собственным размышлением при руководстве божественного откровения. И смиренный Богомысленник не может не заключать своего

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org

богомыслия—или славословием Богу, предивному в совершенствах своих, или падением пред Ним в страхи и трепете, при представлении Его величия необъятного и Его страшной правды и судов неумытных. Но такие проявления славословия и благоговеинства, происходя от меры постижения Божиих свойств и величия, и сами не восходят выше сей меры, и далеко бывают от меры Божией. К тому же они проявляются вследствие натиска от ума на сердце, почему бывают поверхностны. Настоящее же словословие и благоговеинство бьют ключом из сердца, заставляя ум только изумляться. Сие производится действием благодати Божией. Она дает чувству вкусить сколь благ и велик Господь, и за сердцем вводит в созерцание сего ум. И бывает тогда истинное славословие и благоговеинство в глубине души. Бывает и то, что у них однажды водрузившись, оно не отходит от них никогда, и вот о сем то благодатном воздействии и гласят слова молитвы: да святится имя Твое. Даруй Господи, благодатью Твоею сердцу нашему вкусить, сколь благ еси, дивен и велик, и уму нашему войти в созерцание сего, чтоб наши славословие благоговеинство, хоть мало, подходили в меру Твою и водворившись внутрь нас, никогда не отходили от нас!—Не потому ли и повелел Господь говорить: «да святится», а не: да святим мы, что благодатные славословие и страх Божий, когда приходят, действуют сами собою, оставляя дух наш быть только сознатеlem происходящего и вкушателем того.

Вторая. Да прославляется и да благовейно читается имя Твое всеми людьми. Молящиеся о сем конечно сами славословят Бога и благоговеинствуют пред Ним, сознав долг свой к тому. Дети естественно и чтут и славят отца. Но самая любовь к отцу не даст им довольствоваться славой и почитанием отца только в своем кругу; они желают и ищут, чтоб отец их всеми был славим и чтим. Так и в отношении к Богу, именуящие его Отцом своим не могут довольствоваться только своим Его прославлением и чествованием; но желают, чтоб и все люди славил и благоговеинствовали пред Ним. Так как сие иначе исполниться не может, как распространением истинного познания о Боге, чрез распространение божественного откровения; то в желании, чтоб все славил и чтил Бога—Отца нашего, естественно выражается желание и того, чтоб распространялось благовестие о Боге и всеми было познано имя Его. Ибо Бог наш таков, что только познай Его, и уже не можешь не славословить Его и не благоговеинствовать пред Ним. Блаж. Августин, выразив мысль, что в слове «да святится» содержится моление о том, да благовейно читается имя Божие, приложил: «и сие—то совершает ныне Евангелие, возвещаемое всем народам!»—Св. Кассиан после приведенных выше слов о желании славы Отцу небесному от лица детей, движимых любовью к Нему, присовокупляет: «сосуд избранный, будучи исполнен сими чувствованиями, желает «отлучен быть от Христа» (Рим.9,3), чтоб только приобрести Ему многочисленное семейство, и присовокупить к славе Отца своего спасение всего Израиля».—Тертуллиан ту же мысль выражает: «молимся, да святится имя Божие не в нас только, кои уже присвоились Ему, но и в прочих людях, коих еще ожидает Божия благодать. Мы повинемся заповеди, повелевающей нам молиться за всех, и даже за врагов наших (Мф.5,44). Не говоря: да святится имя Божие только в нас, мы тем самым говорим: да святится оно и во всех». Таким образом молясь: «да святится...», молимся да распространится во всем роде человеческом истинное Боговедение, чтоб из всех людей составилось одно семейство Божие, Бога именуящих Отцом своим, славящих Его и благоговейно чтущих.

Есть еще третья мысль,—в слове: «да святится...»,— которую можно признать и дополнительной, как две предложенные пред сим, и принимать, как прямую мысль молитвы именно: да прославляется Бог жизнью нашею. Сию преимущественно мысль внушают все святые отцы.

Св. Кассиан. Слова: «да святится имя Твое»—справедливо могут давать и ту мысль, что священие Бога есть совершенство. Посему говоря ему: «да святится имя Твое», мы говорим как бы следующее: «Отче» сделай нас такими, чтобы мы могли разуметь величие Твоей святости, или удостоиться приятия оной, или лучше, да открывается святость Твоя в духовной жизни нашей". А это только тогда исполняется действительно, когда люди «видят добрая дела наша, и прославляют Отца нашего, иже есть на небесах» (Мф.5, 16).

Св. Киприан. Так как Бог сказал: «будете святы, яко Аз свят» (Мф.16,2: 1Петр.1,15), то мы просим и молим, чтобы, освященные в крещении, мы и пребыли такими, какими быть начали. И об этом молимся ежедневно, потому что имеем нужду в ежедневном освящении, чтобы ежедневные грехи наши очищать непрестанным освящением. Каково же освящение, даруемое нам Богом по Его благодати, — это поясняет апостол, говоря: «ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни осквернители, ни малакии, ни мужеложницы, ни татие, ни

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org
лихоимцы, ни пьяницы, ни досадители, ни хищницы царствия Божия не наследят. И сими убо неции бесте; но омыстесь, но освятитесь, но оправдистесь именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего» (1Кор. 6, 9-11). Он называет нас освятившимися именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего; и мы молимся, да пребудет в нас такое освящение. А так как Господь и Судия Наш исцеленному от Него и оживотворенному с угрозой заповедал не грешить более, чтобы ему не было хуже (Ин.5,14), то мы непрестанной молитвой умоляем, днем и ночью просим, чтобы освящение и оживотворение, принятое нами от Божией благодати, соблюдено было в нас божественным охранением.

Св. Григорий Нисский. Писание под видом молитвы не учит ли, может быть, чему-либо такому: природа человеческая для приобретения чего-либо доброго немощна, и потому о каком бы добре ни заботились, не достигали бы мы его, если бы не совершало это в нас Божие содействие. А главное для меня из всех благ - то, чтобы жизнью моей прославлялось имя Божие.

Вразумительнее же сделается для нас этот смысл через предположение противного. Слышу, что Священное Писание осуждает где-то тех, которые делаются виновниками хулы на Бога. Ибо сказано: горе тем, «ихже ради имя Мое хулится во языцех» (Ис.52:5). А это значит: не уверовавшие еще слову истины взирают на жизнь принявших веру в таинство, а поэтому, когда иные носят на себе имя веры, а жизнь их противоречит имени или идолослужительствуя любостыжательностью, или бесчинствуя в пьянстве и на пиршествах, или наподобие свиней валяясь в тине распутства; тогда у неверных тотчас готов отзыв, осуждающий не произвол худо пользующихся жизнью, но таинство, как будто оно учит поступать таким образом, и будто бы такой-то человек, посвященный в божественные таинства, не сделался бы или злоречивым, или любостыжательным, или хищником, или подверженным иному какому пороку, если бы грешить не было для них законно. Поэтому-то Писание обращается к таковому со строгой угрозой, говоря: горе тем, «ихже ради имя Мое хулится во языцех».

Если это понятно нам, то благовременно будет обратить внимание на то, что говорится с противной стороны. Ибо прежде всего, думаю, надлежит молиться и главным предметом молитвы поставять то, чтобы жизнью моей имя Божие не хулилось, но прославлялось, и чтобы свяtilась вера в таинство. Поэтому во мне, говорит молящийся, да святится призываемое мною имя Твоего владычества, да видят человеки «добрыя дела, и прославят Отца, Иже на небесех» (Мф.5:16). А кто столько звероподобен и неразумен, что, в верующих в Бога видя жизнь чистую, преуспевающую в добродетели, свободную от всех скверн греха, чуждую всякого подозрения в худом, сияющую целомудрием, достойную уважения за благоразумие, мужественно отражающую приражения страстей, нимало не расслабляемую телесным сладострастием, всего более удаляющуюся от забав, неги и кичливой суетности, столько пользующуюся житейским, сколько это необходимо, только концами пальцев ног касающуюся земли, во время пребывания на земле не утопающую в наслаждениях удовольствиями сей земной жизни, но стоящую выше всякого чувственного обольщения и в жизни плотской соревнующую жизни бесплотных, признающую единственным богатством приобретение добродетели, единственным благородством - усвоение себя Богу, единственным достоинством и единственным владычеством - обладание самим собой и нераболепство человеческим страстям, обременяющую продолжительностью жизни в вещественном веке и, подобно бедствующим на море, поспешающую в пристань встретить там успокоение, - кто, видя все этому подобное, не прославит имени, призываемого такой жизнью?!

Поэтому, кто говорит в молитве: «Да святится имя Твое», - по мне тот по силе произносимых им слов молится о следующем: "при содействии Твоей помощи да сделаюсь неукоризненным, справедливым, богочестивым, буду воздерживаться от всякого лукавого дела, говорить истину, делать правду, ходить по правоте, отличаться целомудрием, украшаться нерастлением, мудрствовать горнее, презирать земное, просиявать ангельским житием". Это и подобное ему содержит в себе это краткое прошение, в молитве взывающее Богу: «Да святится имя Твое». Ибо не иначе возможно Богу прославляться в человеке, как разве когда добродетель его свидетельствует, что причина благ в Божием могуществе.

Св. Кирилл Иерусалимский. «Да святится имя Твое». Имя Божие по естеству свято, хотя говорим, или не говорим сие. Но поелику иногда бывает оно в согрешающих и поругано, по сказанному: «вас ради присно имя Мое хулится во

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org языцех» (Ис.52, 5); то молимся, чтобы в нас святилось имя Божие; не потому, что Он из не святого делается святым, но потому, что в нас оно бывает свято, когда мы освящены и делаем достойное святыни.

Св. Златоуст. Итак, «да святится» значит – да прославится. Сподоби нас, – как бы так учит нас молиться Спаситель, так чисто жить, чтобы чрез нас все Тебя славил. Пред всеми являть жизнь неукоризненную, чтобы каждый из видящих ее возносил хвалу Владыке, – это есть признак совершенной мудрости.

Св. Максим Исповедник. Освятим мы имя небесного Отца своего по благодати, когда умерщвляем привязанную к материи похоть и очищаемся от тлетворных страстей. Ибо освящение есть полнейшая неподвижность и умерщвление чувственной похоти. Находясь в таком состоянии, мы унимаем непристойный вой ярости, не имея более похоти, возбуждающей ее, а также подстрекающей ее воевать из-за своих наслаждений. А поэтому похоть, благодаря сообразной с разумом святости, умерщвляется в нас. Ведь ярость, по природе (своей) неся в себе возмездие за похоть, обыкновенно перестает неистовствовать, когда видит похоть умерщвленной.

Блаж. Феофилакт. «Да святится имя Твое». То есть сделай нас святыми, дабы посредством нас прославлялось имя Твое. Ибо как моими худыми делами Бог хулится, так моими добрыми делами святится, т.е. прославляется как святой.

Он же. «Да святится», – вместо да прославится, т.е. устрой нашу жизнь так, чтоб она была во славу Твою. Ибо как злыми хулится имя Божие, так ведущими добрую жизнь прославляется.

Симеон Солунский. «Да святится имя Твое». Так как Ты свят еси, то освяти имя Твое и в нас, чтоб содравшись свойственниками Тебе, мы святили имя Твое, и чтоб оно будучи проповедуемо нами, яко святое, и славимо было чрез нас, а не хулилось нас ради.

Святитель Тихон. Имя Божие прославляется, когда слово Его чисто проповедуется, и мы по слову Его жизнь нашу исправляем, как говорит Христос: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного» (Мф.5,16). Этого сами, без Божией благодати, делать не можем. Потому просим Небесного Отца, чтобы Он это милостиво нам подал. Отсюда видна немощь наша, то, что мы без Бога никакого добра не можем творить, как говорит Христос: «Без Меня не можете делать ничего» (Ин.15,5). Если просим, дабы святилось и славилось имя Божие, то не должно нам искать славы от добрых дел своему имени. Кто учит или живет иначе, чем слово Божие учит, тот имени Божиего не прославляет. Поэтому, чтобы Сам Бог не допустил нас до этого, молимся Ему: «да святится имя Твое».

Второе прошение «Да приидет царствие Твое»

Собиратель. Царствие сие прямо есть будущее царствие небесное, которое откроется по конце мира и страшном суде Божиим. Но чтоб искренно желать пришествия сего царствия, надо быть уверенным, что мы будем удостоены его вместе с теми, к коим речено будет: «приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира» (Мф.25, 34). Достойным же сего бывает тот, в ком в сей еще жизни пресечено царство греха, страстей и диавола. Пресечение этого царства совершается действием благодати по вере в Господа Спасителя. Уверовавший предаёт себя Господу, обещая Ему жить свято и непорочно. За сие в таинстве крещения подается благодать Св. Духа, возрождающая его к новой жизни; с сей минуты уже не грех царствует в нем, а благодать, научая всякому добру и укрепляя на совершение его. Это есть царствие благодати, о коем сказал Господь: «царствие Божие внутрь вас есть». Будущее царство есть царство славы, а это–духовное есть царство благодати. молитва совместно объемлет то и другое царство. Иначе желающий скорейшего пришествия будущего царствия, не сделавшись сыном царства благодати, будет желать; чтоб скорее пришел конец мира, и страшный суд, на котором неизбежно он окажется на стороне тех, кои услышат: «отыдите от Мене проклятии в огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его». Св. Отцы и учителя берут во внимание также совместно оба царства; но иногда и одно какое, – более последнее.

Тертуллиан. Царствие, испрашиваемое нами у Отца небесного есть будущее царствие по кончине мира. Мы молим Его о скорейшем пришествии сего царства, чтоб нам скорее вступить в него и не быть надолго задержанными в рабстве,

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org порываясь «внити в оный покой» (Евр.4,11). В Апокалипсисе души под алтарем вопиют к Господу: «доколе Владыко святыи и истинный не судиши, и не мстиши крови нашей от живущих на земли?» (6,10)—Итак, мы молимся: скорее, Господи, «да придет царствие Твое»—сие желание христиан, смятение язычников, торжество Ангелов, ради коего страждем и коего неудержимо желаем.

Св. Киприан. Мы просим о пришествии к нам Царства Божия в таком же смысле, в каком молим Бога, чтобы святилось в нас Его имя. Ибо когда же Бог не царствует или когда положить начало Его Царства, которое всегда было при Нем и не перестает быть? Мы просим, да придет наше Царство, обещанное нам Богом, приобретенное кровью и страданием Христовым; просим, чтобы нам, послужившим в сем веке, царствовать потом с Владыкой Христом, как и Сам Он обещает это, говоря: «приидите, благословенный Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира» (Мф.25,34). ...И мы правильно испрашиваем Царства Божия, т.е. Царства Небесного; ибо есть и царство земное. Но кто отрекся уже от мира, тот выше мирских почестей и царства. Таким образом, посвящаящий себя Богу и Христу желает не земного, но Небесного Царства. А при этом необходима непрестанная молитва и моление, да не отпадем от Небесного Царства так, как отпали иудеи, которым оно было обещано прежде. Господь ясно говорит: «мнози от восток и запад приидут и возлягут со Авраамом и Исааком и Иаковом во Царствии Небеснем; сынове же царствия изгнани будут во тму кромешнюю: ту будет плач и скрежет зубом» (Мф.8,11-12). Он показывает, что иудеи были прежде сынами Царства, доколе не переставали быть сынами Божиими; потом же с упразднением у них имени Отческого упразднилось и Царство. Потому-то мы, христиане, которые стали называть в молитве Бога Отцом, просим, да приидет к нам Царство Божие.

Св. Григорий Нисский. В последующих словах заключается молитва о том, чтобы пришло Царствие Божие. Неужели теперь только желательно, чтобы сделался царем Царь Вселенной, всегда Тот же, каков Он есть, для всякого изменения непреложный. Кому невозможно и найти что-либо лучше, во что мог бы измениться? Поэтому что же значит молитва, призывающая Царствие Божие? Но истинное об этом понятие ведомо тем, кому Дух истины открывает сокровенные тайны, а мы имеем такое разумение этого изречения: выше всего одна истинная власть и сила, которая державствует и царствует во Вселенной не насилем каким-то, не самоуправным властительством, не страхом, не принуждениями приводящая в подчинение, что покорно ей, потому что добродетели надлежит быть свободной от всякого страха, не по жестокому над собой владычеству, но по добровольному рассуждению избирать доброе, а главное во всяком добре — состоять под животворной властью. Поэтому так как природа человеческая в суждении о добре обманом введена в заблуждение, то в произволении нашем произошла наклонность к противоположному, жизнь человеческая обладает всем худым, потому что смерть тысячами путей вмешалась в природу; всякий вид греха делается как бы путем к нам смерти. Поэтому, так как под таким самоуправством мы являемся как бы некими исполнителями казней или врагами, приращениями страстей поработанными смерти, то хорошо молимся, чтобы пришло к нам Царствие Божие. Ибо невозможно иначе свергнуть с себя лукавое владычество тления, пока не воспримет над нами снова владычества животворящая сила.

Поэтому если просим, чтобы пришло к нам Царство Божие, то в действительности умоляем Бога о следующем: "да избавлюсь я от тления, да освобожусь от смерти, да буду разрешен от уз греха, да не царствует более надо мной смерть, да не будет более действительным над нами самоуправство порока, да не обладает мной враг, да не водит меня пленником, поработая грехом; но да «придет» на меня «Царствие Твое», чтобы отступили от меня или, лучше сказать, обратились в ничто преобладающие и царствующие ныне страсти. «Яко исчезает дым, да исчезнут: и яко тает воск от лица огня, тако да погибнут» (Пс.67:3). И дым, разлившись в воздухе не оставляет по себе никакого признака собственного своего естества, и воска, пребывающего в огне, уже не найдешь. Но воск, напитав собой пламя, претворился в пар и в воздух; и дым пришел в совершенное уничтожение. Так, когда придет на нас Царствие Божие, тогда все обладающее нами теперь обратится в ничто, потому что тьма не терпит присутствия света, не остается болезни по возвращении здоровья, не действуют и страсти при появлении бесстрастия, бездейственна смерть, исчезает тление, когда воцаряется в нас жизнь и начинает преобладать нетление.

«Да придет Царствие Твое». Какое сладостное изречение! Им ясно приносим Богу следующее моление: "да рассыплется сопротивная сила, да уничтожится дружина иноплеменников, да прекратится борьба плоти с духом, да не служит

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org
тело прибежищем неприятелю души, да явятся на мне царственное владычество, ангельская рука, тысячи исправляющих, тьма помогающих с правой руки, чтобы с противной стороны пала тьма враждующих. Спротивник силен, но страшен и непреборим для лишенных Твоей помощи, пока побораемый им один. А как скоро откроется Твое Царствие, «отбеже и печаль и вздыхание» (Ис.35:10), на место же их входят жизнь, и мир, и радование.

Св. Кирилл Иерусалимский. Чистой душе свойственно с дерзновением говорить: «да придет царствие Твое». Ибо кто послушал Павла, сказавшего: «да не царствует убо грех в мертвенном вашем теле» (Рим.6,12), и очистил себя делом, и мыслью, и словом, тот скажет Богу: «да придет царствие Твое».

Св. Кассиан. Вторым прошением ум, достигший высшей степени чистоты, умоляет о том, «да придет», как можно скорее, «Царствие» Отца его, разумея под сим то всегдашнее царствование Христа во святых, которое наступает тогда, когда, по истреблении из сердец наших смрадных пороков, власть диавола прекращается и Бог, по причине благоухания добродетелей, начинает в нас владычествовать, когда, вместо побежденной плотской похоти, воцаряется в уме нашем чистота, вместо подавленного гнева, спокойствие, вместо поправленной гордости – смирение, или то Царство, которое в predeterminedенное время обещано всем вообще достигшим совершенства и сделавшимся сынами Божиими, когда Христос скажет им: «приидите, благословенный Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира» (Мф.25,34). К сему-то Царствию бывают устремлены и как бы пригвождены взоры, желания и ожидания чистой души, когда она взывает к Богу: «да придет Царствие Твое!» Ибо она твердо уверена свидетельством своей совести, что тотчас наследует это Царство, как скоро оно откроется. Напротив, никто из беззаконников не осмелится желать сего; ибо тот, конечно, не захочет и видеть Престола Судии, кто знает, что в день Пришествия Его получит он за дела свои не венец и награду, а наказание.

Св. Златоуст. «Да придет царствие Твое». И эти слова приличны доброму сыну, который не привязывается к видимому, и не почитает настоящих благ чем-либо великим, но стремится к Отцу и желает будущих благ. Такая молитва происходит от доброй совести и души, свободной от всего земного. Этого и Павел желал каждодневно, почему и говорил: «и сами начаток Духа имуще, вздыхаем всыновления чающе, избавления телу нашему» (Рим.8, 23). Кто имеет такую любовь, тот не может ни возгордиться среди благ этой жизни, ни отчаяться среди горестей; но, как живущий на небе, свободен от той и другой крайности.

Он же. Научены мы говорить в молитве: «да придет царствие Твое»; потому что, претерпевая насилие от плотских страстей и подвергаясь бесчисленным искушениям, мы имеем нужду в царствии Божиим, «да не царствует грех в мертвенном теле нашем, во еже послушати его в похотех его, и да непредставляем уды наши оружия неправды греху, но да представляем их оружия правды Богови и воинствуем» для Бога веков (Рим.6,12.13). Притом мы научаемся не слишком прилепляться к настоящей жизни, но презирать настоящее и желать будущего, как постоянного, и искать царства небесного и вечного, а здешними приятностями не увлекаться, ни благообразием телесным, ни обилием богатствами множеством стяжаний, ни драгоценностью камней, ни великолепием домов, ни званиями градоправителей и военачальников, ни багряницею и диадемою, ни яствами, сластями и всякого рода роскошью, ни чем-либо другим из предметов, услаждающих наши чувства, но отказавшись от всего этого, непрестанно искать царствия Божия.

Блаж. Августин. «Да придет царствие Твое». Кому это говорим мы?—Божь всегда есть Царь. Он всегда Облечен царственною властью, когда Ему служить всяческая тварь. О каком же царстве молимся? О том, которое откроется в конце мира, и о котором написано в Евангелии: «приидите благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира». Вот о каком царстве помышляем, когда говорим: «да придет царствие Твое». Но если не будем просить, ужели царствие сие не придет? Конечно, придет. Но что пользы, если мы окажемся тогда стоящими ошуюю? Почему молясь так, выражаем желание, чтоб царствие пришло для нас, чтоб и мы обрелись в нем, а не вне его. Того желаешь ты, того ищешь молясь, да так живешь, чтоб и тебе принадлежать к Царству которое дано будет всем святым. Следовательно, когда говоришь: «да придет царствие Твое», о том молишься, чтоб тебе жить хорошо.—да принадлежим к царству Твоему, Господи, да придет оно и для нас, имея приидти для Твоих святых и праведных.

Он же. Желаем, да приидет царствие Божие. Приидет, хотя бы мы и не желали того. Но желать и молиться, да приидет царствие, не что иное есть, как желать, да соделает нас Отец наш небесный достойными царствия Своего, чтоб не случилось,—чего да не будет,—что оно придет, и не для нас придет. Ибо для многих не придет сие, имеющее приидти, царство. Для тех придет, коим будет сказано: «придите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира». А для тех не придет, которые услышат: «отыдите от Мене, проклятии во огонь вечный (Мф.25,34.41). Итак, когда говорим: «да приидет царствие Твое», молимся да приидет оно для нас. Что значить, да приидет оно для нас?—да обретет нас добрыми. О том, следовательно, молимся, да соделает нас добрыми Господь: ибо тогда уже всеконечно для нас приидет царствие Его.

Он же. Говоря: «да приидет царствие Твое», которое несомненно приидет, желаем ли мы того, или не желаем, — возбуждаем в себе желание того царства, чтоб оно пришло для нас и мы достойными оказались участвовать в нем.

Блаж. Феофилакт. «Да приидет царствие Твое», т.е. второе пришествие: ибо человек с спокойною совестью смело молится о пришествии воскресения и суда. Грешник не молится о царствии Божиим; ибо не желает его пришествия, по причине ожидающих его там наказаний. Напротив праведник молит, чтоб оно пришло скорее, дабы ему освободиться от здешних искушений и успокоиться.

Симеон Солунский. «Да приидет царствие Твое». Ты буди Царь над нами чрез добрые дела, не враг Твой чрез дела злые. И да приидет царствие Твое,—последний день, когда Ты над всеми воцаришься и над самими врагами Твоими, и царствие Твое будет вечно, как и есть. Но это (говорить в молитве прилично) достойным и к тому времени приготовившимся.

Святитель Тихон. По учению святого Иоанна Златоуста, царствие здесь разумеется небесное — царствие, которого ожидают истинные христиане и молятся: «да приидет царствие Твое». И это, —говорит, — есть слово благоразумного сына, который не прилепляется к видимому, и не почитает настоящее за великое, но к отцу спешит и к будущему стремится. Кто царствия небесного желает и молится: «да приидет царствие Твое», — тому надобно презирать земное царствие, славу, честь, утехи и богатство. Иначе напрасно говорит и молится: «да приидет царствие Твое». Надобно прежде презреть земное, и тогда желать небесного. Надобно ему иметь чистую совесть, или очистить ее покаянием, и тогда молиться: «да приидет царствие Твое». Иначе не может желать того и просить, когда совесть, грехами оскверненная, судом Божиим и вечной мукой грозит. Ибо как может молиться и говорить: «да приидет царствие Твое», — а в вести ожиданием вечной муки смущается? Итак, непременно требуется, чтобы тот, кто хочет и просит, чтобы царствие Божие пришло, оставил грехи, и их покаянием, сожалением и верой очистил. Ибо царствие Божие праведным и святым уготовано, и придет непременно, а оскверненный грехами его напрасно ожидает. От совести чистой, — говорит Златоуст, — это желание происходит, и от души, удаленной от земного.

Третье прошение «да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли»

Собиратель. Воля Божия есть «святость» наша (1Сол.4, 3). Бог хочет, что б исполняя святую волю Его, выраженную в заповедях, мы все соделались святыми, и таким образом спаслись (1Тим.2,4). Молясь, «да будет воля Твоя», просим, чтоб Отец наш небесный и дал нам уразумевать святую волю Его,— благую, угодную и совершенную (Рим.12, 2),—и силами снабдил на совершение всего, «елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродетель и аще кая похвала» (Филип.4,8), чтоб мы явились столь же совершенными на земле, сколь совершенны Ангелы Божии на небеси, «сильных крепостью, всегда творящие волю Божию» (Пс.102). Из предыдущих двух прошений, первое страхом Божиим пробуждает от усыпления, второе желанием царствия возбуждает энергию, а сие, третье указывает самое дело, на которое надлежит устремить пробужденные и напряженные силы. Поелику все сие от Господа; то молимся, да совершит Он все сие в нас, по благоволению Своему, предавая себя всецело Его вседействию и управлению.

Тертуллиан. Взываем, «да будет воля Твоя», не потому, чтоб мог кто либо помешать быть воле Божией, но молим, да исполняется воля Его во всех нас. Но чего другого хочет Бог, как не того, чтоб мы шествовали по заповедям Его? Почему молимся, чтоб Он и указал нам волю Свою и подал силу исполнять ее, да явимся спасенными и на небесах и на земли. Ибо сущность воли Его

есть—спасение тех, которых Он усыновил. И то есть воля Божия, что Господь совершил проповедь, деяниями и страданием. Так сам Он сказал, что творит не свою, но Отца Своего волю (Ин.6,39). И нет сомнения, что все, что Он делал, делал по воле Отца. И теперь Он нас приглашает последовать примеру Его, и пребывать в воле Божией даже до смерти. Но чтоб могли мы сие исполнить, имеем нужду в воле Божией (в благоволении Его и помощи). Почему говоря: «да будет воля Твоя», выражаем желание, да совершается она в нас, в уверенности, что в воле Божией, ничего нет для нас худого, хотя бы пришлось и пострадать ради ее. И Господь пред наступлением страданий, желая показать немощь человеческой плоти и во Своей плоти, сказал: «Отче, мимо неси от Мене чашу сию» (Лк.22,42)! Но тотчас присовокупил: «обаче не Моя воля, но Твоя да будет». Он Сам есть воля и сила Отца, и однако ж благоволил предать себя воле Отца, в показание необходимости предлежащего страдания.

Св. Киприан. Говоря: «да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли», – не с тем, чтобы Бог вследствие нашей молитвы делал что хочет, но чтобы мы могли делать угодное Ему. Ибо кто же воспрепятствует Богу делать угодное Ему? Но так как диавол полагает нам препоны в оказывании духом и телом полного повиновения Богу, то мы просим и молим, да будет в нас воля Божия. А чтобы она была – необходимо изволение Божие, т.е. Божия помощь и защита; потому что никто не крепок собственными силами, а всякий находит безопасность только в Божием снисхождении и милосердии. Да и Господь, показывая человеческую немощь, которую Он носил в себе, говорил: «Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия», – а затем, подавая ученикам пример, чтобы они исполнили не свою волю, но Божию, прибавил: «обаче не якоже Аз хочу, но якоже Ты» (Мф.26,39). И в другом месте говорит: «сниход с небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшего Мя Отца» (Ин.6,38). Если Сын повиновался так, что исполнял волю Отца, то не гораздо ли более должен повиноваться и исполнять волю своего Господа раб? Иоанн в Послании своем так увещевает и наставляет нас к исполнению воли Божией: «не любите мира, ни яже в мире: аще кто любит мир, несть любве Отчи в нем: яко все, еже в мире, похоть плотская и похоть очес и гордость житейская несть от Отца, но от мира сего есть. И мир преходит и похоть его; а творяй волю Божию пребывает во веки» (1Ин.2,15-17), как и Бог пребывает во веки. Итак, желая пребывать во веки, мы должны творить волю Бога, который вечен. Воля же Божия указана нам в делах и учении Христовых. Смирение в обращении, стойкость в вере, скромность в словах, правда в действиях; в делах – милосердие, в нравах – благочиние; неумение причинять обиду, умение переносить обиду, нам причиненную; хранить мир с братьями; любить Бога всем сердцем, любить Его как Отца, бояться как Бога; ничего не предпочитать Христу так, как и Он ничего не предпочел нам; мужественно и верно стоять у Его креста, когда препираются о имени Его и чести, выражать в речи постоянство исповедания, при допросе отвагу, с которой вступаем в бой, в смерти терпение, которым венчаемся, – это значит желать быть сонаследником Христу! Это значит – творить заповедь Божию, исполнять волю Отца!

Св. Григорий Нисский. Здравием для души служит исполнение Божественной воли, равно как и наоборот: отпадение от благой воли есть болезнь души, оканчивающаяся смертью. Поэтому, так как сделались мы немощными, когда в раю, оставив добрый образ жизни, без меры вкусили яд преслушания, и потому природой нашей возобладала жестокая и смертельная болезнь, то пришел истинный Врач, по закону врачебного искусства исцеляющий зло противоположным ему, и одержимых недугом потому, что отступили от Божией воли, освобождает опять от болезни единением с Божией волей. Ибо слова молитвы служат врачеванием от постигшего душу недуга. У кого душа одержима как бы некими болезнями, тот молится, говоря: «Да будет воля Твоя». А воля Божия – спасение людей.

Поэтому, когда дойдем до того, чтобы сказать Богу: «Да будет воля Твоя» и на мне, тогда совершенно необходимо осудить прежде ту жизнь, которая была несогласна с Божией волей, и выразить это исповеданием: "Поскольку во время протекшей жизни на зло мне действовала во мне противная Твоей воля, сделался я служителем лукавого мучителя и как бы исполнителем казни, приводящим в исполнение над самим собой приговор врага, поэтому, возбудившись жалостью к моей погибели, даруй, чтобы со временем и во мне совершалась воля Твоя. Ибо, как в мрачных пещерах, когда вносятся туда свет, мрак исчезает, так, когда Твоя воля во мне будет совершаться, всякое лукавое и неуместное движение произвола обратится в ничто. Целомудрие угасит невоздержное и страстное стремление ума, смиренномудрие истребит кичливость, скромность уврачуе болезнь гордыни, а доброта любви изгонит из души многочисленный сонм противоположных зол; да бегут от нее ненависть,

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org
зависть, негодование, гневное движение, раздражительное расположение духа, злонамеренность, притворство, памятование огорчения, жажда мщения, воскипение крови в предсердечии, недоброе око, - все это стадо таковых зол да уничтожится любвеобильным расположением". Так действенность Божией воли исторгает сугубое идолослужение; называю сугубым, как неистовую, приверженность к идолам, и вожделение серебра и золота - этих, как наименовало их пророческое слово, идолов «язык» (Пс.113:12). Поэтому «да будет воля Твоя», чтобы стала недействительной воля диавола.

Но почему просим у Бога, чтобы произволение наше сделалось благим? Потому что естество человеческое, однажды приведенное в расслабление пороком, немощно для добра. Ибо человек не с той же легкостью, с какой доходит до худого, возвращается от него опять к доброму, как подобный этому закон можем примечать и в телах, потому что неодинаково, не с равным удобством здоровое тело делается больным и заболевшее выздоравливает. Пользовавшийся до сих пор здоровьем часто от одной раны приходил в крайнюю опасность, и один оборот или припадок горячки истреблял всю силу в теле, малый прием яда или совершенно разрушал тело, или производил это постепенно, и за укусом пресмыкающегося, или за ужалением одного из ядовитых животных, или за поползновением ноги, или за падением, или за вкушением с жадностью чего-либо сверх силы, или за иным, тому подобным, мгновенно следовали или болезнь или смерть; освобождение же от недуга если когда и бывает, то при скольких достигается примышлениях, затруднениях и врачебных искусственных средствах? Поэтому, когда действует в нас стремление ко злу, нет потребности в содействующем, потому что порок сам собою довершает себя в воле нашей. Если же возникает склонность к лучшему, то потребно, чтобы пожелание Бог привел в исполнение. Поэтому говорим: поскольку целомудрие - Твоя воля, «аз же плотян есмь, продан под грех» (Рим.7:1), то Твоей силой да преуспеет во мне благая эта воля. То же говорим о справедливости, о благочестии, об отчуждении от страстей. Слово "воля" объемлет собой все вообще добродетели, словами же "воля Божия" означает по одиночке все, разумеемое под именем доброго.

Но что значит это прибавление: «яко на небеси, и на земли»? Слово это, как мне кажется, указывает, может быть, на один из более глубоких догматов и составляет учение боголепного разумения при взгляде на тварь. Смысл же того, о чем говорю, таков: вся разумная тварь делится на естество бесплотное и на облеченное телом. Бесплотное естество есть ангельское, а другой вид естества - мы, люди. Поэтому первое - духовно, как отрешенное от обременяющего тела (разумею же тело это грубое и к земле тяготеющее), проходит горний жребий, по легкости и удободвижности естества пребывая в странах легких и эфирных. А другое, по сродству нашего тела с оземленевшим, по необходимости получило в удел как бы некий отстой грязи, жизнь земную. Не знаю, что устроила этим Божия воля - может быть то, чтобы всю тварь сблизить между собою, чтобы и дольний жребий не был безучастным в небесных высотах и небо не вовсе было безучастно в том, что на земле, но вследствие образования человеческого естества из обеих стихий происходило некое общение усматриваемого в той и другой стихии, так как духовная часть души, которая, по-видимому, есть нечто сродное и одноплеменное с небесными силами, обитает в земных телах, и оземленевшая эта плоть при изменении тленных и восхищении праведных вместе с душой переселится в небесную область. Ибо «восхищени будем», как говорит апостол, «на облацех в сретение Господне на воздухе, и тако всегда с Господем будем» (1Фес.4:17). Поэтому это или иное что устроила этим Божия премудрость - все разумное естество по двоякой этой жизни делится на части, и естество бесплотное приняло в свой жребий небесное блаженство, а другое по причине плоти обитает на земле по сродству с ней. Хотя вожделение прекрасного и доброго равномерно осуществлено в том и другом естестве и Правитель Вселенной в обоих сделал равными самоуправление, самовластие и свободу от всякой необходимости, чтобы все одаренное словом и разумением распоряжалось собой по самозаконному некоему произволу, однако же жизнь горняя во всем хранит себя чистой от порока и с ней несовместно ничто представляющееся противоположным, всякое же страстное движение и расположение, которым подвержен род человеческий, приводит в кружение жизнь дольную. Поэтому житие святых сил на небесах Богодухновенное слово признает не имеющим примеси порока и чистым от всякой греховной скверны. Все же, что умышлением худого и отступлением от доброго превращается в зло, подобно какому-то отстою или грязи, стекается в эту обыкновенную жизнь, и оскверняется человеческий род, находя в этой тьме препятствие к тому, чтобы усматривать Божественный свет истины. Поэтому если и высшая жизнь бесстрастна и чиста, а здешняя бедственная жизнь погружена во всякие страсти и злострадания, то

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org явно, что горнее житие, как чистое от всего худого, преуспевает в благой воле Божией, ибо где нет зла, там по всей необходимости есть добро. А наша жизнь, утратив общение в добре, отпала и от Божией воли. Поэтому научаемся мы в молитве в такой мере очищать нашу жизнь от худого, чтобы, как в Небесном жительстве, и в нас беспрепятственно управляла Божия воля, так чтобы можно было иному сказать: "Как в престолах, началах, властях, господствах и во всякой премирной силе совершается Твоя воля и никакой порок не препятствует действию добра, так и в нас да совершается доброе, чтобы по истреблении всякого порока в душах наших благоуспешно исполнялась во всем Твоя воля".

Св. Кирилл Иерусалимский. Божественные и блаженные Ангелы Божии творят Божию волю, как сказал Псалмопевец Давид: «благословите Господа вси Ангелы Его, сильны крепосию, творящие волю Его» (Пс.102, 20). Посему молясь: «да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли», мысленно говори: как в Ангелах совершается воля Твоя, Владыко, так да будет и во мне на земли.

Св. Златоуст. «Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли». Видишь ли прекрасную связь? Он прежде повелел желать будущего и стремиться к своему отечеству; но доколе этого не будет, живущие здесь должны стараться вести такую жизнь, какая свойственна небожителям. Должно желать, говорит Он, неба и небесного. Впрочем и прежде достижения неба Он повелел нам землю сделать небом и, живя на ней, так вести себя во всем, как бы мы находились на небе, и об этом молить Господа. Действительно, к достижению совершенства горних сил нам нисколько не препятствует то, что мы живем на земле. Но можно, и здесь обитая, все делать так, как бы мы жили на небе. Итак, смысл слов Спасителя таков: как на небе совершается все беспрепятственно и не бывает того, чтобы ангелы в одном повиновались, а в другом не повиновались, но во всем повинуются и покоряются (потому что сказано: «сильнии крепостию, творящи слово Его» (Псал.102,20), – так и нас, людей, сподоби не в половину творить волю Твою, но все исполнять, как Тебе угодно. Видишь ли? Христос научил и смиряться, когда показал, что добродетель зависит не от одной только нашей ревности, но и от благодати небесной, и вместе заповедал каждому из нас во время молитвы принимать на себя попечение и о вселенной, – Он не сказал: «да будет воля Твоя» во мне, или в нас, но на всей «земли», – т.е., чтобы истребилось всякое заблуждение и насаждена была истина, чтобы изгнана была всякая злоба и возвратилась добродетель и чтобы, таким образом, ничем не различалось небо от земли. Если так будет, говорит Он, то дальнее ничем не будет различествовать от горнего, хотя по свойству они и различны; тогда земля покажет нам других ангелов

Он же. Возбудив в нас пред сим любовь к будущему и желание царства и пронзив нас этим желанием, Он заповедует говорить: «да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли». Дай нам, Господи, говорить, подражать жизни небесной, чтобы и мы желали того же, чего желаешь Сам Ты; помоги нашей воли немощствующей и хотя желающей исполнять дела Твои, но удерживаемой немощью плоти; прости руку стремящимся идти, но принуждаемым хромать; душа легка (дух бодр), но ее обременяет плоть; та быстро стремится к небесному, а эта тяготеет к земному; но при Твоей помощи и невозможное будет возможным; «да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли».

Св. Кассиан. Не может быть молитвы выше той, которою мы желаем, чтобы земное удостоилось сравниться с Небесным. Ибо что значат слова: «да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли», как не то, что «да будут люди подобны – Ангелам, и, как сии исполняют волю Божию на Небе, так и все живущие на земле да творят не свою, а Его волю. (Другая мысль) и этого прошения никто не может произнести с полным чувством, кроме одного того, кто верует, что Бог все, что кажется нам несчастьем или счастьем, устрояет к нашей пользе и что Он более промышляет и печется о нашем спасении и благе, нежели мы сами о себе.

Блаж. Августин. «Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли». Служат Тебе Ангелы на небеси, да служим Тебе и мы на земле. Не оскорбляют Тебя Ангелы на небеси, да не оскорбляем Тебя и мы на земле. Как они творят волю Твою; так да творим и мы.– И здесь о чем молимся, как не о том, чтоб быть нам добрыми? Ибо воля Божия тогда бывает в нас, когда мы творим ее; а это и значит быть добрыми.

Он же. Когда говорим: «да будет воля Твоя», то испрашиваем себе у Отца небесного самого повиновения воле Его, чтоб она также и нами была исполняема, как исполняется на небесах Ангелами Его.

Он же. «Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли»; т.е., как в отношении к Ангелам, сущим на небе, есть воля Твоя, чтоб они всячески к Тебе прилеплялись и Тобою наслаждались, так что никакое облако заблуждения не затемняет их премудрости и никакая скорбь не возмущает их блаженства: так да будет и во святых Твоих, сущих на земле, по телу из земли сотворенных и хотя в небесное жилище, но от земли имеющих быть взятыми.—«Да будет воля Твоя» можно разуметь и так: да будет оказываемо повиновение повелениям Твоим; а: «яко на небеси и на земли» — так: как Ангелами, так и людьми. Ибо что тогда бывает воля Божия, когда исполняются повеления Его, это сам Господь показывает, когда говорит: «мое брашно есть, да сотворю волю пославшего Мя» (Ин.4,34). И еще: «сниход с небесе, не да творю волю Мою, по волю пославшего Мя Отца» (Ин.6, 38). Итак которые творят волю Божию, в тех и бывает воля сия; потому что делают то, чего хочет Бог, т.е. действуют по воле Его.

Св. Максим Исповедник. Кто таинственно приносит Богу служение одной разумной силой (своей), отрешенной от похоти и ярости, тот на земле, подобно чинам ангельским на небе, исполняет волю Божию. (Он уже) стал сослужителем и сожителем Ангелов, как говорит великий Апостол: «Наше же жителство -- на небесах» (Флп.3,20). У таких (людей) нет ни похоти, расслабляющей наслаждениями напряжение ума, ни ярости, беснующейся и бесстыдно лающей на сродное себе. В них остается лишь один-единственный разум, естественно приводящий разумные существа к первому Разуму. ...Но святые Ангелы на небе ничего не приносят Богу, кроме разумного служения. Желая того же и от нас, (Господь) научает молящихся говорить: «Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли». Так пусть же наш разум устремляется к исканию Бога, а сила желания пусть становится влечением к Нему, как и яростное начало пусть вступает в борение, чтобы сохранить Его. Или, точнее сказать, пусть весь ум [наш] простирается к Богу, побуждаемый, словно неким гласом, напряжением страстности и распалемый предельным порывом силы желания. Подражая таким образом Ангелам небесным, мы всегда будем служителями Бога и на земле явим равноангельское житие, а поэтому наравне с Ангелами будем обладать умом, полностью безучастным к тому, что ниже Бога.

Блаж. Феофилакт. «Да будет воля Твоя», как на небе у Ангелов, так и у нас людей на земле. Как Ангелы исполняют волю Твою, так и нам даруй исполнять ее. Ибо Ангелы всегда и во всем действуют по воле Божией.

Симеон Солунский. Настрой нас подобно Ангелам, чтоб как в них, так и в нас была воля Твоя, и нами была совершаема. Да не будет наша воля страстная и человеческая, но Твоя да будет воля бесстрастная и святая. Как благоволил Ты соединить земное с небесным, так благоволи, да и в нас, на земле сущих, будет небесное (житие, служение, действие).

Святитель Тихон. Воля Божия бывает и без нашего прошения. Поэтому не просим, чтобы Бог делал, что хочет, а просим, чтобы мы могли делать то, что воля Его хочет. Отсюда видим, что воли Божией не можем творить без Бога. Воля Божия исполняется, когда благочестие в целостности храним и до конца в нем пребываем, по сказанному: «будь верен до смерти» (Откр.2,10), а также, когда грешники от грехов отстают и каются. «Бог хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1Тим 2,4). Для того чтобы так было, просим Бога: «да будет воля Твоя». И да будет «яко на небеси, и на земли». То есть, как Ангелы на небе исполняют волю Божию и живут между собою любовно, мирно, согласно, так и мы, подражая им на земле, да возможем творить волю Его, и жить свято, чисто, мирно, любовно и согласно. Когда молимся: «да будет воля Твоя», — то должны от своей воли отречься и ее оставить.

Собиратель. В словах: «да будет воля Твоя»—можно видеть и выражение преданности в волю Божию. На это намекают некоторые слова св. Кассиана и св. Киприана. Исполнение воли Божией в заповедях выраженной, не может явиться в совершенстве без сей преданности, потому что бывает сопряжено с лишениями, иногда очень большими, и со страданиями, иногда очень чувствительными. Перенесение тех и других неизбежно посредствуется преданием себя своей участи, и всего дела своего в волю Божию. Исполнение заповедей, посредствуясь преданностью в волю Божию, самую сию преданность укрепляет и возвышает. И полная преданность есть верх нравственного совершенства христианского.

Четвертое прошение «Хлеб наш насущный даждь нам днесь»

Собиратель. С четвертого прошения начинается поворот молитвы: то все были прошения о внутреннем строе духовной жизни, которая зарождаясь под действием Страха Божия, и воодушевляясь надеждою царства небесного, течет путем заповедей Божиих; теперь пойдут прошения о неизбежных соприкосновениях сей жизни. Как ограниченному нужна нам пища не для тела только, но и для души; как часто падающим по немощи, нужно исповедание и прощение; как окруженным искушениями и всегда врагом лукавым наветуемым нужны охранение и защита. О всем этом молимся в следующих четырех прошениях, которые все направлены к тому, да устроит Отец наш небесный благоприятное для духовной жизни течение событий нашей жизни, и внешних и внутренних.

Хлеб, о коем молимся в четвертом прошении, есть вещественный хлеб, необходимый для поддержания жизни телесной; при чем при нем можно доразумевать испрашивание и других потреб, без коих жить нельзя, как-то: одежды, крова. Но как и душа имеет нужду в духовном питании для поддержания жизни духовной, то под хлебом можно разуметь здесь и духовную для души пищу. Пища ее есть—«Слово Божие», питающее душу ведением божественных истин и вводящее ее в созерцание невидимых сокровищ Божиих, одно умное видение коих питательно и усладительно, и благодать Божья чрез таинства нисходящая в душу, ее наполняющая, и насыщающая. По течению нашей жизни Таинства сии суть: покаяние, и паче причащение св. Христовых Таин, кои сам Господь наименовал единственным питательным хлебом, сходящим с небеси и дающим живот миру. Помышление о всем этом уместно держать в душе, произнося слова молитвы: «хлеб наш насущный даждь нам днесь».

Тертуллиан. Какой прекрасной божественной премудрости дала порядок молитвенным прошениям,—когда после небесного, т.е., имени Божия, царства Божия, воли Божией, дала место прошению и о земных потребах, хотя и говорил Господь: «ищите прежде царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам!» (Мф.6,33). Впрочем слова: «хлеб наш насущный даждь нам днесь», будем разуметь более в духовном смысле. Ибо Христос есть хлеб наш: Он есть жизнь и хлеб жизни, как Сам говорит: «Аз есмь хлеб животный» (Ин.6,53); и еще несколько выше: «Отец мой даст вам хлеб истинный с небесе. Хлеб бо Божий есть сходящий с небесе и дающий живот миру»; и потом: «Аз есмь хлеб животный, иже сшедый с небесе. И хлеб, его же Аз дам плоть моя есть, иже аз дам за живот мира» (Ин.6, 32. 33. 51); так что в хлеб есть и приемлется тело Его. «Сие есть тело Мое» (Лк.22,19) говорит Он. О ядущих же тело Его и пьющих кровь Его Он сказал, что они в Нем пребывают, а Он в них (Ин.6,56). Таким образом, испрашивая хлеба насущного, мы молимся о непрестанном пребывании во Христе, чрез приобщение тела Его.—Но если и не в духовном смысле принять слова сии, и тогда это не чуждо будет духовного назидания. Ибо повелевается просить только хлеба, который один полагается необходимым для верных; о всем же прочем сказано: «всех сих языцы ищут» (Мф.6,32). Что самое и примерами подтверждает и притчами внушает Господь, когда говорить: «несть добро отъяти хлеба чадом и поврещи псом» (Мф.15,26). Также: «еда камень подаст» кто сыну, хлеба просящему? (Мф.7,9) — Ибо здесь указывается, чего дети ожидают от Отца. Но и тот ночной толкатель просил лишь хлеба (Лк.11,5). —Премудро приложил Господь: «даждь нам днесь», так как прежде Он уже внушал: «не пецытеся на утрей» (Мф.6,34). К чему и притчу приспособил о человеке оном, коему «угобзися нива», который, тогда как замышлял долго прожить в безопасности и довольстве, умер в ту же ночь (Лк.12, 16–20).

Св. Киприан. Продолжая молитву, мы произносим следующее прошение: «хлеб наш насущный даждь нам днесь». Это можно понимать как в духовном, так и в простом смысле, потому что и тот и другой, по божественному дарованию, равно благоприятствует спасению. Христос есть хлеб жизни, и этот хлеб не всех, но только наш. Как говорим мы: «Отче наш», потому что Бог есть Отец познающих Его и верующих, так и Христа называем нашим хлебом, потому что Он и есть хлеб тех, которые прикасаются Телу Его. Просим же мы ежедневно, да дастся нам этот хлеб, чтобы мы, пребывающие во Христе и ежедневно принимающие Евхаристию в снедь спасения, будучи по какому-либо тяжкому греху отлучены от приобщения и лишены небесного хлеба, не отделились от Тела Христова, как Господь говорит в наставление наше: «Аз есмь хлеб животный, иже сшедый с небесе; аще кто съест от хлеба сего, жив будет во веки, и хлеб, егоже Аз дам, плоть Моя есть, иже аз дам за живот мира» (Ин.6, 51). Когда Он говорит, что ядущий от хлеба Его жив будет во веки, то этим показывает, что живут те, которые прикасаются, Его Телу и по праву приобщения принимают Евхаристию. Итак, должно бояться и молиться, да не отделиться кто-либо от Тела Христова, подвергшись запрещению, и не удалится

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org от спасения, как угрожает Господь, говоря: еще «не снете плоти Сына человеческого, не пиете крове Его, живота не имате в себе» (Ин.6, 53). Потому-то мы и просим ежедневно, да дастся нам хлеб наш, чтобы нам, пребывающим и живущим во Христе, не удалиться от освящения и от Тела Его.

Можно это понимать и так: отрекшись от века сего и по вере духовной благодати отказавшись от его богатств и почестей, памятуя наставление Господа, который говорит: «иже не отречется всего своего имени, не может быть Мой ученик» (Лк.14,33), мы просим одной только пищи и пропитания. Кто сделался учеником Христовым, тот, по слову Учителя, отказываясь от всего, и должен просить только дневного пропитания и в молитве не простирать далее своих желаний, имея в виду заповедь Господа, сказавшего: не «пецйтесь на утrey, учений бо собою печется: довлеет днeви попечение его» (Мф.6, 34). И так, ученик Христов, которому воспрещается заботиться о завтрашнем дне, праведно испрашивает себе дневной пищи: было бы противоречие и несообразность в том, если бы мы искали в этом веке продовольствия на долгое время, когда просим о скором пришествии Царства Божия. Блаженный апостол, поучая и утверждая крепость надежды и веры нашей, делает нам следующее напоминание: «ничтоже внесохом в мир сей; яже, яко ниже изнести что можем. Имеюще же пищу и одеяние, сими довольни будем. А хотящи богатитися впадают в напасти и сеть и в похоти многи несмысленны и вреждающыя, яже погружают человеки во всегубительство и погибель; корень бо всем злым сребролюбие есть, егоже нецыи желающе заблудиша от веры и себе пригвоздиша болезнем многим» (1Тим. 6, 7-10). Этим учит, что не только надобно презирать богатства, но что они и опасны: в них корень лъстивых зол, обольщающих слепоту человеческого ума скрытым коварством. Потому-то Бог обличает безумного богача, который помышлял о мирских достатках и хвастался чрезвычайным изобилием плодов. Безумие, – говорит Он ему, – «в сию ночь душу твою истяжут от тебе: а яже уготовал еси, кому будут?» (Лк.12, 20). Безумный, он радовался о прибыли в ту ночь, в которую надлежало ему умереть; тот, кому мало уже оставалось жить, помышлял о изобилии плодов.

Напротив, Господь учит, что тот вполне совершен, кто, продав все свое имение и раздав в пользу нищих, заготавливает себе сокровище на небе; тот, по словам Господа, может следовать за ним и подражать славе страдания Господня, кто в готовности и охоте своей не задерживается никакими сетями домашнего хозяйства, но, предслав свое имущество Богу, отрешенный и свободный, сам идет туда (Мф.19, 21). Вот как да научится всякий молиться, чтобы приготовить себя к тому же; из закона молитвы да уразумеет всякий, какова должна быть молитва! Между тем для праведника никогда не может быть недостатка в ежедневной пище, по Писанию: «не убьет гладом Господь душу праведную» (Притч. 10, 3). И опять: «юнейший бых, и состарехся, и не видех праведника оставлена, ниже семене его просяща хлебы» (Пс.36, 25). То же обещает и Господь, говоря: «не пецйтесь, глаголюще: что ямы, или что пием, или чим одждемся? Всех сих языцы ишут; вестъ бо Отец ваш, яко требуете сих всех. Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам» (Мф.6, 31-33). Он обещает, что ищущим Царства и Правды Божией вся приложатся: ведь все Божие; следовательно, имеющий Бога ни в чем не будет иметь недостатка, только бы сам не отстал от Бога. Так, Даниилу, когда он был ввержен в ров львиный по велению царскому, изготавливается обед Промыслом Божиим и человек Божий насыщается среди зверей алчущих, но щадящих его (Дан.14, 30-39). Так, Илия питается во время бегства: преследуемый, он получает пропитание в пустыне от вранов, которые служат ему, от птиц, которые приносят ему пищу.

Св. Григорий Нисский. Но возразит кто-нибудь: возможно ли в той чистоте, какая в бесплотных силах, преуспевать получившими в удел жизнь во плоти, когда душа по телесным потребностям погружена в тьму забот? Поэтому то, кажется мне, как бы устраняя такую невозможность, Господь в последующих словах разрешает кажущееся затруднительным в предстоящем деле. Ибо этими словами в повелении просить насущного хлеба предлагается нам, думаю, учение, что довольство малым и умеренность по закону бесстрастия равняется тому, чтобы не иметь ни в чем нужды по естеству. Ангел не просит в молитвах Бога о подаянии ему хлеба, потому что одарен естеством, не имеющим нужды в чем-либо подобном, а человеку повелено просить, потому что делающееся пустым непременно имеет нужду в наполняющем. Скоротечен и преходящ состав человеческой жизни, вместо отделившегося требует возобновляющегося. Поэтому, кто в услужении естеству не увлекается сверх необходимости суетными заботами, тот ненамного ниже ангельского чина по жизни, в довольстве для себя малым подражая ангелам, ни в чем не имеющим нужды.

Поэтому повелело нам искать только достаточного к сохранению телесной сущности, говоря Богу: хлеб нам даждь, т.е. даждь не забавы, не богатство, не доброцветные багряницы, не золотые уборы, не блеск камней, не серебряные сосуды, не обширные поместья, не военачальство, не владение городами и народами, не стада коней и волов и великое множество другого скота, не обилие невольников, не знаменитость на торжищах, не памятники, не изображения, не шелковые ткани, не увеселения музыкой и не что-либо этому подобное, чем душа отвлекается от Божественной и более досточестной заботливости, - но даждь хлеб.

Видишь ли эту широту любомудрия? Сколько учений содержится в этом кратком изречении? Словом хлеб как бы так взывает Господь внимающим: "Перестаньте, люди, истощаться пожеланиями суетного! Перестаньте на горе себе самим умножать поводы к трудам! Невелик твой естественный долг: обязан ты доставать плоти своей пищу - дело небольшое и нетрудное, если имеешь в виду потребность. Для чего умножаешь свои повинности? Для чего налагаешь на себя иго, неся столько долгов, добывая серебро, откапывая золото, приискивая прозрачное вещество? Для того ли, чтобы всем подобным усладить тебе этого всегдашнего собирателя податей - чрево, которому потребен только хлеб, удовлетворяющий тому, в чем нуждается тело?" А ты отправляешься к индам, терпишь беды на чужеземном море, пускаешься в плавание на целые годы, чтобы привезенными оттуда покупками усладить пищу, не обращая внимание на то, что ощущение сладостей имеет пределом небо во рту, а также и благовидное, и благовонное, и услаждающее вкус доставляет чувству какую-то скоропреходящую и мгновенную приятность. Кроме неба, во рту разность влагаемого в гортань ничем не различима, потому что естественном одинаково изменяется все в зловоние. Видишь ли конец поваренного искусства? Видишь ли последствие поваренных ухищрений? Проси хлеба для жизненной потребности - в этом природа сделала тебя должником телу. А что сверх этого изобретено изнеженностью роскошных, то из числа привсеянных плевел. Сеяние домовладыки - пшеница, а из пшеницы делается хлеб; роскошь же - плевелы, они врагом привсеяны к пшенице. Но люди, перестав служить природе необходимым, действительно, как говорит где-то Писание (Мк.4:7), бывают подавляемы рачением о суетном и остаются недостижими зрелости, потому что душа непрестанно занимает себя этими суетностями. Ограничивайся необходимой потребностью. Пределом заботливости твоей о жизни пусть будет удовлетворение нужды тем, что у тебя есть.

Если и с тобою Евин советник вступит в беседу о том, что прекрасно для взора и приятно для вкуса и при хлебе станешь искать такой-то снеди, приготовленной с такими-то приправами, а потом вследствие этого прострешь пожелание далее необходимых пределов, то увидишь тогда, как пресыщающийся вслед за этим неприметно прокрадется к любостыжательности. Ибо, от пищи необходимой перейдя к лакомым снедям, перейдет и к тому, что приятно для глаз, будет домогаться светлых сосудов, красивых слуг, серебряных лож, мягких постелей, прозрачных, с золотой насыпью покрывал, престолов, треножников, купален, чаш, рогов, холодильников, ковшей, лоханей, светильников, курильниц. А чрез это входит похоть любостыжательности и домогается подобных вещей, но, чтобы в заготовлении их не было недостатка, потребны доходы на приобретение требуемого. Поэтому надобно иному быть в печали, живущему вместе проливать слезы, многим сделаться бедствующими, лишившись собственности, чтобы вследствие их слез за столом этого человека было блистательно. А когда змий обовьется вокруг этого и наполнит чрево, чем было желательно, тогда в след за этим по пресыщении человек более и более вовлекается в неистовство непотребства - и это есть крайнее из зол человеческих.

Поэтому, чтобы не происходило ничего такого, ограничивай молитву испрошением этого пособия - хлеба, ища снеди, приправляемой тебе самой природой. И эта приправа есть добрая совесть, при правильном употреблении хлеба всего более его услаждающая. А если желательно тебе усладить и ощущение гортани, то пусть приправой у тебя будет скудость, пусть не прилагается сытость к сытости, побуждение к принятию пищи не притупляется пьянством, но вкушению ее да предшествует у тебя по заповеди пролитие пота. «В поте и труде «снеси хлеб твой» (Быт.3:19). Видишь ли, какая первая приправа пищи, по Писанию? Достаточно для тебя этой только потребностью занимать мысль свою - лучше же сказать, до этого только связывать душу попечениями о хлебе. Но скажи Тому, Кто изводит «хлеб от земли» (Пс.103:1), скажи Тому, Кто питает «вранов» (Пс.146:81), дает «пищу всякой плоти» (Пс.135:250), отверзает руку и исполняет «всякое животно благоволения» (Пс.144:16): "От Тебя моя жизнь, от Тебя да будет и средство к жизни. Ты

Прекрасно же и присовокупление слова «днесь». Ибо сказано: «Хлеб насущный даждь нам днесь». В этом слове заключается другое любование; произнося это, должен ты познать, что жизнь человеческая однодневна. Собственность каждого – одно только настоящее, а надежда на будущее остается в неизвестности; «не знаем, что родит находяй?» (Прит.27:1). Для чего мучим себя неизвестным, томим заботами о будущем? Сказано: «Довлеет дневи злоба его» (Мф.6:34), где злобой называется злострадание. Для чего прилагаем попечение «об утри»? Поэтому Господь тем, что повелевает говорить «днесь», запрещает тебе заботу «об утри», как бы следующее внушая тебе этим словом: "Кто дал тебе день, Тот даст и потребное на день. Кто «сияет солнце» (Мф.5:45); кто уничтожает ночную тьму; кто показывает тебе луч света; кто вращает небо, чтобы над землей стало светило; кто дает тебе это и многое другое, Тот ужели имеет нужду в твоём содействии, чтобы удовлетворить твоей плоти, снабдив ее потребным? Какую тщательность о собственной жизни привносит от себя естество бессловесных? Какие пашни у воронов, какие житницы у орлов? Не одна ли у всех снабдительница жизни – Божия воля, которой все содержится? Вол, или осел, или другое какое бессловесное, не учась, от природы имеют любование и хорошо располагают настоящим, о том же, что будет после, нет у них никакой заботы".

Неужели мы имеем нужду в советниках, чтобы уразуметь эту кратковременность и однодневность плотской жизни? Не вразумляемся тем, что бывает с другими? Как не уцеломудриваемся собственной своей жизнью? Что было пользы от большого заготовления тому богачу, который обольщал себя неосуществимыми надеждами, разорял, строил, собирал, роскошествовал; чего достало бы на многие годы, то в суете надежд запирает в житницы? Не одна ли ночь обличала всю эту мечтательность надежды, как суетное некое сновидение о чем-то не стоящим вниманья? Жизнь телесная ограничивается одним настоящим, а жизнь, предоставляемая надежде, есть собственность души. Но человеческое неразумие погрешает в употреблении той и другой, думая телесную жизнь продлить надеждами, а жизнь душевную тратя в наслаждениях настоящим. Поэтому-то душа, занимаясь видимым, по необходимости делается чуждой надежды существенной и действительной, по надежде опираясь на непрочное, и этим не овладевает, и чего надеялась, того не имеет.

Поэтому научимся из настоящего совета, чего надлежит просить сего дня и чего впоследствии. Хлеб – сегодняшняя потребность, а Царствие – упваемое блаженство. Сказав же о хлебе, Писание понимает под этим телесную потребность. Если это станем просить, уму молящегося будет явно, что забота его – об однодневном. Если же просим чего-либо из душевных благ, то явно, что прошение имеет в виду всегда пребывающее и нескончаемое, на что Господь и повелевает наиболее взирать молящимся, как на важнейшее, удовлетворяющее и первой потребности. «Просите», говорит Он, «царствия и правды, и сия вся приложатся вам» (Мф.6:33),

Св. Кирилл Иерусалимский. «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Хлеб обыкновенный не есть насущный, а сей святой хлеб (тело и кровь Господа) есть насущный, т.е. имеющий действие на сущность души. Сей хлеб сообщается всему твоему составу, к пользе души и тела. А слово «днесь» употреблено вместо ежедневно, как и Павел сказал: «дондеже, днесь, нарицается» (Евр.3, 13).

Св. Златоуст. Что такое «хлеб насущный»? Повседневный. Так как Христос сказал: «да будет воля твоя, яко на небеси, и на земли», а беседовал Он с людьми, облеченными плотью, которые подлежат необходимым законам природы, и не могут иметь ангельского бесстрастия, то, хотя и повелевает нам так исполнять заповеди, как и ангелы исполняют их, однако снисходит к немощи природы, и как бы так говорит: Я требую от вас равноангельской строгости жизни, впрочем не требуя бесстрастия, поскольку того не допускает природа ваша, которая имеет необходимую нужду в пище. Смотри, однако, как и в телесном много духовного! Спаситель повелел молиться не о богатстве, не об удовольствиях, не о многоценных одеждах, не о другом чем-либо подобном, но только о хлебе, и притом о хлебе повседневном, так чтобы нам не заботиться о завтрашнем, почему и присовокупил: «хлеб насущный», т.е. повседневный. Даже и этим словом не удовлетворился, но присовокупил вслед затем и другое: «даждь нам днесь», чтобы нам не сокрушать себя заботой о наступающем дне. В самом деле, если ты не знаешь, увидишь ли завтрашний день, то для чего беспокоишь себя заботой о нем? Это Спаситель заповедал и далее затем в своей проповеди: «не пецйтесь», говорит, «на утри» (Матф.6,34). Он хочет,

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org
чтобы мы всегда были препоясаны и окрылены верою, и не более уступали природе, чем сколько требует от нас необходимая нужда.

Он же. Так как Он упомянул о земле, а существам, происшедшим из нее и живущим на ней, и облеченным телом земным, нужна соответственная пища, то по необходимости Он присовокупил: «хлеб наш насущный даждь нам днесь». Он повелел просить хлеба насущного, не для объедения, а для питания восполняющего истраченное в теле и отклоняющего смерть с голода,—не роскошных столов не разнообразных яств—произведений поваров, изобретений хлебопеков, вкусных вин и прочего тому подобного, что услаждает язык, но обременяет желудок, помрачает ум, помогает телу восставать на душу и делает этого жеребца непослушным вознице. Не этого просить научает нас заповедь, но «хлеба насущного», т.е. обращающегося в существо тела и могущего поддержать его. Притом и его заповедано нам просить не на великое число лет, а столько, сколько нужно нам на настоящий день. «Не печитесь убо», сказал Господь, «на утрей» (Мф.6,34). И для чего заботиться о завтрашнем дне тому, кто может быть и не увидит завтрашнего дня, кто предпринимает труд, а не пожинает плода? Надеемся на Бога, который «дает пищу всякой плоти» (Пс.135,15). Тот, кто даровал тебе тело, вдохнул душу, сделал тебя животным разумным и приготовил для тебя все блага прежде нежели создал тебя, как презрит тебя созданного, «иже сияет солнце свое на злыя и благия, и дождит на праведные и неправедные» (Мф.5,45). Итак, надеясь на Него, проси пищи только на настоящий день, а об завтрашнем предоставь заботу Ему, как и блаженный Давид говорить: «возверзи на Господа печаль твою, и Той та препитает» (Пс.54,25).

Св. Кассиан, разумея под хлебом Господа Иисуса Христа, и пречистое тело Его с животворящею кровью, говорить: «хлеб наш, т.е. насущный, или, по другому Евангелисту, «ежедневный, даждь нам днесь». Первым словом означает существование его достоинство, по коему он превышает все сущности и превосходит все твари высокою своею святостью, а вторым выражается естественное употребление его и польза. Ибо когда говорится: «ежедневный», то этим показывается, что без него мы не можем ни одного дня продолжать духовной жизни; а когда говорится: «днесь», то этим показывается, что надобно принимать его ежедневно и что вчерашнее вкушение его недостаточно, если он подобным образом не будет и ныне преподан нам. Поелику же нет дня, в который бы не нужно было укреплять сердце внутреннего нашего человека принятием и вкушением этого «хлеба», то таковая ежедневная потребность должного заставляет нас во всякое время проливать о нем молитву. Впрочем, слово «днесь» — можно принимать и в отношении к настоящей жизни, то есть: «подавай нам хлеб сей, доколе мы находимся в здешнем веке, ибо знаем, что и в Будущей Жизни он будет Тобою подаваем тем, кои заслужили его, но мы просим даровать нам его еще «днесь», ибо кто не удостоится принять оно в настоящей жизни, тот не возможет причаститься его и в Будущей»

Блаж. Августин в трактате о нагорной беседе Господа, говорит, что может «хлеб» иметь три значения,— может означать и вещественный хлеб со всем другим, необходимым для жизни и таинство тела Христова, которое мы принимаем каждодневно (так было тогда), и пищу духовную, о коей Господь сказал: «делайте не брашно гиблющее, но брашно пребывающее в живот вечный» (Ин. 6,27). И в другом месте: «мое брашно есть, да сотворю волю Пославшего мя и совершу дело Его» (Ин.4,34). Из сих трех значений он иногда об одном преимущественно рассуждает, иногда о другом, но всегда имеет во внимании все три.

«Каждодневный хлеб надлежит принимать здесь в значении хлеба духовного, т.е. божественных заповедей, в которых поучаться и которые делом исполнять должно каждодневно. Ибо их разумел Господь, когда сказал: «делайте не брашно гиблющее». Каждодневным называется это хлебом потому, что временная жизнь наша проводится при преемстве дней, из коих один отходит, а другой приходит. Делом же каждого из них должно быть исполнение заповедей. Так как расположение нашего духа то поднимается горе, то ниспадает долу, т.е. то к духовному обращается, то к плотскому, подобно как тело то насыщается пищею, то чувствует голод; то ему на всяк день необходима оная духовная пища, которую подкрепляясь он поднимался бы опять горе всякой раз, как ниспадает. Как тело наше в сей жизни, прежде, т.е. жизни будущей, не подлежащей изменениям, бывает подкрепляемо пищею, когда чувствует истощение: так и дух, поелику, по причине временных страстей, подвергается истощению в своем устремлении к Богу, должен быть каждодневно подкрепляем пищею заповедей божественных.—Сказано же: «даждь нам днесь», т.е. «дондеже днесь нарицается» (Евр.3,13), тоже что в настоящей временной жизни. Ибо после

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org

жизни сей, в жизни будущей, мы во веки сыты будем духовною пищею, и тогда она не будет уже называться каждодневным хлебом. Тогда не будет этого течения времени, в коем дни сменяются днями и производят каждодневность. Итак, в каком смысле сказано: «днесь аще глас его услышите» (Пс.94, 8), –какое «днесь» Апостол в послании к Евреям истолковывает так: «дондеже днесь нарицается»: в таком надобно принимать и: «даждь нам днесь». –Если же кто хочет принимать здесь «хлеб» в значении необходимой телесной пищи, или в значении таинства тела Господня, то пусть уже принимает его совокупно во всех трех значениях, т.е. и как каждодневный хлеб, необходимый для тела, и как таинственный хлеб видимый, и как невидимый мысленный хлеб слова Божия.

Он же. Можно просто понимать, что молитву сию изливаем мы о каждодневном нашем содержании, чтоб его было у нас в изобилии, или если не в изобилии, по крайней мере, не было в нем недостатка. «Насушный» –ежедневный сказал в смысле –в сей жизни, т.е. «дондеже днесь нарицается» (Евр.3,13). Ежедневно встаем, ежедневно алчем, ежедневно насыщаемся. И молимся, да дарует нам Отец наш небесный хлеб на всяк день. –Почему не сказал: и покров. Только нам и нужно: содержание –пища и питье, и покров – одеяние и кров. Апостол больше этого и желать не велит, когда говорить: «ничтоже внесохом в мир сей, явь яко ниже изнести что можем: имуще же пищу и одеяние сими довольни будем» (1Тим.6,7.8). Поелику и это принадлежит к необходимой потребности нашей: то не неуместно разуметь и сии предметы, когда говорим: «хлеб наш насушный даждь нам днесь». И нечего удивляться, если именуя один хлеб разумеем и прочие необходимые потребности, как и Иосиф, когда пригласил братьев своих, сказал: «со мною ясти, имут мужие сии хлеб в полудне» (Быт.43,16). Разве они один хлеб ели за трапезою сею?! –Но под хлебом разумелось и все прочее. Так и когда молимся о насущном хлебе, испрашиваем и всего, что потребно для плоти нашей на земле. –Можно под хлебом разуметь и божественное причащение, говоря как бы: божественное причащение подавай нам всякой день, как хлеб насушный. Ведают верующие, что приемлют, и благо им –принимать этот хлеб насущный, столь необходимый в жизни сей. Но как не все оказываются всегда сего достойными, то и молятся, чтоб им даровано было всегда пребывать добрыми, т.е. верными вере и не укоризненными по жизни. Вот чего желают они, вот о чем просят! –Ибо если не пребудут таковыми, то будут отлучены от оною насущного хлеба. Что же при таком понимании слова «хлеб», будет означать: «хлеб наш насущный даждь нам днесь»? Даруй нам так жить, чтоб никогда не быть отлучаемыми от алтаря Твоего. –И слово Божие, которое ежедневно вам возвещается, и некоторым образом преломляется для вас, есть хлеб насущный. И его умы алчут, как вещественного хлеба чрево. Так и его мы просим в молитве Господней. Таким образом под хлебом насущным разумеется все для души и тела необходимое в жизни сей.

Св. Максим Исповедник, помянув мимоходом в конце толкования предыдущего прошения, что под «хлебом» здесь означает хлеб с неба сшедый и дающий жизнь миру (Ин.6,33), продолжает: «Словом «днесь», как думаю, означает нынешний век. Или, чтобы яснее истолковать это место молитвы, можно сказать: хлеб наш, который Ты уготовал в начале для бессмертия естества (человеческого), дай нам днесь, в настоящей мертвенной жизни, чтобы вкушение хлеба жизни и познания победило греховную смерть, – того хлеба, причастия которого лишило преступление Божественной заповеди первым человеком. Ведь если бы он насытился этой Божественной пищей, то не был бы взят в плен смертью греха.

Однако молящийся о том, чтобы получить этот насущный хлеб, не получает его весь целиком таким, каков он есть, но получает лишь настолько, насколько сам получающий может (воспринять его). Ибо Хлеб жизни, как Человеколюбец, хотя дает Себя всем просящим, но не всем одинаково: совершившим великие деяния дает больше, а свершившим (деяния) меньшие дает меньше, то есть дает каждому, насколько может принять его духовное достоинство.

К такому пониманию настоящего изречения (молитвы) привел меня (Сам) Спаситель, повелевающий ученикам (Своим) не заботиться вовсе о чувственной пище, говоря им: «Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться (Мф.6,25), потому что всего этого ищут люди мира сего» (Лк.12,30), «(а вы) ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф.6,33). Как же (Господь) учит в молитве не искать того, что Он (Сам) прежде заповедовал? – Ясно, что в молитве Он не велел просить того, что и в заповеди (Своей не повелел), ибо в молитве мы должны просить о том, что и по заповеди должны искать. А что (Господь) искать не позволяет нам, о том и молиться незаконно. Если Спаситель заповедал искать одного Царства Божия и правды, то Он побуждал добывающихся

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org
Божественных даров и в молитве просить о том же, чтобы, через эту молитву утвердив благодать искомым по природе (благ), соединить и отождествить через относительное единение волю просящих с желанием Подателя благодати.

Если же молитва повелевает нам просить и того повседневного хлеба, которым естественно поддерживается наша настоящая жизнь, то это для того, чтобы мы не переходили границ молитвы, охватывая мысль целые периоды лет, и не забывали, что мы смертны и имеем (здешнюю) жизнь, подобную преходящей тени, но чтобы, не отягощаясь лишней заботой, просили в молитве и хлеба на день. И покажем, что мы любознательно, по Христу, превращаем (земную) жизнь (нашу) в размышление о смерти, по своей воле упреждая природу и до наступления смерти отсекая от души попечение о телесном, дабы она не прилеплялась к тленному и не извращала (влечением) к материи естественного употребления (своего) стремления (к Богу), приучаясь к любостыжанию, лишаящему богатства Божественных благ.

Итак, будем избегать, насколько возможно, любви к материи и снотливости, как пыль, с мысленных очей (наших) саму связь с ней; будем довольны одним тем, что поддерживает нашу жизнь, а не тем, что доставляет ей наслаждение. Будем молить Бога, как научились, о том, чтобы душе нашей не впасть в рабство и не подпасть, ради тела, под иго зримых (вещей). Тогда ясно будет, что мы едим для того, чтобы жить, а не живем для того, чтобы есть, поскольку первое свойственно разумной природе, а второе – неразумной. Будем строгими блюстителями этой молитвы, самими делами (своими) показывая, что мы твердо придерживаемся одной-единственной жизни – жизни в Духе, и для стяжания ее употребляем (всю) настоящую жизнь. Докажем на деле, что ради жизни духовной мы только терпим эту [бременную жизнь], подкрепляя ее одним хлебом и сохраняя, насколько возможно, в здоровом состоянии только для того, чтобы нам не (просто) жить, но жить для Бога».

Блаж. Феофилакт. Господь научает просить хлеба только «насущенного», т.е., полезного для нашего существования и для поддержания жизни, отнюдь не лишнего, но необходимого.

Он же. «Насущным» называет хлеб тот, который достаточен для сохранения нашего естества в силе. Словом же «днесь» устраняется забота о завтрашнем дне.—И тело Христово есть насущный хлеб, о неосужденном причащении которого нам должно молиться».

Симеон Солунский. Пред сим испрашивали мы небесного; но будучи смертны, и имея нужду для поддержания жизни в хлебе, просим и его, яко человеки, зная, что и он в деснице Твоей, Отче наш, и что Ты один, не скуден, мы же всем скудны. Впрочем, прося хлеба, не слишком много его просим, а сколько требуется для употребления «днесь»: ибо мы научены не пещись о завтрашнем дне, потому что Ты, Отче, как ныне Кормитель наш еси, так завтра и всегда будешь им.—И еще,—молясь о хлебе насущном, мы молимся и о живом хлебе небесном, всесвятом теле Слова живаго, не вкушающий которого жив не будет. И Он есть насущный хлеб наш, как укрепляющий и освещающий душу и тело. Не вкушающий его не имеет живота в себе, а вкушающий жив будет во веки (Ин.6, 43. 58).

Святитель Тихон. Хлеб насущный, по пониманию святого Иоанна Златоуста, означает – повседневный. Здесь понимается не только хлеб, но и все необходимое для этого временного жития, например, питье, одяние, покой, дом и прочее, как некоторые толкуют. Не просим богатства, но просим нужного к поддержанию этой жизни. Не о деньгах, не о роскоши, ни о многоценном одянии, ни об ином подобном поведено молиться, но только о хлебе, и о хлебе повседневном, чтобы об утреннем не заботились, – говорит святой Златоуст. Отсюда следует, что христианину не должно заботиться о богатстве, многоценном одянии, богатых домах, богатой пище и прочем, тому подобном. Ибо христианин всегда должен быть готов к тому, что его позовет Господь, и тогда все это он вынужден будет оставить. Зовет же Господь всякого к Себе через смерть. Хочет, – говорит святой Иоанн Златоуст, – чтобы мы всегда были готовыми и тем довольствовались, что естеству нашему нужно. Когда молимся: «хлеб даждь нам», исповедуем, что мы нищие, убогие и бедные, и потому всего у Бога должны просить, и что ни имеем, должны благодати Его приписывать, как Псаломник поет: «Очи всех на Тебя уповают, и Ты даешь им пищу их в свое время; открываешь руку Твою и насыщаешь все живущее по благоволению» (Пс.144,15-16). Когда говорим: «хлеб наш даждь», то показываем, что не только о своем пропитании просим, но и о прочих, из любви христианской. Ибо любовь христианская требует, чтобы мы не только о

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org
себе, но и о ближних наших заботились. Известно, что Бог, так как Щедр, не только христианам, но и не знающим Его подает временные блага. Но христианам должно всю верою у Него просить, как сынам у отца, и тем показывать, что все, что ни имеют необходимое для жизни, – Божие добро, и так, принимая благодеяние, благодарить Благодетеля.

Пятое прошение «Остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим»

Тертуллиан. После обращения к божеской щедрости, надлежит испрашивать и Его милосердия. Пища не все обнимает нам нужное и полезное. Знал Господь, что один Он всегда безгрешен. Почему научает нас молиться об отпущении долгов наших. Это исповедь, испрашивание прощения. Кто испрашивает прощения, тот исповедует грех. Так доказывается, что Бог приемлет и покаяние; его желает паче, нежели «смерти грешника» (Иез.33,11). Долг в Писании есть образ греха; и подлежит суду и истязанию, от которого не избудет истязуемый, пока не воздаст всего, как изобразил Господь в притче–Мф.18. 23–34. Притча та вся относится к истолкованию смысла настоящего прощения. Ибо то, что там, в притче, раб, помилованный господином, не пощадил ради сего своего должника, и за то, по донесению о том господину, предан истязателю для взыскания с него долга до последнего кодранта, т.е. до малейшего остатка его, к тому ведет, чтоб расположить и нас прощать должникам своим, для получения прощения от Господа. С тою же целью Господь и в другом месте заповедал: «отпускайте и отпускает вам» (Лк.6,37). И когда Петр спросил Его, отпускать ли до семи крат, сказал: «не до семи только, но до семидесяти крат седмерицею» (Мф.18, 22).

Св. Киприан. По испрошении пищи испрашивается отпущение грехов, чтобы человек, питаемый Богом, и жил в Боге, и заботился не только о временной, но и о вечной жизни, – а ее можно достигнуть, если прощены будут грехи, которые Господь в Своем Евангелии называет долгами, говоря: «весь долг отпустих тебе, понеже умолил Мя еси» (Мф.18,32). И сколь необходимо, сколь прозорливо и спасительно напоминание, которым мы, грешники, побуждаемся к молению о грехах, чтобы, испрашивая милосердие у Бога, дух приходил в самосознание! Для устранения довольства собою, как бы невинными, для избежания опасности погибнуть через высокомерие, нам повелевается ежедневно молиться о грехах и тем дается напоминание и наставление, что мы и грешим ежедневно. То же указывает в Послании своем Иоанн, говоря: «аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем и истины несть в нас. Аще исповедаем грехи наша, верен есть и праведен (Господь), да оставит нам грехи наша» (1 Ин. 1,8–9). В Послании своем он объял и то, что мы должны просить о грехах, и то, что получим прощение, если будем просить. Ибо он назвал Господа верным, т.е. верно исполняющим свое обещание; а Научивший нас молиться о грехах и долгах наших обещал нам милосердие Отца и следующее затем прощение. К этому Господь ясно присовокупил и прибавил закон, ограничивающий нас известным условием и обетом, по которому мы должны просить, чтобы нам оставлены были долги так, как и мы оставляем должникам нашим, зная, кто не может быть получено нами отпущение грехов, если мы не сделаем того же относительно должников наших. Потому-то и в другом месте Он говорит: «в нуже меру мерите, возмерится вам» (Мф.7,2). Дай раб, который не захотел простить своему товарищу тогда, как господин простил ему самому весь долг, заключен был в темницу; он утратил оказанное ему Господом снисхождение, потому что не захотел оказать товарищу снисхождения (Мф.18,27–34). Это еще сильнее и с большей строгостью Своего суда излагает Господь в заповедях Своих. И «егда, – говорит, – стоите молящися, отпускайте, аще что имате на кого, да и Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша: аще ли же вы не отпускаете, ни Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваших» (Мф.11,25–26). Итак, тебе не остается никакого извинения в день суда: ты будешь судим по собственному своему приговору, с тобою поступят так, как сам ты поступишь с другими.

Бог заповедует, чтобы в доме Его жили только мирные, согласные и единомышленные. Он хочет, чтобы возрожденные и оставались такими, какими Он сделал их вторым рождением; чтобы ставшие сынами Божиими пребывали в мире Божиим; чтобы у нас, у которых один дух, было одно сердце и чувство. Он не принимает жертвы от того, кто находится во вражде, и повелевает таковому возвратиться от алтаря и прежде примириться с братом, чтобы потом можно было умилостивить Бога мирными молениями. Для Бога большая жертва – наш мир и братское согласие, народ, соединенный в единстве Отца и Сына и Святого Духа. При первых жертвоприношениях, принесенных Авелем и Каином, Бог не смотрел на дары их, но на сердца, так что тот угодил Ему дарами, кто угодил

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org сердцем. Мирный и праведный Авель, принеши в невинности жертву Богу, дал урок и другим, приносящим дар к алтарю, – приходите туда со страхом Божиим, с простым сердцем, с законом правды, с миром согласия. Принеши жертву Богу с таким расположением, он потом и сам сделался жертвой Богу: хранитель правды Господней и мира, он первый, претерпев мученичество, славой своей крови предначал страдание Господне. Таковые наконец и увенчиваются от Господа! Таковые в день суда будут судить с Господом! напротив, кто находится во вражде и несогласии, кто не имеет мира с братьями, тот, по свидетельству блаженного апостола и Священного Писания, хотя бы претерпел смерть за имя Христово, все же останется виновен во вражде братской (1Кор.13, 3); а в Писании сказано: «всяк ненавидяй брата своего человекоубийца есть» (1Ин.3,15), человекоубийца же не может ни достигнуть Царства Небесного, ни жить с Богом. Не может быть со Христом тот, кто лучше захотел быть подражателем Иуды, нежели Христа. Каков же это грех, который не омывается и крещением крови? Каково преступление, которого нельзя загладить и мученичеством?

св. Григорий Нисский. Слово, простираясь вперед, вошло на самый верх добродетели. Ибо словами молитвы изображает, каким по его требованию должен быть приступающий к Богу; показывает, что он уже вне пределов естества человеческого и уподобляется по добродетели Самому Богу, так что, делая то, что свойственно делать одному Богу, по-видимому, и сам делается вторым богом. Ибо оставление долгов есть Божие свойство, и свойство преимущественное, – сказано: никто же «может оставлять грехи, токмо един Бог» (Лк.5:21). Поэтому если кто в жизни своей уподобился отличительным чертам Божия естества, то сам некоторым образом делается тем же, с кем сходство показал в себе точным уподоблением.

Итак, чему же учит слово это? Во-первых, с дерзновением, на какое приобретено право предшествовавшей жизнью, сознать в себе уподобление Богу, и тогда уже осмелиться называть Бога Отцом своим и просить прощения в прежних прегрешениях, потому что не всякому просящему возможно получить то, чего желает, но тому, кто делами приобрел себе право просить с дерзновением. Ибо это прямо внушает нам Господь в настоящем изречении, а именно, приступая к благодетелю, будь сам благодетелем; приступая к доброму, будь добрым; приступая к правдивому, будь правдивым; приступая к терпимому, будь терпеливым; приступая к человеколюбивому, будь человеколюбивым, а также будь и всем иным, приступая к добросердному, к благосклонному, к общительному в благах, к милующему всякого, и, если еще что усматривается божественного, во всем этом уподобляясь произволением, приобретай тем себе дерзновение на молитву. Поэтому, как невозможно лукавому освоиться с добрым и покрытому нечистыми сквернами иметь общение с чистым и нескверным, так приступающего к Божью человеколюбию отлучает от него жестокосердие. Поэтому, кто за долги держит человека в своей власти и обходится с ним жестоко, тот нравом своим устранил себя от Божия человеколюбия. Ибо какое общение у человеколюбия со зверством, у любвеобильного расположения с свирепостью и у всего прочего, что противоположно злу, с принадлежащим противной стороне и находящимся в таком непримиримом ему сопротивлении, что преданный ему необходимо удален от противоположного? Как сделавшийся добычей смерти уже не жив и наслаждающийся жизнью удален от смерти, так приступающему к Божью человеколюбию совершенно необходимо быть чуждым всякой жестокости. А кто сделался чуждым всего разумеваемого под именем порока, тот некоторым образом по такому нраву делается богом, доводя до преспеяния в себе то, что разум признает и о Божественном естестве.

Видишь, до какого величия Господь возвышает слушателей словами этой молитвы, прелагая некоторым образом естество человеческое в божественное и узаконяя, чтобы приступающие к Богу сами сделались богами? "Для чего, – говорит Он, – ты, поражаемый страхом, бичуемый своей совестью, раболепно приходишь к Богу? Для чего сам себе заграждаешь дерзновение, заключенное в свободе души и изначально существенно принадлежащее естеству? Для чего льстишь словами Небольстимому? Для чего с услужливыми и угодливыми речами обращаешься к Тому, кто взирает на дела? Тебе, одаренному свободой и благоразумием, можно со властью иметь всякое благо, какое только дается от Бога. Будь сам себе судьей. Произнеси себе спасительный приговор. Желает, чтобы отпущены были тебе Богом долги? Отпусти сам; Бог изрек приговор; твой суд над соплеменником, в котором ты властен, каков бы то ни был, есть и твой приговор. Что сам о себе знаешь, то подтверждено о тебе и Божиим судом".

Но как достойным образом раскроет кто все величие Божия слова?

Заключаящаяся в нем мысль превосходит словесное истолкование. «Остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Ту мысль, какая мне приходит при этом на ум, смело и держать в уме, а еще смелее раскрыть ее в слове. Ибо что сказано? Как преуспевающим в добре представляется в подражание Бог по словам апостола: «Подражатели мне бывайте, якоже и аз Христу» (1Кор.11:1), так, наоборот, требуется, чтобы твое расположение к добру стало образцом для Бога, изменятся некоторым образом порядок и мы осмеливаемся надеяться, что, как в нас подражанием Богу совершается доброе, так и Бог будет подражать нашим делам, когда преуспеваем в чем-либо добром, и ты можешь сказать Богу: "что сделал я, сделай и Ты; подражай рабу своему, Ты, Господь; убогому и нищему - Ты, царствующий над всем; я отпустил долги, не взыскивай и Ты! Я уважил просителя, не отвергни и Ты просящего! Я отпустил должника своего веселым, таков пусть будет и Твой должник! Не делай, чтобы Твой был грустнее моего! Пусть оба равно благодарят оказавших милость! Пусть посредниками обоих подтверждено будет равное отпущение и моему и Твоему должнику! Мой должник - такой-то, а Твой - я; какое решение дал я о своем должнике, такое же да возьмем силу и у Тебя; я разрешил, разреши и Ты! Я отпустил, отпусти и Ты! Я великую милость оказал соплеменнику, подражай и Ты, Господи, человеколюбия раба Твоего".

"Но мои прегрешения пред Тобою тяжелее сделанных предо мною моим должником. Признаю это и я; рассуди и то, сколько преимуществуешь Ты во всяком добре. Тебе справедливо нам, согрешившим, даровать милость, соразмерную преизбытку Твоего могущества. Малое человеколюбие оказал я, потому что большего не вмещает природа моя, а Ты сколько ни пожелаешь, могущество не воспрепятствует щедродаровитости Твоей".

Но с большей тщательностью уразумеем подлежащее изречение молитвы; рассмотрение смысла его, может быть, и для нас послужит неким руководством к высокой жизни. Потому исследуем, каковы те долги, которым повинно естество человеческое, и еще каковы те долги, отпущение которых в нашей власти; познание этого доставит нам достаточное некое уразумение преизбыточества Божиих благ. А поэтому сделаем здесь перечисление человеческих прегрешений пред Богом. Человек стал подлежать наказанию от Бога, во-первых, за то, что отступил от Сотворившего и передался противнику, сделавшись беглецом и отступником от Того, Кто его Владыка по естеству; во-вторых, за то, что самовластную свободу променял на лукавое рабство греху и быть под самоуправством тлетворной силы предпочел сопребыванию с Богом. Да и это - не взирать на красоту Создавшего, а обратить лицо к гнусности греха - можно ли признать каким-либо вторым из зол? И какой род наказаний заслуживающими счесть должно презрение Божественных благ, предпочтение же приманок лукавого? Заглаждение образа, повреждение Божественных черт, отпечатленных в нас при начале творения, потеря драхмы, удаление от отчей трапезы, освоение со зловонной жизнью свиней, расточение драгоценного богатства и все подобные прегрешения, какие можно видеть при помощи Писания и рассудка, исчислит ли какое слово?

Итак, поскольку род человеческий за таковые вины должен понести от Бога наказание, то мне кажется, что поэтому слово Божие учением, изложенным в молитве, наставляет нас к молитвенному собеседованию с Богом, хотя бы кто из нас и всех более далек был от человеческих прегрешений, никогда не приступать с таким дерзновением, как будто бы у него чистая совесть. Ибо иной, может быть, подобно тому богатому юноше, образовав жизнь свою по заповедям, вправе, как и тот, похвалиться своей жизнью и сказать Богу: «Вся сия сохраних от юности моя» (Мф.19:20) - и даже предполагать о себе, что ему, как ни в чем не погрешившему против заповедей, крайне неприлично прошение об оставлении долгов, пригодное одним согрешившим. Оскверненному блудом, скажет он, приличны такие слова, или за любостыжательностью обвиняемому в идолопоклонстве необходимо просить прощения и вообще всякому, каким-либо прегрешением уязвившему совесть души, прекрасно и сообразно с нуждой прибегать к милосердию. А если он Илия великий, или действует «духом и силою Илииною» (Лк.1:17), или велик «в рожденных женами» (Мф.11:11), или Петр, или Павел, или Иоанн, или другой кто из тех, чье превосходство засвидетельствовано Божественными Писанием, то для чего употреблять подобные речения, которыми испрашивается оставление долгов тому, на ком нет никакого греховного долга? Для того, чтобы иной, имея в виду что-либо подобное, не впал в высокомерие, подобно тому фарисею, не знавшему, что он такое по естеству. Ибо если бы знал, что он человек, то, конечно, естество свое не представлять чистым от скверны научился бы из Святого Писания, которое говорит: «Не найдешь у людей, чтобы жизнь одного дня могла быть без

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org скверны» (Иов.14:4-5). Поэтому, чтобы у приступающего с молитвой к Богу не произошло чего подобного с душой, слово Божие заповедует не смотреть на преспеяния, но приводить себе на память общие долги человеческого естества, в которых всякий, без сомнения, и сам участвует, как участвующий в естестве, и умолять Судию, чтобы даровал прощение прегрешения.

Ибо так как живет в нас Адам и каждый из нас – человек, то, пока видим на естестве своем кожаные эти хитоны и скоро увядающие листья вещественной этой жизни, которые, обнажившись от вечных и светлых риз, сшили мы себе ко вреду своему, вместо Божественных одежд облекши себя в забавы, славу, однодневные почести, убийственные наслаждения плоти, – и пока взираем на это плотское местопребывание, на котором осуждены мы обитать, как скоро обращаемся к востоку (не потому только, что там видим для нас Бог, который, как вездесущий, не объемлется никаким исключительно местом, но все равно содержит, а потому, что на востоке первоначальное наше отечество, разумею же пребывание в раю, из которого мы изгнаны – «насади Бог рай во Едеме на востоках» (Быт.2:8)); поэтому, как скоро обращаем взор «на востоки» и мысленно приводим себе на память изгнание из светлых и восточных стран блаженства, справедливо тогда присовокупляем сии речения и мы, отменяемые недоброй смоковницей жизни, отверженные от очей Божиих, самовольно предавшиеся змию, который ест землю и по земле ползает: ходит на персях и на чреве своем и нам советует делать то же – предаваться земным наслаждениям, по земле пресмыкающимися и влачающимися мыслями занимать свое сердце и ходить на чреве, т.е. заботиться о жизни сластолюбивой, поэтому, в этом находясь состоянии, подобно тому блудному сыну, после долгого бедствования, в каком пребывал, пася свиней, как скоро приходим, как и он, в себя и приводим себе на мысль Небесного Отца, тогда прекрасно пользуемся такими речениями: «Остави нам долги наша».

Поэтому хотя бы кто был Моисеем и Самуилом и другим кем из прославившихся добродетелью, тем не менее, поскольку он – человек, почитает для себя приличными слова эти, как причастный Адамова естества, участник и его падения. Поскольку как говорит апостол, «о Адаме вси умираем» (1Кор.15:22), то изречение, какое прилично Адаму при покаянии, надлежит быть общим для всех с ним умерших, чтобы нам при даровании прощения прегрешений снова, как говорит апостол, спасти благодатью Господней (Еф.2:5). Но сказано, чтобы иной при взгляде на более общее мог уразуметь предлагаемое в слове. Если же кто будет искать истинного смысла в изречении, то, думаю, не потребуются от нас возводить понятие к общему взгляду на естество, потому что достаточно совести, чтобы в рассуждении каждого поступка в жизни сделать необходимым прошение о помиловании.

Поскольку в этом мире жизнь наша, как думаю, подлежит многообразными влияниям, как по душе и разумению, так и по чувствам телесным, то трудно или и совершенно невозможно не увлечься ко греху хотя бы одной какой-либо страстью. Например, эта любящая наслаждения жизнь относительно к телу делится по нашим чувствам, а относительно к душе оказывает себя в стремлении разума и в движении произвола – кто же столько возвышен и одарен таким благоразумием, чтобы по той и другой жизни избыть ему всякой скверны порока? Кто безгрешен оком? Кто невинен слухом? Кто чужд этого скотского наслаждения гортани? Кто чист от прикосновения ко греху осязанием? Кому неизвестна эта предлагаемая Писанием загадка: «Взыде смерть сквозе окна» (Иер.9:21)? Ибо чувства, посредством которых, сообщаясь с внешними предметами, душа по выбору занимается ими, Писание назвало окнами, которые, по слову же Писания, и пролагают путь для входа смерти. Действительно, многих смертей входом делается часто глаз: видит он раздраженного и сам возбуждается к той же страсти, или видит благоденствующего не по достоинству и воспламеняется завистью; или видит горделивого и впадает в ненависть; или видит какое-либо доброцветное вещество, красивое расположение лица и всецело поползается в вожделение нравящегося. И ухо отворяет окна смерти вместе с тем, что слышит, принимает в душу многие страсти: страх, печаль, раздражение, удовольствие, вожделение, неумеренный смех и тому подобное. А наслаждение вкуса, как скажет иной, есть мать всех по порядку зол. Ибо кому не известно, что корнем почти всех погрешностей в жизни служит заботливость о гортани? От нее зависят роскошь, пьянство, чревоугодие, беспорядочное поведение, многоядение, пресыщение, разгульная жизнь, скотское и неразумное падение в страсти бесчестия. Подобным образом чувство осязания составляет крайний предел всех согрешений; все, что ни делается для тела сластолюбцами, принадлежит к числу недугов осязательного ощущения, подробное описание которых было бы продолжительно; да и неприлично к предметам важным примешивать все то, что служит в укоризну

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org осязанию. А весь рой погрешностей души и произвола в состоянии ли и исчислить какое слово? Сказано: изнутри «исходят помышления злая» (Мф.15:19) – и присовокуплен список оскверняющего нас помыслом. Итак, если повсюду распростерты нам мрежи грехов всеми чувствилищами и сердечными движениями души, то «кто похвалится», как говорит Премудрость, «чисто имети сердце» (Притч.20:9)? «Кто чист от скверны?» – как о подобном этому свидетельствует Иов (Иов.14:4). А скверна для душевной чистоты есть удовольствие во многих видах и многими способами примешиваемое к человеческой жизни и душой и телом, помышлениями и чувствами, намеренными движениями и телесными действиями. Итак, у кого душа чиста от этой скверны? Кто не был поражен кичливостью? Кто не попран ногой гордыни? Кого не поколебала рука грешная? Чья нога не поспешала к пороку? Кого не оскверняло бесчинное око, не ввергал в нечистоту невежественный слух, не занимал собою вкус? У кого сердце оставалось бездейственным для суетных движений?

Поскольку в нас есть все это, и в живущих скотски весьма дурно и несносно, в более же внимательных к себе сноснее, но все, кто одного с нами естества, всегда непременно участвуют в погрешностях естества, то, припадая в молитве к Богу, просим поэтому оставить нам долги. Но не приемлетя таковой глас и не достигает Божественного слуха, если не вопиет вместе и наша совесть, что оказанное милостью делиться с другими – прекрасное дело. Ибо кто рассуждает, что человеколюбие прилично Богу (а если бы не признавал приличным, не стал бы просить у Бога неприличного и несообразного), от того справедливость требует, собственными своими делами подтвердить суждение о прекрасном деле, чтобы самому не услышать от праведного Судии: «Врачу исцелися сам». Меня умоляешь о человеколюбии, которым не делишься ты с ближними. Просишь об оставлении долгов – почему же сам мучишь должника? Умоляешь, чтобы рукописание на тебя было изглажено, а сам тщательно хранишь договоры с занявшими у тебя в долг? Просишь об уменьшении счета долгов, а сам данное в долг приращаешь лихвой? Твой должник в темнице, а ты в молитвенном доме. Он страдает за долги, а ты испрашиваешь оставление долга? Твоя молитва не услышана, потому что заглушает ее голос страждущего. Если разрешишь телесный долг, разрешены будут тебе душевные узы. Если простишь, прощено будет и тебе; сам будешь своим судьей, сам себе предпишешь закон, расположением к лежащему у ног твоих произнося свыше приговор себе".

Поэтому если намереваемся принести Богу моление о милости и прощении, то приуготовим дерзновение совести, представим жизнь свою ходатаицей за произносимую молитву, чтобы воистину можно было сказать: «Яко и мы» оставили «должником нашим».

Св. Кирилл Иерусалимский. «И остави нам долги наша...» Ибо много у нас грехов; падаем и словом и мыслью, и весьма много делаем достойного осуждения. Почему «аще речем, яко греха не имамы», то скажем, как говорить Иоанн (1Ин.1,8). «Якоже и мы оставляем...» И с Богом вступаем в договор, умоляя Его прощать нам грехи, как мы прощаем долги ближних. Поэтому, представляя в уме, взамен чего и что получаем, не станем ждать и медлить взаимным друг другу прощением. Поступки против нас сделанные малы, неважны, удобозаглаждаемы; а грехи, сделанные нами против Бога, велики и имеют нужду в человеколюбии, свойственном одному Богу. Посему будь осторожен и, по причине неважных и малых прегрешений против тебя, не загради для себя возможности получить от Бога прощение в самых тяжких грехах.

Св. Златоуст. Далее, – так как случается грешить и после купели возрождения, то Спаситель, желая и в этом случае показать Свое великое человеколюбие, повелевает нам приступать к человеколюбивому Богу с молением об оставлении грехов наших, и так говорить: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Видишь ли бездну милосердия Божия? После отъятия стольких зол, и после неизреченно великого дара оправдания, Он опять согрешающих удостоивает прощения. А что эта молитва принадлежит верным, – показывают как уставы Церкви, так и начало самой молитвы Господней. Непросвещенный верою не может Бога называть Отцом. Если же молитва Господня принадлежит верным, и если она повелевает им молиться об отпущении грехов, то явно, что и после крещения не уничтожается благодетельное употребление покаяния. Если бы Христос не хотел показать этого, то не заповедал бы и молиться таким образом. Когда же Он упоминает и о грехах, и повелевает просить их прощения, и научает, каким образом мы можем получить это прощение, и тем самым делает для нас легким путь к получению его, то, без сомнения, дал этот закон молитвы потому, что и сам совершенно знал, и нам желал внушить, что и после крещения можно омыть грехи. Напоминанием о грехах Он внушает нам смирение; повелением отпустить

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org

другим уничтожает в нас злопамятство; а обещанием за это и нам прощения утверждает в нас благие надежды и научает нас размышлять о неизреченном человеколюбии Божиим. Особенно же достойно замечания то, что Он в каждом вышесказанном прощении упомянул о всех добродетелях, а этим последним прощением еще объемлет и злопамятство. И то, что чрез нас святится имя Божие, есть несомненное доказательство совершенной жизни; и то, что совершается воля Его, показывает то же самое; и то, что мы называем Бога Отцом, есть признак непорочной жизни. Во всем этом уже заключается, что должно оставлять гнев на оскорбляющих нас; однако Спаситель этим не удовлетворился, но, желая показать, какое Он имеет попечение об искоренении между нами злопамятства, особо говорит об этом, и после молитвы припоминает не другую какую заповедь, а заповедь о прощении, говоря: «аще бо отпускаете человеку согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный» (Матф.6,14). Таким образом, это отпущение первоначально зависит от нас, и в нашей власти состоит суд произносимый о нас. Чтобы никто из неразумных, будучи осуждаем за великое или малое преступление, не имел права жаловаться на суд, Спаситель тебя, самого виновного, делает судиею над самим Собою, и как бы так говорит: какой ты сам произнесешь суд о себе, такой же суд и я произнесу о тебе; если простишь своему собрату, то и от Меня получишь то же благодеяние, – хотя это последнее на самом деле гораздо важнее первого. Ты прощаешь другого потому, что сам имеешь нужду в прощении, а Бог прощает, сам ни в чем не имея нужды; ты прощаешь сорабу, а Бог рабу; ты виновен в бесчисленных грехах, а Бог безгрешен. С другой стороны, Господь показывает свое человеколюбие тем, что хотя бы Он мог и без твоего дела простить тебе все грехи, но Он хочет и в этом благодействовать тебе, во всем доставляет тебе случаи и побуждения к кротости и человеколюбию; гонит из тебя зверство, угашает в тебе гнев и всячески хочет соединить тебя с твоими членами. Что ты скажешь на это? То ли, что ты несправедливо потерпел какое-нибудь от ближнего зло? Если так, то, конечно, ближний согрешил против тебя; а если ты претерпел по правде, то это не составляет греха в нем. Но и ты приступаешь к Богу с намерением получить прощение в подобных, и даже гораздо больших грехах. Притом еще прежде прощения мало ли получил ты, когда ты уже научен хранить в себе человеческую душу и наставлен кротости? Сверх того и великая награда предстоит тебе в будущем веке, потому что тогда не потребуется от тебя отчет ни в одном грехе твоём. Итак, какого будем достойны мы наказания, если и по получении таких прав оставим без внимания спасение наше? Будет ли Господь внимать нашим прошениям, когда мы сами не жалеем себя там, где все в нашей власти?

Он же. Словами: «Хлеб наш... даждь... днесь», научив нас высокому любомудрию (возвергать на Бога печаль свою, в уверенности, что Тот печется о нас), и зная, что невозможно, чтобы мы, как люди облеченные смертным телом, не падали, Господь научает еще говорить в молитве: «и остави нам долги наша...» Этими словами доставляются три блага вместе: достигших высоты добродетелей, Он научает смиренномудрие и увещевает не полагаться на свои подвиги, но бояться, трепетать и помнить о прежних грехах, как поступал и божественный Павел, который после бесчисленных подвигов говорил: «яко Христос Иисус прииде в мир грешники спасти, от них же первый есмь аз» (1Тим.1, 25). Не сказал: «я был», но «есмы», выражая, что он непрестанно вспоминал о грехах своих. Итак, достигшим высоты добродетелей Господь доставляет этими словами безопасность в смиренномудры; а падшим после благодати Святаго Крещения не попускает отчаиваться в своем спасении, но научает их просить у врача душ врачевства прощения. Кроме того, эти слова научают человеколюбие Он хочет, чтобы мы были кротки к виновным, незлопамятны к согрешающим против нас, прощением их приобретали прощение себе и сами предуготовляли себе меру человеколюбия. Ибо мы просим столько даровать нам, сколько сами даем ближним и испрашиваем себе такого же прощения, какое даем своим должникам.

Св. Кассиан. Изреченное Божие милосердие! Оно не только предало нам образ молитвы, не только изложило нам правила нравственности, чрез исполнение коих мы можем угодить Богу, и не только исторгает самые корни гнева и уныния силою предписанного образа непрестанной молитвы, но даже подает молящимся средство к снисканию себе милости и любви в День откровения Суда Божия и некоторым образом сообщает нам власть смягчить определение Судии нашего и как бы обязать Его к прощению наших согрешений примером собственного нашего прощения: «остави нам, – говорим Ему, – яко и мы оставляем». Итак, в надежде на эту молитву смело может просить отпущения грехов всякий, кто только отпустил своим должникам, но не должникам своего Господа. Ибо некоторые из нас (что всего хуже) бывают обыкновенно милостивы и весьма снисходительны к тем поступкам, кои оскорбляют Бога, хотя бы они

были великими преступлениями, и, напротив, являются жестокими и неумолимыми отмстителями за собственные малейшие оскорбления. Посему кто от всего сердца не отпустит согрешающему против него брату своему, тот сею молитвою будет испрашивать себе не помилование, а осуждение и сам собственным признанием призывает на себя строгий суд, говоря: «Остави мне, как и я оставил». Ибо если эта молитва его будет услышана, то, в соответствии примеру его, что иное должно последовать, как не гнев неумолимый и неперенное определение наказания. Итак, если мы хотим быть судимы милостиво, то и сами должны быть милостивы к тем, кои против нас согрешили; ибо столько отпустится нам, сколько мы отпустим тем, кои причинили нам какой-либо вред своею злостию. Некоторые, страшась того, чтобы не показать, что произнесением этих слов молитвы они более обвиняют себя, нежели извиняют, молча пропускают их, тогда как весь народ поет оные в церкви. Но напрасно стараются употреблять эти хитрости пред Судиею всех, Который восхотел наперед показать своим подсудимым, как Он будет судить их, то есть Он показал нам такой образ суда, по коему не хочет явиться строгим и неумолимым, но как мы хотим от Него быть судимы, так должны судить и братии наших, если они в чем-либо согрешат против нас: «ибо суд без милости будет не сотворшему милости» (ср.: Иак.2, 13).

Блаж. Августин. Долгами, очевидно, здесь называются грехи, как и в другой раз, когда возвестили о галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами и об восемнадцати побитых падшим столпом Силоамским, Господь сказал: «мните ли, яко тии должнейши бяху, паче всех живущих в Иерусалиме?» и потом прибавил: «аще не покаетесь, вси такожде погибните» (Лк.13, 1-5). Итак здесь не деньги оставлять должникам понуждаемся, а то, чем согрешили против нас другие. Деньги оставлять повелевает нам заповедь, положенная выше: «хотящему судитися с тобою и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу» (Мф.5,40). Но и здесь не поставляется в необходимость всякому денежному должнику оставлять долг, а тому, который не хочет отдавать с таким нехотением, что даже готов тягаться: «рабу же Господню не подобаешь сваритися», как говорить Апостол (2Тим.2,24). Итак, когда кто, ни самоохотно, ни по убежденно, не хочет отдать должных денег, тому надо оставлять их. Ибо если не хочет он отдать, то делает это по двум причинам, или потому что не имеет, или потому, что скуп и жаден до чужого. Но то и другое обличает скудость: первое – житейскую, а второе душевную. Почему кто отпустит такому долгу, отпустит неимущему и сделает христианское дело. Впрочем если кто, держа на сердце готовность оставить то, чем ему кто должен, кротостью и дружелюбием так подействует на своего должника, что тот отдаст ему долг, – не столько о возвращении денег заботясь, сколько о том, чтоб исправить этого человека, для которого, конечно, пагубно иметь из чего отдать и не отдать; то он не только не погрешит, но еще сделает дело полезное, чтобы тот, присвоив себе чужие деньги, не потерпел вреда душевного, с которым ни какой другой не может идти в сравнение. Из сего можно однако ж заключить, что и в этом пятом прощении, хотя не о деньгах прямо говорится, а о всем том, чем кто погрешает против нас, но под этим можно разуметь и денежный долг. Ибо тот, кто не отдаст тебе должных денег, когда имеет из чего отдать, погрешает против тебя. И если ты не отпустишь этого греха, то не можешь говорить: «остави нам, якоже и мы оставляем».

Он же. Просим отпустить нам долги; потому что все мы должники пред Богом, не деньгами, а грехами. Скажешь, может быть: и вы? – Отвечаю: и мы. И вы, святые епископы, должники? Да – и мы должники. Ужели и вы? Быть не может, Владыко мой; не говори на себя неправду. Не неправду на себя говорю, а говорю истину: должники мы. И «аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас» (1Ин.8,8). И крещены мы, и должники. Не потому, чтоб оставалось что либо за нами, что не было бы отпущено в крещении; но потому, что, живя, набираемся того, что имеет нужду в каждодневном отпущении. Которые, только что окрестившись, отходят (из сей жизни), те без всякого долга восходят (горе) и проходят (в небесные обители). А которые, окрестившись, остаются жить в сей жизни, те, по немощи нравственной, набирают в себя много такого, что хотя не причиняет крушения (кораблю жизни), должно однако ж быть очищено (выкачиваемо). Ибо если не очищать (не выкачивать), то мало помалу внутрь столько найдет, что весь корабль погрузится. Молиться показанным образом и значит – очищать себя (выкачивать из себя напльвшее). И если б не дано было нам так очищать себя каждодневно святою молитвою, то мы поставлены были бы в большую крайность, несмотря на то, что в бане пакибытия омыты все грехи наши. Но се благодарение Господу! Милостыни и молитвы очищают грехи наши, только б не были учинены такие, за которые следует лишить нас хлеба насущного (св. причащения), – только б избегали мы таких, которые подвергают строгому

Никто из вас да не почитает себя праведным, который не имел бы нужды говорить: «остави нам долги наша». Пусть далеки вы от идолопоклонства, от звездочетства, от волхвований; пусть непричастны еретичества и раскола; пусть отвращаетесь от человекоубийства, блуда, хищничества лжесвидетельства и всяких подобных непотребств; но и кроме этого есть многое, чем человек грешит. Воззревая с вождением на недолжное, он грешит. Но кто удержит быстродвижность ока?—Глаз впрочем тотчас закрыть можешь, если захочешь; а ухо и закрыть не всегда можешь, и оно набирается против воли речей срамных, нечистых, соблазнительных, злословных и хульных. Слыша женоподобное, не грешить ли ухом, хоть и не делаешь того делом? И язык сколько учиняет грехов, нередки и таких, за которые следует удалять от чаши? Празднословие, пересуды, злословие, хулы— его дело. Но пусть рука не делает ничего худого, нога не течет на зло, око не направляется вождением, ухо не приемлет непотребного, язык не говорит недолжного: кто удержит помыслы, скажи мне? Не бывает ли часто, братья мои, что когда молимся, мыслями блуждаем не зная где, забыв пред кем стоим и пред кем простершись лежим долу? —Если все подобное собрать вместе, ужели это не должно тяготить совести, хотя каждое отдельно есть малость? Какая разность—свинец ли давит тебя или песок?—Свинец массою давит, а песчинки количеством. Каждая ничтожна, а когда много их соберется, они также давить могут, как и свинец.—Малы грехи! — Не видишь, как из капель составляются реки? Малы, да многочисленны.

Итак будем всегда взывать и взывать искренно: «остави нам долги наша», делом исполняя и то, что далее следует: «якоже и мы оставляем должником нашим». Бог благоволит вступить с нами в уговор. Сие глаголет тебе Господь Бог Твой: «отпусти, и отпущу. Не отпустил ты: сам против себя идешь, а не Я»—Итак, отпускайте все, что ни имеет кто в сердце своем против другого. Отпусти от сердца,—будь уверен, что вместе с тем прощайся тебе все грехи твои, словом, делом и помышлением совершенные. Кто поживет на земли сей и не поимеет врага? Но напрягитесь любить их. Самый ярый враг твой не может причинить тебе такого зла, какое сам ты себе причиняешь, если не любишь врага. Он может вред нанести или полям твоим, или скоту твоему, или дому твоему, или рабу твоему, или рабе твоей, или сыну твоему, или супруге твоей, или—самое большое, если дана будет ему власть, — плоти твоей. Настолько ли все это разрушительно, насколько то, когда ты (не прощая ему) вред причиняешь душе своей? Простритесь же, возлюбленные, к такому совершенству, умоляю вас. И не думайте, чтоб это было невозможно: я знаю, знал, на самом деле видел христиан, которые любят врагов своих. Чтоб и нам успеть в этом, веруйте, что это возможно, и молитесь, да будет в вас и в сем отношении воля Божия.—Что тебя раздражает во враге твоем? Конечно не природа человеческая. Ужели потому имеешь его врагом, что он имеет душу и тело?—Ибо и у тебя то же: ты имеешь душу, и он имеет душу, ты имеешь тело, и он имеет тело. Он соестественник тебе: оба из земли сотворены и от Господа одушевлены. Он то же что и ты: усмотри же в нем брата своего. Первые двое—Адам и Ева, были родители наши: он отец, она мать. Стало быть, мы братья. Но оставим это первоначалие наше; Бог —Отец наш, церковь—мать. Стало,—мы братья. Да враг мой—язычник, иудей, еретик, говоришь ты. Но молись, и он станет тем же, чем ты, и вместе со всем другим исчезнет и вражество ваше.

А вы все говорите: кто это может? Кто так делает?—Бог да совершит сие в сердцах ваших.— И я знаю, что немногие так делают: но которые делают, те велики, те истинно духовны. Ужели таковы все верные в церкви ко алтарю приступающее, и Тело и Кровь Христовы приемлющие? Ужели таковы все?—И однако же все говорят: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Бог праведно скажет им, что просите вы, чтоб Я сделал то, что обещал, когда сами не исполняете того, что Я заповедал? Что Я обещал?—Отпустить долги ваши. Что заповедал?— Чтоб и вы отпускали должникам своим. Но как можно сказать, что вы это исполняете, когда не любите врагов ваших?—Что же нам делать, братие? До какой малости сокращается стадо Христово? Если одни те должны говорить: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим», которые любят врагов; то и не знаю, что делать, не знаю, что сказать. Сказал бы вам: если не любите врагов ваших, то и не молитесь. Но не смею, а паче говорю: молитесь, чтоб полюбить. Не сказать ли вам: если не любите врагов ваших, то не говорите в молитве Господней этого прошения: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим»?—Но если не будете этого говорить, грехи ваши на вас будут. И выходит: если не будете говорить, не отпустятся, если будете говорить и не делать, тоже не отпустятся. Остается одно: и говорить и делать, чтоб отпущены были.

«Отпущайте и отпустят вам», сказал Христос Господь (Лк. 6, 38). И вы что говорите в молитве?— «Остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Так оставь, Господи, как мы оставляем. Это говорите: так оставь нам, Отче, иже еси на небесех, долги наша, как и мы оставляем должникам нашим?—Это и делать должны вы; и если не будете делать, погибнете. Когда враг просит прощения, тотчас отпусти ему. И этого будто много для вас?— Много было бы любить врага, когда он злобствует и злодействует. Но ужели много для тебя—любить человека, обращающегося к тебе с смиренною мольбою? Но я желал бы, чтоб ты и тогда (когда он злобствовал) благорасположенно смотрел на него; желал бы, чтобы, перенося его злобу, ты вспоминал Господа, рекшего: «Отче, отпусти им, не ведают бо, что творят» (Лк.23, 24). Этого наипаче желал бы я,—чтоб и в то время, когда враг злокознствует против тебя, ты воззревал на Господа Бога Твоего, изрекшего такие слова. Может быть скажешь: Он сделал так, как Господь, как Христос, как Сын Божий, Единородный, как Слово, плоть бывшее; мне же, человеку худому и немощному, куда так?—Если много для тебя подражать Господу Твоему, приведи на мысль сораба своего. Св. Стефан был побиваем камнями, и под ударами камней, преклонив колена, молился говоря: «Господи, не постави им греха сего» (Деян.7, 60). Те камни пускали в него, не прощения просили; а он молился о них. Таковым быть желаю тебе. Поднимись немного. Что всегда долу— по земле влачишь сердце свое? слышишь: «горе имеем сердца»? Поднимись же, полюби врага. Если не можешь любить, когда он злобствует, полюби по крайней мере, когда просит прощения. Люби человека, который говорит: братъ, согрешил я, прости мне. Если в это время не простишь, то не говорю, что молитву изглаждаешь ты из сердца своего;—но что себя изглаждаешь ты из книги живота.

Итак, когда просит прощения враг, отпусти ему,— отпусти неприязнь к нему из сердца: неприязнь, говорю, отпусти из сердца, а не одно взыскание долга.— Скажешь, может быть: он притворяется, обманывает.— О, судия сердца чужого! Скажи мне помышления отца твоего, скажи твои собственные вчерашние помышления. Умоляет, просит прощения; отпусти, совсем отпусти. Если не отпустишь, не ему повредишь, а себе. Не отпустишь ты сораб сорабу своему; так он пойдет к Господу—своему и твоему—и скажет Ему: Владыко мой! просил я сораба своего, чтоб он отпустил мне; не хотел отпустить. Ты отпусти!— И Он всеконечно отпустит, таким образом тот отойдет от Господа своего разрешенным, а ты останешься связанным. Как связанным? Придет время молитвы, наступит минута, когда ты скажешь: «остави нам долги наша, тоже и мы оставляем должником нашим»: и Господь ответит тебе: «рабе лукавый, весь долг он отпустих тебе, понеже умолил мя еси: не подобаше ли и тебе помиловать клеветра твоего, якоже и аз тя помиловах» (Мф.18,32-33). Из Евангелия эти слова, а не из моего сердца. Но если ты, умолен будучи, простишь просящему прощения; то смело уже можешь говорить молитву ту. Хоть ты не силен еще любить врага своего; но молитву ту можешь говорить: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим».

Он же. «Остави нам долги наша», говорим мы, и будем говорить: ибо говорим правду. Кто из живущих во плоти сей, не имеет долгов? Кто из людей так живет, чтоб ему не нужна была молитва эта? Надмиться так он может; но в правду быть таким не может.—Добрее нам есть подражать мытарю, а не надмеваться, как фарисей, который, вошедши в храм, хвастался своими заслугами, а раны прикрывал. Но тот лучше знал, зачем вошел в храм, кто говорил: «Боже, милостив» буди мне грешному» (Лк.18,10-18).— Рассудите, братья мои. Так молиться научил Господь Иисус учеников Своих,—тех великих первых Апостолов Своих, предводителей наших. Если же предводители наши молятся об отпущении грехов своих, не тем ли паче должно это делать нам?—И в Символе Веры, между другими благами домостроительства спасения, вы именуете и оставление грехов (через св. крещение). Отпущение грехов одно есть такое, которое единожды дается, другое же такое, которое дается каждодневно. То, единожды даемое, дается во св. Крещении, а это, каждодневное, испрашивается в молитве Господней, пока живем здесь. Почему и говорим: «остави нам долги наша».

Бог вступил с нами в завет и договор, скрепив его крепким рукописанием, когда научил нас говорить в молитве: «якоже и мы оставляем должником нашим». Кто хочет иметь действительными слова: «остави нам долги наша», пусть делает, чтоб истинны были слова: «якоже и мы оставляем» должником нашим». Но если он эти последние слова или не говорит, или говорит лживо; то всеу говорит и первые. Почему я и внушаю вам непрестанно: отпусайте все, что имеете в сердцах своих на кого-либо; отпусайте там, где видит Бог. Бывает,

что иной отпускает устами, а сердцем удерживает: отпускает устами людей ради, а сердцем удерживает, не боясь очей Божиих. Отпустите всецело. Что ни удерживали вы доселе, все отпустите теперь. Не надлежало никогда солнцу заходить во гнев ваш; а сколько раз заходило оно таким образом? Не думайте, что гнев—ничто. «Смятется, — говорит пророк, от ярости око мое» (Пс.6,8). Но у кого око смущено, тот не может видеть солнца: не может видеть умного Солнца и тот, у кого смущено гневом око ума. Что есть гнев? Жажда мести. Грешный человек жаждет отмщения,—тогда как Христос Господь не был отмщен, и св. мученики не были отмщаемы! Еще ожидает Божие долготерпение, да обратятся враги Христовы, да обратятся враги мучеников. Мы же кто тате, что ищем отмщения?—Если б Бог восхотел взыскать его от нас, куда бы нам даваться? Но и Он, ни в чем неповинный, не ищет отмщения; а мы во всем виновные, и повседневно Бога оскорбляющие, ищем его. Итак, отпускайте, отпускайте от сердца. Разгневался ты, не согрешай, как учит Пророк: «гневайтесь и несогрешайте» (Пс.4,5). Гневаетесь вы, яко человеки, быв побеждаемы раздражением; но не согрешайте, удерживая в себе гнев. Если удержите, дойдете до ненависти, которая есть застарелый гнев. Гнев, когда делается застарелым, называется ненавистью, и есть. Что было гневом, когда было ново, стало ненавистью, когда застарело. Гнев—спица; а ненависть—бревно. Если мы, осуждая гневающегося, сами держим на сердце ненависть; то к нам приложимы слова Господа: «что видиши сучец, иже во оце брата твоего, бревна же, еже есть во оце твоем, нечуеши?» (Мф.7,3) От чего спица выросла до того, что стала бревном? От того, что не тотчас была исторгнута. Попустив солнцу столько раз восходить и заходить в гнев твоем, ты сделал его застарелым. Набрав к гневу множество лукавых подозрений, ты полил спицу, поливши напиток; напитавши возрастил и сделал ее бревном. Устрашись по крайней мере следующего приговора: «всяк ненавидящий брата человекоубийца есть» (1Ин.3,15). Пусть не извлекал ты меча, не наносил ударов, не делал ран на теле брата; но коль скоро есть помысл ненависти в сердце твоем, ради его одного ты считаешься человекоубийцею. Настолько ты виновен пред Богом. Брат и жив; а ты все же убийца. Ты уже убил в себе того, кого возненавидел. Исправься же, очисти себя. Если в дом к вам заберутся скорпионы, сколько трудитесь вы, чтоб очистить от них жилище свое, и жить в чувстве безопасности? — На сколько лиц вы разгневываете, и оставляете гневны сии застаревать в сердцах своих; столько у вас бывает ненавистей, столько и скорпионов и змей. Чего же ради не стараетесь вы очистить от сего дома Божия, сердца своего? Поступайте же так, как говорите: «якоже и мы оставляем должником нашим»,— чтоб с уверенностью говорить и: «остави нам долги наша». Без долгов нельзя нам прожить на земле. Но иные из них суть те великие прегрешения, которые омываются крещением, и которых вы всегда должны быть чужды; а иные—повседневные грехи, без которых человек прожить не может, и ради которых необходимо это каждодневное прошение с приложенным к нему условием.

Св. Максим Исповедник. В Боге живущем и Им, яко хлебом насущным, питающийся, Божеским преисполняется долготерпением. ...Он предстает перед Богом примером добродетели и, если так можно сказать, призывает неподражаемого подражать себе, говоря: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим», он молит Бога быть таким, каким он сам был в отношении к ближним. Ибо если он желает, чтобы и Бог простил ему так же, как он сам простил долги согрешившим против него, что как Бог бесстрастно прощает тех, кого прощает, так и он прощает согрешивших, оставаясь бесстрастным к тому, что случается с ним, а поэтому не допускает, чтобы ум (его) был запечатлен воспоминаниями о прежних скорбях, являя себя человеком, не отделяющимся от других людей и не расчленяющим (единое) естество (человеческое). Ибо, когда воля подобным образом соединяется с логосом природы, тогда обыкновенно и происходит примирение Бога с (человеческим) естеством, поскольку невозможно иначе естеству, добровольно бунтующему против самого себя, принять неизреченное снисхождение Божества. И, конечно, Господь желает нашего примирения друг с другом не для того, чтобы научиться у нас примиряться с согрешившими и согласиться на возмещение многих и ужасных обид, но Он для того желает этого, чтобы очистить нас от страстей и показать, что душевное состояние тесно связано с благодатью. И ясно, что когда воля соединилась с логосом природы, то свободное произволение людей, исполняющих это, уже не будет бунтовать против Бога.

Блаж. Феофилакт. Поелику мы грешим и после крещения, то Господь повелевает молиться, да оставит Он нам грехи наши,—оставит так, как и мы оставляем другим. Ибо если мы злопамятствуем, Он не оставляет нам. Бог поставляет нас как бы в пример Себе; так что как мы поступаем с другими, так и Он

Симеон Солунский. В этом весь смысл и вся сила божественного Евангелия. Ибо для того, чтобы оставлены были нам беззакония наши и грехи, Бог— Слово снизошел на землю и, воплотившись, кровь Свою излил. Для оставления грехов учреждены Им божественные таинства. Все Сам сделал Он для сего; и от нас требует только одного, чтоб и мы простили другим. Почему законоположил: «отпускайте и отпустят вам» (Лк.6, 37). И Петру, вопрошавшему, сколько раз в день прощать согрешающему,—прощать ли до семи раз, сказал, что надо оставлять семьдесят раз седмицею,—вместо— непрестанно. Таким образом решителем успеха молитвы поставил Он самого молящегося: так что если он прощал, и ему прощено будет; если сам отпускал, и ему отпущено будет, и как сам отпускал, так и ему отпущено будет. Сделанное брату возводится к Сотворшему нас: ибо в нем—образ Божий. А между собою все мы равны естеством, все равно рабы Богу. Пред Ним все согрешаем много, и друг пред другом согрешаем не много. Но оставляя сие немногое, множайшее получаем, когда, прощая людям, сподобляемся прощения от Бога

Святитель Тихон. «И остави нам долги наша». Долги здесь понимаются грехи—слова, дела и помышления, закону Божию противные. Потому святой Лука в своем Евангелии написал: «остави нам грехи наша» (Лк.11,4). Называются же грехи долгами потому, что как в гражданской жизни бывает, что долги обязывают должника к отдаче заимодавцу, и если должник не отдает долгов, то его за долги заключают в темницу и держат, пока не отдаст долгов, так и грехи обязывают нас к удовлетворению правды Божией (ибо всякий грех бывает против правды Божией), а когда не имеем чем удовлетворить, то заключают нас в вечную темницу. Этих долгов сами заплатить не можем, потому прибегаем к Христовым заслугам и милосердию Божию, чтобы их нам даром оставил, и просим Его об этом: «остави нам долги наша». Когда просим: «остави нам долги наша», то через это показывается, что мы не только за себя, но и друг за друга молимся и друг другу отпущения грехов должны просить. Этим словом: «остави нам долги наша», —ясно показывается, что и сами святые согрешают, и потому должны просить себе отпущения грехов, как написано: «За то», то есть за оставление грехов, «помолитися Тебе всякий преподобный во время благопотребное» (Пс.31,6). Так как это молитва святых, ибо кто Бога Отцом истинно и от сердца называет, тому надобно быть святым чадом Божиим, и иметь Духа Божиего, живущего в себе, о котором вопиют верные: «Авва Отче!»(Галл. 4,6). Грехи здесь понимаются не те, которые по произволению и обдуманно бывают, как-то: блуд, воровство, хищение, злоба, лукавство, лесть и прочее, — от этих грехов святые удаляются, — но понимаются немощи, от которых по слабости своей уберечься не могут, хотя и стараются о том. Об этих грехах молятся святые: «Отче! остави нам долги наша».

Говорится: «якоже и мы оставляем должником нашим». Этим словом научаемся, чтобы мы и сами оставляли грехи ближним нашим, когда у Бога просим и получаем оставление грехов. Он нам по милосердию прощает грехи — и мы должны, подражая Ему, по милосердию прощать грехи братии нашей. Когда оставляем грехи братии нашей, оставляет и Бог нам грехи наши. Не оставляем мы — не оставляет и нам Бог, как Христос говорит: «Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф.6,14-15),

Кто из грешников, которые в грехах пребывают и не оставляют их, хочет молиться и просить у Бога оставления грехов, тому должно прежде самому оставить свои грехи, а оставив, просить Бога, чтобы благодатью Своей оставил их, и избавил его от казни, которой за грехи предают грешника. Ибо и Бог нам не оставляет грехов, когда мы сами их не оставляем. А когда нам грехи не оставляются, то последует не что иное, как казнь за грехи. Так случается с должником, которому заимодавец долг не оставляет, ибо заключает его в темницу и держит до тех пор, пока не отдаст свой долг. Так и грешник, которому грехи не оставляются, заключится судом Божиим в вечную темницу, и будет правде Божией за греховные долги платить казнь, но никогда не заплатит. За то, что прогневал и оскорбил Вечного и Бесконечного Бога, праведно воздается вечное и бесконечное наказание. Ибо правда Божия того требует, чтобы непокаявшийся грешник принял достойное наказание. Но за разорение вечного закона Божия и тем самым оскорбление бесконечного величества Божия ничем иным удовлетворить невозможно, как вечной казнью и страданием. Что кающимся, перестающим грешить, сожалеющим о грехах и просящим отпущения, грехи Богом оставляются, то делает Бог от одного Своего милосердия и ради заслуг Христовых, ради которых в слове Своем обещал всем

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org
кающимся и верующим во Христа подать отпущение грехов, как это милосердие
Божие изображается в псалме 102: «Благослови, душа моя, Господа».

Но желающему каяться и ради страданий и смерти Христовой получить отпущение грехов непременно должно оставить свои грехи. Ибо где нет оставления грехов, там нет и истинного покаяния. Где нет истинного покаяния, там и заслуги Христовы не имеют места. Где заслуги Христовы места не имеют, там нет отпущения грехов. Где нет отпущения грехов, там следует осуждение и в аду вечное страдание за грехи. И так грешник, когда не будут оставлены ему грехи (не будут же оставлены ему, так как сам их оставить не хочет), как должник за долги, за все те грехи, которыми перед Богом согрешил, будет истязай, и поскольку не имеет чем искупиться, будет вечною смертью платить. И так, надобно желающему каяться и спастись от грехов отстать, и прибегнуть к милосердию Божию, исповедать себя со смирением и сожалением виноватым пред Богом, прощения просить ради пролитой Крови Христовой, которая пролита за каждого грешника, и всякий грех очищает. Надобно с блудным сыном оставить чужую незаконную страну, и возвратиться к Отцу с сожалением и самоуничижением, повергнуть себя, как недостойного, перед Его милосердными очами и признать: «Отче! Я согрешил против неба и пред Тобю и уже недостойн называться сыном Твоим; прими меня в число наемников Твоих» (Лк.15,18-19). Помилуй меня благодатью и человеколюбием Единородного Сына Твоего, который как за всех, так и за меня, грешного, Кровь Свою пролил и умер. Ради Его неповинного страдания и смерти, прости мне, повинному, и оставь долги мои. Так, обратившемуся, и со смирением и сожалением исповедующему свои грехи, и просящему милости, без сомнения, Отец Небесный оставит все его долги, не по каким-то его заслугам, но по одной благодати. Ибо сама Кровь Сына Божиего, пролитая ради грешника, вопиет, да все долги ему будут оставлены и уже более не вспомнятся. Узнает на себе такой грешник милость Отца Небесного, как возвратившийся блудный сын узнал на себе милость премилостивого своего отца. Увидит Отец Небесный такого грешника, пришедшего к Нему, и воззрит на него милосердными Своими очами, и сжалится над ним. Не услышит от Отца выговора за своеволие, удаление и развращенную жизнь, а услышит один глас Премилостивого Отца: «Принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! Ибо этот сын Мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк 15:22-24). И так, – по слову Христову, – «на небесах радость будет об одном грешнике кающемся» (Лк.15,7).

Но грешнику, получившему такую великую милость от Бога, должно и самому являть милость своему ближнему и прощать ему согрешения, чтобы не узнать на себе того, что узнал евангельский должник, задолжавший своему царю десять тысяч талантов, который, получив милость от своего царя, не захотел помиловать товарища своего, и, освободившись от великого долга по одной только милости своего царя, не захотел оставить малого долга своему брату, – и потому попал под гнев царя и долг свой тяжкий снова получил, но еще с выговором: «Злой раб! Весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?» И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. Так, – заканчивает притчу Христос, – и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его» (Мф.18:32-35).

Шестое прошение «И не введи нас во искушение»

Тертуллиан. К пополнению столь спасительной молитвы («остави нам») прибавил Господь: «не введи нас во искушение», научая нас не о том только молиться, чтоб оставлены были нам грехи наши, но и о том, чтоб они совсем предотвращены были. «Не введи нас во искушение» значит – не попусти нам быть введенными в искушение тем, кто искушает. Да не будет нам думать, будто Бог искушает, – ни в том смысле, чтоб узнать веру нашу, как бы не знал ее, ни тем паче в том, чтоб порадоваться нашему падению: неведение и злоба суть принадлежности диавола. Бог повелел Аврааму принести в жертву сына не для узнания его веры, а для показания ее, чтоб в нем дать нам образец повиновения повелению Божию, как только оно получено, не ставя дорожку Бога самых кровных своих. Господь, попустив быть Себе искушаему от диавола, указал тем, кто председатель и художник всякого искушения. Это подтвердил Он и когда после сказал: «молитесь, да не внидите в напасть» (Лк.22,40). Они уже были искушены, потому что оставили Господа (одного молиться), возжелав паче ее (напасти), чем молитвы. Сему соответствует и заключение молитвы: «но избави нас от лукавого», истолковывая, кто есть вводящий во

Св. Киприан. Далее Господь дает нам как необходимое наставление говорить в молитве: «и не введи нас во искушение». Этим показывается, что враг не имеет никакой власти над нами, если не будет на то предварительно допущения Божия. Потому-то весь наш страх, все благоговение и внимание должны быть обращены к Богу, так как лукавый не может искушать нас, если не дастся ему власти свыше. Доказательством служат слова Божественного Писания: «прииде Навуходоносор царь Вавилонский на Иерусалим и воеваше на ны, и даде Господь в руце его» (Дан.1,1-2). Дается же лукавому власть над нами по грехам нашим, как говорится в Писании: «кто даде на разграбление Иакова, и Израиля пленяющим его? не Бог ли, Емуже согрешаши и восхотеша в путех Его ходити, ни слушати закона Его? И наведе на ны гнев ярости Своея» (Ис.42, 24-25). Также о Соломоне, когда он предался и уклонился от заповедей и путей Господних, сказано: «и воздвиге Господь противника Соломону» (3Цар.11, 23). Впрочем, власть над нами дается с двойной целью: или для наказания, когда мы грешим, или для славы, когда испытываемся, как это сделано было относительно Иова, по ясному указанию Бога, говорящего: «се вся, елика суть ему, даю в руку твою, но самого да не коснешися» (Иов.1,12). Также и Господь во время страдания говорит в Своем Евангелии: «не имаша власти ни единыя на Мне, аще не бы ти дано свыше» (Ин.19,11). Между тем, когда мы просим, да не подвергнемся искушению, то таким прошением приводимся к сознанию слабости нашей и немощи с тем, чтобы никто не высокоумствовал о себе, чтобы никто с гордостью и надменностью не присваивал ничего себе и не приписывал себе славы исповедания или страдания тогда, как сам Господь, поучая смирению, сказал: «бдите и молитесь, да не внидете в напасть: дух убо бодр, плоть же немощна» (Мк.14,38). Так необходимо предварительно смиренное и покорное сознание и предоставление всего Богу, дабы то, что смиренно испрашивается у Него со страхом Божиим и почитанием, даровано было Его благостью.

Св. Кирилл Иерусалимский. «И не введи нас во искушение», Господи. Ужели Господь научает нас молиться о том, чтобы вовсе не быть искушаемыми? Как же сказано в другом месте: «Иже неискусися, мало весть» (Сир.34,10),—и еще: «всяку радость имейте, братья моя, егда во искушения впадаете различна» (Иак.1, 2) – Но, может быть, войти в искушение значить погрязнуть в искушении? Ибо искушение как бы подобно некоему потоку, чрез который трудно перейти. Посему одни, непогрязая в искушениях, минуют их, как бы сделавшись некими искусными пловцами, и ни мало не увлекаясь ими. А другие не таковы, – входят и погрязают. Как, например, Иуда, вошедши в искушение сребролюбия, не переплыл пучины, но прогряз и погиб телесно и духовно. Петр же вошел в искушение отречения, но, вошедши не погряз, а мужественно переплыл пучину, избавился от искушения. Послушай еще, как в другом месте лик дошедших до совершенства святых благодарит за избавление от искушения: «искусил ны еси, Боже, разжегл ны еси, яко же разжизается сребро. Ввел ны еси в сеть: положил еси скорби на хребте нашем. Возвел еси человеки на главы наша: проидохом сквозь огонь и воду, и извел еси ны в покой» (Пс.65,10-12). Видишь, с каким дерзновением говорят, что прешли искушения и не изнемогли. Сказано: «и извел еси ны в покой». Войти же в покой значит избавиться от искушения.

Св. Григорий Нисский. «Не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго» (Мф.16:13). Какая, братия, сила сказанного? Господь, кажется мне, многообразно и различно именуется злого по разности лукавых сил, называя его многими именами: диаволом (Мф.13:39), веельзевулом (Мф.10:25), мамоной (Мф.6:24), князем мира (Ин.14:30), человекоубийцей (Ин.8:44), лукавым, отцом лжи (Ин.8:44) и другими подобными именами. Поэтому, может быть, одно из разумеемых о нем имен есть и это: искушение. И такую нашу догадку подтверждает словосочинение в сказанном, ибо Господь после слов: «Не введи нас во искушение», присовокупляет прошение об избавлении от лукаваго, как будто тем и другим означает один и тот же. Если кто не входит «во искушение», тот непременно вне власти лукаваго, и кто «в искушении», тот необходимо бывает во власти лукаваго, следовательно, «искушение» и лукавый по значению одно и то же. Что же внушает нам такое учение молитвы? Стать вне усматриваемого в мире этом, как говорит ученикам в другом месте, что «мир весь во зле лежит» (1Ин.5:19). Поэтому, кто желает стать вне власти лукаваго, тот по необходимости переселяется из мира. Ибо «искушение» не имеет возможности коснуться души, если мирскую эту заботу, подобно какой-то приманке наживив на коварную удочку, не прострет к жадным. Но гораздо более ясной для нас делается мысль эта из других примеров. Море нередко бывает страшно своими волнениями, но не для тех, которые живут от него вдали.

Огонь истребительен, но только для подложенного в огонь вещества. Война ужасна, но для одних вступивших в воинские ряды. Кто избегает бедствий, какие постигают на войне, тот молится, чтобы не впасть в необходимость воевать. Кто боится огня, тот молится, чтобы не быть ему в огне. Кто трепещет моря, тот молится, чтобы не было ему нужды пуститься в мореплавание. Так и тот, кто страшится приражений лукавого, пусть молится, чтобы не быть ему во власти лукавого. А поскольку, как сказали мы прежде, по слову Писания, «мир во зле лежит» и в мирских делах заключаются поводы к «искушениям», то молящийся об избавлении от лукавого хорошо и надлежащим поступает образом, когда просит, чтобы не прийти ему «во искушение». Ибо, не повлекши с жадностью приманку, невозможно кому-либо поглотить крючок на удочке.

Св. Златоуст. «И не введи нас во искушение». Здесь Спаситель явно показывает наше ничтожество и низлагает гордость, научая нас не отказываться от подвигов и произвольно не спешить к ним; таким образом и для нас победа будет блистательнее, и для дьявола поражение чувствительнее. Как скоро мы вовлечены в борьбу, то должны стоять мужественно; а если нет вызова к ней, то должны спокойно ожидать времени подвигов, чтобы показать себя и нетщеславными, и мужественными.

Он же. «Не введи нас во искушение». Подлинно много скорбей причиняется нам от дьявола, много и от людей, или явно оскорбляющих, или тайно злоумышляющих. И тело, иногда восставая на душу, наносит тяжкий вред; а иногда подвергаясь различным болезням, причиняет нам скорби и страдания. Посему так как многие и различные бедствия нападают на нас со многих сторон, то мы научены испрашивать у Бога всех избавления от них. Ибо при его запрещении прекращается всякое смятение, буря превращается в тишину и пристыженный лукавый удаляется; как некогда, оставив людей, он удалился в свиней, даже не осмелившись сделать и это без приказания (Мф.8,31). А кто не имеет власти даже над свиньями, тот как может овладеть людьми, охраняемыми Богом?

Св. Кассиан. При сем рождается немаловажный вопрос. Если мы молимся, чтобы мы не подвергались искушению, то как можем доказать твердость своей добродетели, коей требует Священное Писание? «Иже не искусися, – говорит оно, – мало вестъ» (Сир.34, 10). И еще: «блажен муж, иже претерпит искушение» (Иак.1, 12). Итак, слова молитвы: «не введи нас во искушение» – не то значат, что «не попусти нам когда-либо искуситься», но «не допусти нам быть побежденными в искушении». Искушаем был Иов, но не введен в искушение, ибо «не даде безумия Богу» (Иов.1,22) – и не осквернил уст богохулением, к чему хотел привлечь его искуситель. Искушаем был Авраам, искушаем был Иосиф, но ни тот, ни другой из них не введен был в искушение, ибо ни один не исполнил воли искусителя.

Блаж. Августин. Не Сам Бог вводит в искушение, но попускает быть введенным в него тому, кого лишает Своей помощи, по сокровеннейшим намерениям Своим, потому что он того заслуживает. Иного впрочем и по явным причинам считает Бог достойным Своего оставления и попускает введенным быть ему в искушение. Но иное есть – введенным быть в искушение, и иное – быть искушенным. Без искушения никто не может сделаться испытанным ни сам себе, как написано: «иже не искусися, мало вестъ» (Сир.34,10) ни другому как Апостол говорить: «и искушенья моего, еже во плоти моей не уничижите» (Гал.4,14): ибо из сего Апостол познал, сколь они тверды, когда теми искушениями, какие случались с ним по плоти, они не были отторгнуты от любви к нему. Богу же мы ведомы прежде всяких искушений, потому что Он все ведает прежде события. – что написано: «искушает вас Господь Бог, еже уведети, аще любите Господа Бога вашего всем сердцем вашим и всею душею вашею» (Втор.13,3); то здесь слова: «еже уведети», положены вместо: да даст вам увидеть подобно тому, как иной день называем мы радостным, потому что он делает нас радостными, холод – ленивым, потому что он делает ленивыми; – и много есть подобных выражений, встречаемых и в простой речи, и в речи ученых, и в Писаниях Святых. Чего не разумея еретики отвращаются от Ветхого Завета, полагая, что словами: «искушает вас Господь Бог ваш», приписывается Богу неведение; будто не знают, что в Евангелии написано: о Господе «сие же глаголаше искушая его: сам бо видяше, что хоцет сотворити» (Ин.6,6). Если он знал сердце того, кого искушал, то что же хотел увидеть, искушая его? Очевидно, что так сделано для того, чтоб сам себя познал тот, кто был искушаем, и осудил свое безнадение, увидев как из рук Господа несколькими хлебами насытилось такое множество народа тогда, как он думал, что им нечего будет есть.

Молимся же мы не о том, чтобы не быть искушаемыми, но чтобы не быть введенными в искушение: так как например, кто-либо, быв поставлен в необходимость быть испытанным огнем, молится не о том, чтоб не коснулся его огонь, но о том, чтоб не быть сожженным. «Сосуды скудельничи искушаешь пещь»; а людей праведных–напасти (подоб. Сир.27,5). Иосиф искушен был прельщением блудным, но не был введен в искушение. Была искушена Сусанна, но тоже не была введена в искушение. И многие другие обоего пола также были искушены, но не введены в искушение: особенно же Иов. Многих соблазняет то, что сатана просит искушить Иова. Но не написано ли подобное и в Евангелии: «се сатана просит вы, дабы спял якоже пшеницу» (Ин.22,31)?–Этим означает, что сатана никакой не имеет власти искушать кого-либо; и если искушает, искушает по поущению Божию. Божие же поущение бывает или для наказания людей за грехи их, или для обучения их и доставления им опытности. И бывает большая разность, в какое кто впадает искушение. Не в такое впал искушение Иуда, продавший Господа, в какое впал Петр, когда от страха отрекся Христа–Господа. Но каково бы ни было искушение, для всех один закон, как пишет Апостол: «верен Бог, иже не оставит вас искушиться паче, иже можете, но сотворит со искушением и избытие, яко возможи вам понести» (1Кор. 10,13).– Этим изречением Апостол ясно показывает, что молиться должно не о том, чтобы не быть искушаемыми, но чтобы не быть введенными в искушение. Введенными бываем мы в искушения, когда случатся с нами такие, которых мы не можем понести. Но как опасные искушения, в которые впасть пагубно; бывают по причине счастья или несчастья в вещах временных: то их тяжестью не бывает надломлен никто из тех, которые не имеют пристрастия ко временному.

Он же. В книге Иова читаем: «не искушение ли житие человеку на земли?» (Иов.7,1) О чем же молимся, говоря: «не введи нас во искушение»? О чем?–Послушайте. Апостол Иаков говорит: «никтоже искушаем да глаголет, яко от Бога искушаем есть» (1,13). Есть искушение на зло, когда кто, быв прельщен, впадает в грех, и подчиняется диаволу. В этом смысле говорит Апостол, что Бог никого не искушает. Но есть другое искушение, которое называется испытанием. О нем написано: «искушает вас Господь Бог, еже уведети, аще любите Господа Бога вашего». Это «еже уведети» тоже есть, что: да даст вам познать: ибо Сам Он знал то. Таким искушением, чтобы кто прельщен был и пал, Бог никого не искушает. Но бывает, что, по высшим и сокровенным судам своим, Он оставляет иного. И когда оставит кого, тогда искуситель находит возможность сделать ему что-либо: ибо в таком случае он не противоборца уже встречает, а покорного послушника в том, кого оставил Бог. Итак, чтобы не оставлял нас Бог, молимся «не введи нас во искушение». – «Кийждо искушается, от своя похоти влеком и прельщаем», говорить тот же Апостол Иаков. «Таже похоть заченши раждает грех: грех же содеян раждает смерть» (1, 14.15). Чему это учит он нас? Тому, чтобы мы боролись с похотью своею. Во святом крещении грехи все прощаются; а похоти остаются чтобы, возрождены быв, вы вели с ними борьбу. Внутри вас самих остается столкновение. Нечего бояться внешнего врага: себя победи, и–мир побежден. Что может сделать тебе внешний искуситель,–диавол, или слуга диавола? Пусть, например, кто-нибудь предлагает тебе какую выгоду, чтобы прельстить тебя и склонить на худое дело, что он сделает тебе, когда в тебе самом не дано места любостыжанию? Но если в тебе самом дано место любостыжанию; то, увидев прибыль, разгоришься вожделением ее и будешь пленен тенетами грешного яства, каковые тенета попусту пролежать простертыми пред тобою, если ты неподатлив на любостыжание. Пусть также искуситель подведет для искушения тебя красивейшую женщину. Если внутри тебя водворена любовь к целомудрию, то ты легко преодолеешь это внешнее нападение, чтобы не пленила тебя приманка красоты жены чуждой, побори внутри себя свою похоть; не врага своего ощущаешь ты, но свою похоть чувствуешь. Победи внутри, что там чувствуешь. Борись и победишь. Возродивший тебя–Судия твой: Он предложил тебе состязание,–и готовит венец. Но как без сомнения ты побежден будешь, если не будешь иметь Его помощником себе, когда Он оставит тебя; того ради и взывать научен ты в молитве: «не введи нас во искушение». – Некоторых гнев Судии предал похотям их, как говорить Апостол: «предаде их Бог похотям сердец их» (Рим.1, 24). Как предал? Не понудив, а оставив их.

Он же. «Не введи нас во искушение». Оставь нам грехи наделанные, и не дай нам впасть в другие такие же: ибо кто побеждается искушением, тот впадает в грех.. Апостол Иаков говорит: «кийждо искушается, от своя похоти влеком и прельщаем. Таже похоть, заченши раждает грех» чтобы не быть тебе увлеченным похотью, не соглашайся с нею. Ей не откуда зачать, как от тебя. Согласился: тоже что – поспал с нею в сердце своем. Восстала похоть: откажи ей в себе, не следуй ей. Она непотребна, растленна, срамна, от Бога тебя отчуждает. Не

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org давай ей объятий согласия, чтобы не оплакивать порождение от того: ибо если согласишься, то есть, примешь ее в объятия, она зачнет. Но «похоть зачещи раждает грех». Не боишься этого? «Грех содеян раждает смерть». Хоть смерти бойся. Если не боишься греха, бойся того, куда приводит грех. Сладок грех, но горька смерть. Она – крайнее бедствие людей, для чего грешат они, то, умирая, оставляют здесь, а самые грехи берут с собою. Грешить из-за денег: здесь оставишь их. Грешить из-за других стяжаний: здесь оставишь их. Грешить из-за жены: здесь оставишь ее. И что бы то ни было, из-за чего грешить, все то, смежая очи на смерть, здесь оставишь, а с собою возьмешь только самые грехи, учиненные тобою из-за того.

Св. Максим Исповедник. Этим словами Писание показывает, что кто полностью не примирился с согрешающими (против него) и не представил Богу сердце, чистое от скорби и просвещенное светом примирения с ближними, тот не только не получит благодати тех благ, о которых молился, но и предан будет праведным судом искушению и лукавому, чтобы ему научиться очищаться от прегрешений, устраняя свои жалобы на других. Искушением же называется закон греха – его не имел первый человек, приведенный в бытие (Богом), а под «лукавым» подразумевается диавол, который привмешал этот (закон) к человеческому естеству и обманом убедил человека направить (все) стремления (своей) души к недозволенному вместо дозволенного, а тем самым склониться к нарушению Божественной заповеди, вследствие чего он потерял нетление, дарованное ему по благодати. Или иначе: «искушением» называется добровольное расположение души к плотским страстям, а «лукавым» – способ деятельного исполнения страстного настроения души. От них не избавит никакой праведный Судия того, кто не простил долгов (своим) должникам, а только просил об этом в молитве. Такому (человеку), жестокому и суровому сердцем, (Господь) попускает оскверняться законом греха и оставляет его во власти лукавого, поскольку он страсти бесчестия, семена которых сеются диаволом, предпочел природе, Создатель которой есть (Сам) Бог. И действительно, (Господь) не препятствует ему, когда он волей склоняется к плотским страстям, и не избавляет его от (многообразных) способов деятельного осуществления страстных настроений души, поскольку, считая природу ниже не имеющих самостоятельного бытия страстей, он, вследствие попечения об этих страстях, не познал логоса природы. А (человеку) должно познать, что такое закон естества и что такое тирания страстей, не естественным, а случайным образом вторгшаяся в него по причине его свободного согласия. И этот (закон естества) он должен сберечь, блюдя его созвучной с природой деятельностью, а тиранию страстей изгнать из своей воли и (силой) разума сохранить (непорочной) свою природу, саму по себе чистую, незапятнанную и свободную от ненависти и раздора. Затем волю свою, которая не должна привносить ничего такого, чего не дарует логос природы, он обязан сделать спутницей естеству. А поэтому ему следует удалять (от себя) всякую ненависть и всякий раздор к сродному ему по природе, чтобы Бог услышал его, когда он будет произносить эту Молитву, и вместо простой дал бы ему двойную благодать: и прежних грехов прощение, и от будущих покров и избавление; и дабы не допустил его впасть во искушение и стать рабом лукавого, – (все это) за одно только, что он с готовностью прощает долги ближним.

Поэтому и мы, возвращаясь, кратко повторим сущность сказанного. Если желаем избавиться от лукавого и не впасть во искушение, будем верить Богу и простим долги должникам нашим. «А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф.6:15). Тогда мы не только получим прощение соделанных нами грехов, но победим и (сам) закон греха, (так как Господь) не допустит нас изведать его, и попреем родителя греха, лукавого змия, об избавлении от которого молимся. И Военачальником нашим будет при этом Христос, победивший мир; Он вооружает нас законами заповедей, и в соответствии с этими законами, посредством отвержения страстей и через любовь связывает воедино природу (человеческую). Как Хлеб жизни, мудрости, ведения и правды, Он привлекает к Себе наше ненасытное желание; во исполнение Отчей воли Он соделывает нас сослужителями Ангелов, так что еще в этой жизни мы, подражая (Ангелам), являем в своем житии небесное благоугождение (Богу). Затем Он возводит нас на высшие ступени Божественного, ведущие к (Самому) Отцу светов (Иак.1,17) и соделывает нас, через благодатное общение со (Святым) Духом, причастниками Божественного естества, благодаря чему мы все без ограничения назовем себя детьми Божиими и пречисто будем носить (в себе) всего Сына Божия по естеству – Самого Совершителя этой благодати, от которого, через которого и в котором мы имеем и будем иметь и бытие, и движение, и жизнь.

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org

Итак, пусть целью этой Молитвы будет для нас лицезрение таинства обожения, дабы мы познали, вместо каких и какими соделало нас истощание через плоть Единородного, а также откуда и куда нас, занявших во вселенной самое дальнее место, в которое низринула нас тяжесть греха, возвел (Господь) силой (Своей) человеколюбивой руки. И еще более возлюбим столь мудро Уготовавшего нам это спасение. Делами покажем эту Молитву исполняемой и будем проповедниками Бога – истинного Отца (нашего) по благодати. И да не будет у нас страстей бесчестия, которые показывают, что отцом нашей жизни мы имеем лукавого, всегда покушающегося тиранически повелевать естеством (человеческим). И не обменяем, сами того не заметив, жизни на смерть. Ибо каждый из них имеет обыкновение вознаграждать присоединившихся к нему. Один дает любящим Его вечную жизнь, а другой, через внушение добровольных искушений, производит в приближающихся (к нему) смерть.

Ибо искушения бывают, (как это видно) из Священного Писания, двух родов: один род – приятный, а другой – болезненный; один – добровольный, а другой – невольный. Первый из них есть родитель греха, а поэтому мы должны молиться, чтобы не подвергнуться ему, согласно наставлению Господа, говорящего: «И не введи нас во искушение и Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Мф.26,41). А второй (род искушений), наказывая грехолюбие наведением невольных страданий, является карателем греха. Если кто претерпит такое (искушение) и если он не будет пригвожден гвоздями порока, то услышит великого Иакова, явственно взывающего: «С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие. От терпения опытность» (Иак.1,2-4; Рим.5,4). Лукавый же злорадно наблюдает за теми и другими искушениями: за вольными и невольными. В случае первых он, сея в душе семена телесных наслаждений и раздражая ее ими, замышляет отвлечь ее от стремления к Божественной любви. Искушения же второго рода он сам (иногда) лукаво спрашивает, желая мучениями (и скорбями) огубить природу (человеческую) и понудить душу, изнемогшую в страданиях, воздвигнуть свои помышления на вражду с Создателем.

Но мы, ведая замыслы лукавого, возгнушаемся вольного искушения, чтобы не отвлечь своего стремления от Божественной любви; а (искушение) невольное, случающееся по Божью попущению, мужественно перенесем, дабы показать, что Создателя природы мы предпочитаем (самой) природе. И все мы, призывающие имя Господа нашего Иисуса Христа, да избавимся от здешних наслаждений, исходящих от лукавого, и избежим будущих мук, становясь причастниками зримой сущности будущих благ, открываемой нам в Самом Христе Господе нашем, едином со Отцем и Святым Духом, славимом всеми тварями. Аминь.

Блаж. Феофилакт. Не входить в искушение значит не порываться на искушения. Ибо нам должно молить Бога не о том, чтоб Он наслал на нас искушение, но о том, чтобы отвратить оное: а если постигнет, должно с мужеством переносить оное. Нужно сказать, что искушений два вида. Одни произвольные, например: пьянство, убийство, прелюбодеяние, и прочие страсти. Ибо сим искушения мы сами попадаем произвольно. Другие искушения–невольные, коим подвергают нас владыки и сильные. От произвольных–то искушений, т.е. от страстей нам должно убегать, молиться об избавлении от них и говорить: «не введи нас», не попусти нам впасть «во искушение», т.е. в произвольную страсть.

Он же. Мы люди слабые, посему не должны подвергать себя искушениям; но если впали во искушение, то должны молиться, чтоб оно не поглотило нас и чтобы Бог даровал нам помощь и терпение. Ибо только тот вовлекается в бездну напасти, кто побежден: но кто впал в искушение и победил его, тот достоин венцев и славы.

Симеон Солунский. «И не введи нас во искушение». Ибо много наветников, полных зависти и всегда враждебных, и много искушений от демонов, от людей, от тела, от невнимания души, которые встречают всех,—и ревностно подвизающихся и нерадивых,—только искушения праведных обращаются им во благо, служа к испытанию их и преспеянию. И праведные «терпения имут потребу» (Евр.10,36); потому что «дух бодр, плоть же немощна» (Мф.26,41). От искушений же таких, презришь, например, брата, или обидишь его, или скорбь ему причинишь, божественное что презришь, или понерадишь о нем,—кто бывает свободен?—Почему молясь о прощении того, в чем погрешаем против Бога и брата, потому что сами прощаем и милуем, праведно молимся и о том, да не внидем в искушение. Будь и праведен кто, не должно ему дерзать о себе; ибо смиряться, миловать и прощать и есть праведность.

Святитель Тихон. Испытание бывает нам к добру или ко злу. Испытание к добру – от Бога, им просят искушаться Давид и прочие святые. «Искуси меня Боже, и узнай сердце мое; испытай меня и узнай пути мои» (Пс.138:23). Так испытуем был Авраам (см. Быт.22). Не о таком испытании здесь слово. Испытание ко злу, или прельщение, бывает или от дьявола, который всячески пытается нас уловить, прельстить, ко греху привести и погубить, или от плоти, которая страстями и похотями борет нас, или от мира, который прельстует, суетой и соблазнами ко злу нас поощряет. О таком испытании здесь слово. Бог, так как Благ, никого ко злу не испытывает. «В испытании никто не говори: «Бог меня испытывает»; потому что Бог не испытывается злом и Сам не испытывает никого, но каждый испытывается, увлекаясь и обольщаясь своею похотью» (Иак.1,13-14).

Этим словом: «не введи нас во испытание», – молим Бога, чтобы Он нас от испытания мира, плоти и дьявола Своею благодатью сохранил. А хотя и впадем в испытания, о том просим, чтобы не попустил нам быть ими побежденными, но помогал бы нам их одолеть и победить. Из этого видно, что без Божией помощи мы бессильны и немощны. Если бы мы сами могли противиться испытанию, не было бы повелено нам просить в этом помощи. Этим научаемся, как только почувствуем находящее на нас испытание, тотчас Богу молиться и просить у Него помощи. Учимся из этого на себя и свою силу не надеяться, но на Бога. Когда молимся: «не введи нас во испытание», то не должны сами себя вдавать в испытание. «Когда, – говорит святой Иоанн Златоуст, – бываем призваны на подвиг, мужественно должно стоять, а не призванные молчать должны и ожидать времени подвига, да покажем и нежелание суетной славы, и мужество».

Седьмое прошение «Но избави нас от лукавого»

Св. Киприан. После всего к концу молитвы приходит заключение, кратко выражающее все наши моления и прошения. В конце говорим: «но избави нас от лукавого», разумя под тем всякие беды, которые в сем мире замышляет против нас враг и против которых у нас будет верная и крепкая защита, если избавит нас от них Бог, если по нашему прошению и молению Он дарует нам Свою помощь. Затем, после слов: «избави нас от лукавого», не о чем уже более и просить: мы просим покровительства Божия против лукавого, а получивши такое покровительство, мы уже безопасны и защищены от всех козней дьявола и мира. В самом деле, чего бояться со стороны мира тому, кому в этом мире защитник Бог?

Св. Григорий Нисский. Восстав речем Богу: не введи нас «в напасть», т.-е. в бедствие настоящей жизни, «но избави нас от лукавого», приобретшего силу в этом мире, от которого да избавимся и мы по благодати Христа Господа.

Св. Златоуст. Лукавым же здесь называет Христос дьявола, повелевая нам вести против него непримиримую брань, и показывая, что он таков не по природе. Зло зависит не от природы, но от свободы. А что преимущественно дьявол называется лукавым, то это по чрезвычайному множеству зла, в нем находящегося, и потому, что он, не будучи ничем обижен от нас, ведет против нас непримиримую брань. Потому Спаситель и не сказал: «избави нас» от лукавых, но: от «лукавого», и тем самым научает нас никогда не гневаться на ближних за те оскорбления, какие мы иногда терпим от них, но всю вражду свою обращать против дьявола, как виновника всех зол.

Св. Кассиан. Наконец следует: «но избави нас от лукавого», т.-е., не попусти нам искушенным быть от дьявола сверх нашей силы, но «сотвори со испытанием и избытие, яко возможи нам понести» (1Кор.10,13).

Блаж. Августин. «Но избави нас от лукавого», может принадлежать к тому же предыдущему прошению, так как бы в том и другом об одном и том же просимо было. Почему и частица: «но» поставлена, чтоб показать, что все это изречение: «не введи нас во испытание, но избави нас от лукавого» – выражает одну и ту же мысль. Каким образом? Вот каким: избавляя нас от лукавого, Господь не вводит нас в испытание, а не вводя в испытание избавляет от лукавого.

Но, возлюбленные, бывает у нас в сей жизни одно страшное испытание, – такое испытание, в котором подвергается опасности и испытанию то самое, чрез что можем заслужить себе прощение, если падем от других искушений. Страшно это испытание, потому что отнимает у нас то, чрез что можем быть уврачеваны от ран, причиненных другими искушениями. Вижу, что вы не понимаете меня. Но

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org послушайте и поймете.— Положим, что кто-либо побежден каким-либо искушением: ибо и добрый борец получает раны. Победила, например, кого-либо скупость (хоть он и добрый борец), и он учинил что-либо в угоду своекорыстию. Но страсть прошла, грех признан,—и он молится: «остави». Если он сам оставляет другим, тотчас оставляется ему. Или, воззрел кто на жену, принял вожделение и усладился им. Но опомнился вовремя, и укротил похоть. До греха не дошло; но тем самым, что допущено услаждение плотское, учинено нечто греховное, что поставяет его в необходимость молиться: «остави». И здесь тоже, если он сам оставляет другим, тотчас оставляется ему. Так и при всех других искушениях. Коль скоро кто оставляет другим, то в каком бы искушении ни поткнулся он, если в раскаянии обратится к Богу и воззовет: «остави», тотчас овставится ему, если же не оставляет он другим, то и самонаименьшее прегрешение не оставится ему. И вот то страшное и пагубное искушение, о коем я говорю, — когда лукавый, зла источник, успеет всеять в сердце наше злобу, прощения незнающую и требующую отмщения. И от сего-то наипаче быть избавленными да молимся, когда говорим «избави нас от лукавого». Ибо чрез сие лишен бываешь ты того, чрез что мог бы получить отпущение во всех других грехах. Какими чувствами и какими пожеланиями и делами ни погрешил бы ты, во всех получил бы прощение, если бы сам прошал. Но вот лукавый поджигает тебя к отмщению, и отнимает у тебя не только возможность получить прощение, но и дерзновение говорить в молитве: «якоже и ми оставляем должнижом нашим». А когда потерял ты это, то все остается за тобою, ничто не оставляется.

Смотрите же, братья мои; смотрите, дети мои; смотрите, чада Божии; смотрите, умоляю вас. Боритесь с сердцем своим и в сердце своем с лукавым, сколько сил ест. Когда увидите, что гнев восстал в вас и злость снедает сердце ваше, молитесь против них Богу, да соделает Он вас победителями сего искушения и избавит от лукавого, в вас действующего. Оставьте внешних врагов; с внутренними вступайте в борьбу и молитесь. Близ Господь, и помощь Его готова. Воззовите и избавит.

Он же. После того, как скажем: «и не введи нас во искушение», следует: «но избави нас от лукавого», кто желает быть избавленным от лукавого, тот свидетелствует, сим, что объят лукавством. Почему Апостол говорит: «искупующе время, яко дни лукави суть» (Еф.5,16). Но «кто есть человек, хотяй живот, любяй дни видети благи?»—Когда у всякого человека, плоть носящего, дни жизни сей лукавы, то кто есть не хотяй сего? Если же хочешь, то делай то, что далее следует: «удержи язык твой от зла и устне твои, еже не глаголати лести: уклонися от зла и сотвори благо, възми мира и пожени и» (Пс.33,13-15). Сделай так; и пресечеши дни лукавы, и исполнится на тебе: «избави нас от лукавого»

Он же. Молиться надобно не о том только чтоб не быть нам введенными в искушение на зло: о чем просим в шестом прошении, но и о том, чтоб избавленными быть от того, в какое уже введены. И когда это будет получено, тогда не останется уже ничего для нас опасного и нечего уже будет бояться какого-либо искушения. Чего впрочем в этой жизни, в коей пребываем обложенными страстностью, с того момента, как низринула нас в нее прелесть змеиная, ожидать нельзя. Однако ж должно надеяться, что это будет некогда. И сие-то есть предмет чаяния того, чего не видим, как говорит Апостол: «упование видимое несть упование» (Рим.8, 24). Но в мудрости, яко доступной и в сей еще жизни, рабам Божиим отчаиваться не должно. Она же состоит в том, чтоб с наистрожайшим вниманием убраться от того, чего, как уразумели мы из Божественного Откровения, убраться должно, и с пламенной любовью желать того, чего, как уразумели мы из того же Божественного Откровения, желать должно. Таким способом когда в самой смерти сложим с себя все бремя смертности, удостоимся внити во всестороннее, ничем нерушимое блаженство, которого начатки полагаются еще в сей жизни, возжигая всеусердное желание сподобиться его, во всей его полноте, некогда и там.

Блаж. Феофилакт. «Но избави нас от лукавого». Ибо он наводит невольные и вольные искушения. Посему, когда ты невольно терпишь искушение от человека, не человека сего считай виновным твоего искушения, но лукавого. Ибо он наущает человека яриться на тебя и неистовствовать.

Он же. Не сказал от лукавых людей избави: ибо не они делают нам зло, но лукавый возбуждает их на то и делает зло и нам и им. Посему не людей, а злых духов нам должно ненавидеть и проклинать.

Симеон Солунский. «Но избави нас от лукавого». Ибо он Твой и наш враг,

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org неукротимый, неусыпный, горящий злостью. Мы бессильны устоять против него, потому что он естества тончайшего, чем мы, лукав и сна не знает, изобретая и сплетая бесчисленные против нас козни. И если Ты, Творче и Владыко всяческих, и самого этого диавола с клеветами его, равно как и Ангелов и нас, если Ты не исхитишь нас, то кто силен избавиться от него? Нет у нас сил бороться с невестественным, и притом злющим, завистливым и всезлокозненным.

Святитель Тихон. По учению святого Златоуста, под лукавым здесь подразумевается дьявол. «Лукавого, – говорит, – здесь имеет в виду дьявола, повелевая нам иметь с ним неусыпную брань». Он так называется по превосходству, из-за великой его злобы, так как неусыпно на нас вооружается и всякие беды, как телесные, так и духовные, на нас старается навести, как говорит апостол: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш, дьявол, ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1Петр.5,8). Этим молимся Отцу Небесному, чтобы Сам нас от него защитил, потому что сами от него сохраниться не можем. Наконец, дабы в час смерти нашей, когда он особенно против верных подвизается, сохранил нас от него, и по блаженной кончине души наши в небесное Отечество взял, и как от него, так и от всех бед, которые он восставляет, избавив, вечное подал нам блаженство, которое обещал верующим во имя Его. Этим словом: «избави нас от лукавого», – к молитве нас возбуждает Спаситель наш, и молитвою от него избавляться научает. «Поминая о враге, – говорит святой Иоанн Златоуст, – к подвигу нас подготавливает, и леность от нас отсекает». Молясь: «не введи нас», а не меня, «во искушение, но избави нас», а не меня, «от лукавого», – научаемся и увещаемся друг за друга молиться и друг другу у Бога просить помощи, защиты, избавления и спасения.

В) Славословие «яко Твое есть царство, и сила, и слава, во веки. Аминь»

Св. Златоуст. Напоминанием о враге сделавши нас более осторожными и пресекши всякую беспечность нашу, Он воодушевляет нас далее, представляя нам того Царя, под властью Которого мы воинствуем, и показывая, что Он могущественнее всех. «яко Твое есть», говорит Спаситель, «царство и сила и слава». Итак, если Его царство, то не должно никого бояться, так как никто Ему не сопротивляется и никто не разделяет с ним власти. Когда Спаситель сказал: «Твое есть царство», то показывает, что и тот враг наш подчинен Богу, хотя, по-видимому, еще и сопротивляется, по попущению Божию. И он из числа рабов, хотя и осужденных и отверженных, а потому и не дерзнет нападать ни на одного из рабов, не получив прежде власть свыше. И что я говорю: ни на одного из рабов? Даже на свиней не дерзнул он напасть до тех пор, пока сам Спаситель не повелел, ни на стада овец и волов, доколе не получил власти свыше. Итак, хотя бы ты и весьма был немощен, однако должен дерзать, имея такого Царя, Который и чрез тебя легко может совершать все славная дела. Этот Царь не только освобождает тебя от угрожающих тебе зол, но еще может делать тебя и славным и знаменитым; как сила Его велика, так и слава Его неизреченна, – словом, все у Него беспредельно и бесконечно. Видишь ли, как Спаситель отовсюду укрепляет и ободряет подвижника?

Он же. В конце молитвы Он выразил царство и силу и славу Божию, сказав: «яко Твое есть царство и сила и слава во веки». Этого, говорит, я прошу у Тебя потому, что знаю, что Ты Царь всего, имеешь вечную державу, можешь сделать все, чего не захочешь, и обладаешь неотъемлемою славою.

Блаж. Феофилакт. Здесь ободряет нас: ибо если Отец наш есть Царь славный и сильный, то при твердой вере мы, без сомнения, победим лукавого и в последствии прославимся, т.е. когда Он будете воздавать всем по делом.

Симеон Солунский. Мы немощны. Сам Ты, Отче, избавь нас от лукавого. «яко Твое есть царство, и сила, и слава во веки. Аминь». И кто посмеет напасть и оскорбить тех, над которыми царствуешь, Ты Владыко и Господи, и над Ангелами господствующий? И кто противостанет силе Твоей? – никто. Ибо Ты как всех создал, так и хранишь всех. Или кто против славы Твоей постоит или дерзнет умалить ее, все концы объемлющую? Ибо ею исполнены небеса и земля; и она была присуща Тебе прежде бытия небес и Ангелов. Ты один присносушь и вечен, и слава Твоя, Отца и Сына и Святаго Духа, равно как и царство, и сила, во веки. Аминь. То есть – истинно, исповедуемо, всенесомненно Ты Царь и сильный, и преславный во веки.

Св. Кирилл Иерусалимский. По совершении молитвы говоришь: «Аминь»; словом «Аминь», которое значит: «да будет», запечатлевая изреченное в

Святитель Тихон. «Яко Твое есть царство...» Это слово – заключение молитвы Господней, которое означает упование и дерзновение к Милосердному Небесному Отцу. Ты царствуешь над всеми, и Твоей власти все повинуются. Ты сильнее всех, против Тебя никто не может стоять. Посему имени Твоему слава будет, что мы, бедные грешники, получим просимое от Тебя, и от сердца возблагодарим Тебя, и здесь, и особенно в будущей жизни, прославим имя Твое с избранными Твоими. «Дерзновение, – говорит святой Иоанн Златоуст, – нам подает и восставляет нас, помяная о Царе, Которому мы подчинены, и показывает Его сильнейшим из всех, говоря: «яко Твое есть царство», и прочее». Итак, если Его есть царство, то не следует никого бояться, так как никто не может против Него встать и власти Его противиться. Когда говорит: «Твое есть царство», – показывает, что и противник наш Ему подчинен, хотя и противится, попущением Божиим. Ибо и он из числа рабов, хотя отверженных и прогневающих, и не дерзнет ни на кого нападать, если прежде не примет позволения свыше. И не только ни на какого человека, но даже на свиней, овец и волков напасть не может без попущения Божиего. Итак, хотя и немощен ты, но должен дерзать, имея такого Царя, который все легко и через тебя может делать.

Православное исповедание. Две части имеет сие славословие. Во-первых, подобно тому, как призывание (т.е. «Отче наш...»), дает наперед удостоверение, что несомненно получим то, о чем просим, потому что просим от Отца нашего, – и славословие сие удостоверяет, что получим то, о чем молились, потому что весь мир Отца нашего есть, и Он над ним царствует, и всякое создание Ему покорствуется. Его есть сила и слава, которой ничто противиться не может, ни на небесах, ни на земле. Почему Он силен сотворить все, о чем молили мы Его с верою и надеждою; и не ради другого чего, а ради присносушной славы Своей, как показывают слова: «слава во веки». Вторую часть славословия составляет одно слово: «Аминь». Сим и умоляем, да будет так все, о чем помолились с верою и надеждою, и свидетельствуем удостоверение, что несомненно будет нам все, о чем молились по воле Господа, как говорит Апостол: «и сие есть дерзновение, еже имамы к Нему, яко аще чесо просим по воли его, послушает нас: и аще вемы, яко послушает нас, еже аще просим, вемы, яко имамы прошения, ихже просихом от Него» (1ин.5,14.15).

Пространный Катихизис. Сие славословие присоединено к молитве Господней, во-первых, для того, чтобы мы, прося себе от Отца небесного милостей, в тоже время воздавали Ему справедливое почитание; во-вторых для того, чтобы мыслью о Его вечном царстве, силе и славе более и более утверждались в надежде, что Он даруете нам просимое потому, что сие в Его власти и относится к Его славе. Слово же: «Аминь», означающее: «истинно» или «да будет», прилагается к славословию в показание того, что молитва приносится с верою и без всякого сомнения, как учит Апостол Иаков, «да просим с верою, ничтоже сомняся» (Иак.1, 6).

3) Заключительные мысли

Тертуллиан. Молитва Господня, в кратких словах скольких касается изречений пророческих, евангельских, апостольских, словес самого Господа, Его притчей и заповедей? Скольких вместе с тем обязанностей исполнителями она нас представляет? – Что Бога чтим – в слове: «Отче наш», – что делами свидетельствуем веру в «да святится имя Твое», что приносим Ему покорность: «да будет воля Твоя», что ищем в нем жизни в: «хлеб наш... даждь», что исповедуем грехи в прощении оставления долгов, что блюдемся от искушений во взыскании защиты и покрова свыше, – Бог один мог научить нас, как желательно Ему, чтобы мы молились. Почему установленная Им благоговейная молитва сия, духом Его движима будучи (в сердцах наших), и исходя как бы из уст Его, как тогда как была преподана в первый раз, в силу сей привилегии, восходит на небеса и благоволению Отца предлагает то, чему научил Сын. Впрочем, так как Господь, нужд человеческих Провидец, после преподания такого правила молитвы, особо повелео: «ищите и обрящете» (Лк.11,9), и есть многое, о чем каждый, по обстоятельствам своим, предпослав сию законом определенную молитву, как фундамент, имеет нужду помолиться: то позволительно, к прошениям сей молитвы прилагать другие соответственно текущим потребностям жизни, под условием однако ж памятования и исполнения заповедей, чтобы сколь далеки будем от заповедей, не были столь же далеки от ушей Божиих и прошения наши. Исполнение заповедей устрояет молитве нашей путь к небу, и главнейшая из них ест – не приступать к алтарю Господню, не помирившись

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org наперед с братьями, с коими случилось разладить и войти в неприятности (Мф.5,23). И как в самом деле, приступить к Богу мира без брата, – к оставлению долгов своих с удержанием братних? И как благоугоден будет Отцу гневающийся на брата?

Св. Киприан. Неудивительно, возлюбленнейшие братья, что такова молитва, преподанная нам Богом, Который в Своем учении все наше моление выразил кратким, но спасительным словом. Давно уже это предсказано пророком Исаией; говоря о величии и любви Божией, он, исполненный Духа Святого, сказал: «Слово бо совершая и сокращая правдою, яко слово сокращено сотворит Господь во всей вселенной» (Ис.10, 23). Итак, когда пришел для всех Господь наш Иисус Христос, Слово Божие, и, собирая ученых и неученых, излагал спасительные заповеди для всякого пола и возраста, тогда Он и заключил свои заповеди в сжатой речи, чтобы не затруднять памяти учащих в изучении небесного и чтобы скоро изучалось то, что необходимо для простой веры.

Не словами же только, но и делами учил нас Господь молиться: Сам Он часто воссылал к Богу моления и прошения, собственным примером показывая, что нам надлежит делать. В Писании говорится: «Той же бе отходя в пустыню и моляся» (Лк.5, 16). И опять: «изыде в гору молиться, и бе об ночь в молитве Божии» (Лк. 6, 12). Если молился Он – безгрешный, то не тем ли более должно молиться грешникам? Если Он, бодрствуя всю ночь, воссылал непрестанные моления, то не тем ли более надлежит бодрствовать ночью и нам в частом совершении молитвы? Господь молился и просил не за Себя, ибо чего же спрашивать для себя невинному? Он молился о грехах наших, как Сам поясняет это, говоря Петру: се, «сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу; Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя» (Лк. 22, 31– 32). Молился Он потом Отцу и за всех, говоря: не о «сих же молю токмо, но и о верующих тебе ради в Мя: да вси едино будут; якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в нас едино будут» (Ин. 17, 20 – 21). Велика благодать и любовь Господа в устройении нашего спасения! Не довольствуясь тем, что искупил нас Своей Кровью, Он еще и просил за нас! А прося, смотрите, какое Он имел желание: чтобы и мы пребывали в том самом единстве, в каком Отец и Сын едины суть. Отсюда можно уразуметь, как грешат те, которые уничтожают единство и мир, уничтожают то, о чем просил Господь, желавший, чтобы народ Его был спасен, живя в мире, так как Он знал, что вражда не входит в Царство Божие.

Когда мы стоим на молитве, то должны бодрствовать и прилежать к молению всем сердцем. Да удалится от нас всякое плотское и мирское помышление и дух да помышляет только о том, о чем просит. И священник, предпослав молитве предисловие, приговораляет к тому умы братьев, взывая: «горе имеем сердца»; и народ в своем ответе: «имамы ко Господу» – получает напоминание, что ему ни о чем не должно помышлять, как только о Господе. Да будет сердце закрыто от противника; одному Богу будет оно открыто и да не допустит во время молитвы войти в себя врагу Божию! А он часто вторгается и проникает и ловким обманом отвлекает моления наши от Бога, заставляя одно иметь в сердце, а другое выражать голосом, между тем как Господу надобно молиться с искренним вниманием и умолять не звуком голоса, но сердцем и чувством. Что же это за небрежность – во время принесения молитвы Господу отчуждать себя и увлекаться нелепыми и скверными помыслами, как будто у тебя есть думать о чем важнейшем, нежели о том, что ты беседуешь с Богом? И как ты требуешь, чтобы Бог услышал тебя, когда ты сам себя не слышишь? Как хочешь, чтобы Бог во время твоего моления помнил о тебе, когда ты сам о себе не помнишь? Это значит вовсе не остерегаться врага. Это значит, молясь Богу, оскорблять величие Божие небрежностью в молитве. Это значит – бодрствовать глазами, а спать сердцем, между тем как христианин должен бодрствовать сердцем и тогда, когда спит глазами. В Писании, в книге Песнь песней, так говорится от лица Церкви: «аз сплю, а сердце мое бдит» (Песн.5, 2). Потому-то и апостол с такой заботливостью и осмотрительностью увещевает нас, говоря: «в молитве терпите, бодрствующе в ней» (Кол.4,2). Этим он научает и показывает, что только те получают просимое от Бога, которых Бог видит бдительными в молитве.

При том молящиеся да не приходят к Богу с бесплодными и пустыми молениями. Недействительно то прошение, которое выражается в молитве, не сопровождаемой делом. Если всякое дерево, не приносящее плода, отсекается и в огонь бросается, то, конечно, и слово, не имеющее плода, не может быть угодно Богу, как лишенное всякого делания. Потому-то Священное Писание говорит в наставление наше: «благо молитва с постом и милостынею» (Тов. 12, 8). Господь, Который в день суда имеет воздать награду за дела и милостыни,

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org и ныне благосклонно выслушивает того, кто приходит с делом. Так молился Корнилий сотник – и удостоился быть услышанным. Он подавал много милостыни народу и всегда молился Богу. Ему-то около девятого часа, во время молитвы, явился ангел и, свидетельствуя о его делании, сказал: «Корнилие! молитвы твоя и милостыни твоя приидоша на память пред Бога» (Деян.10, 3–4). Скоро восходят к Богу молитвы, которые ценными пред Ним делают дела наши...Подобное внушает и заповедует Господь через Исаию: «Разрешай, – говорит, – всяк союз неправды, разрушай обдолжения насильных писаний, отпусти сокрушенные в свободу и всякое писание несправедное раздери. Раздробляй алчущим хлеб твой и нищия безкровныя введи в дом твой. Аще видиши нага, одея, и от свойственных племени твоего не презри. Тогда разверзается рано свет твой и исцеления (одежды) твоя возсияют; и предъидет пред тобою правда твоя и слава Божия объимет тя. Тогда воззовеши и Бог услышит тя, и еще глаголющу ти речет: се приидох» (Ис.58,6–9). Бог обещает предстать, говорит, что выслушает и защитит тех, которые, разрешая в сердце союз неправды и по заповеди Его подавая милостыню домочадцам Божиим, заслуживают быть услышанными Богом, так как и сами они слушаются повелений Божиих. Блаженный апостол Павел, получив от братьев пособие в своей нужде, назвал учиненное ими доброе дело жертвой Богу. Исполнился, – говорит он, – «прием от Епафродита; посланная от вас, воню благоухания, жертву приятно, благоугодну Богу» (Фил. 4, 18).

Св. Кассиан. Итак, видите, какой образ молитвы предложен нам от Самого Судии, Коего мы должны умолять оную. Здесь нет прошения и даже воспоминания ни о богатстве, ни о почестях, ни о власти и силе, ни о телесном здравии или временной жизни. Творец вечности не хочет, чтобы мы просили у Него чего-нибудь суетного, маловажного и временного. Итак, тот нанесет величайшее оскорбление Его величеству и благости, кто, презрев сии вечно благие прошения, захочет умолять Его о чем-либо скоропреходящем и тленном; такой человек маловажностью прошений скорее навлечет на себя негодование Судии своего, нежели привлечет Его благоволение.

Хотя предложенная молитва, будучи изречена или постановлена Самим Господом, по-видимому заключает в себе всю полноту совершенства; впрочем, присных своих она руководит к тому, прежде сказанному нами, возвышеннейшему состоянию, к той пламенной и весьма немногими дознанной и испытанной или, точнее сказать, неизглаголанной молитве, которая, превосходя всякое человеческое понятие, не может быть выражена ни звуками голоса, ни движениями уст и никаким сочетанием слов, но которую ум, озаренный блистанием Небесного света, произносит не человеческою слабою речью, но от избытка чувствований произвольно изливает из себя, как бы из некоего обильнейшего источника, и неизъяснимо воссылает к Господу. В это краткое время ум наш бывает исполнен таких ощущений, что и обратиться в самого себя не может ни изречь, ни обозреть оных.

Блаж. Августин. Надо поиметь во внимании и то, какое находится различие между сими семью прошениями.–Так как ныне проходит у нас временная жизнь и чается вечная, и так как вечное первейшее есть по достоинству, хотя к нему переходят по совершении наперед временных дел; то испрашиваемое в первых трех прошениях, хотя начало получает в сей жизни, в веке сем проводимой, но в совершение приходит в жизни будущей, где и будут пребывать в силе и совершенстве три сии. Там и имя Божие будет святиться непрестанно и царствию Его не будет конца, и воля Его явится во всем всецело действующею и исполняемою. Итак, эти три в полное совершение придут и в нераздельном союзе явятся в той жизни, которая нам обещается. – Прочие же четыре прошения принадлежат, мне кажется, к сей временной жизни. Первое из них есть–«хлеб наш насущный даждь нам днесь» Но тем самым, что хлеб сей назван здесь насущным – повседневным,–показывается, что он принадлежит к настоящему времени, которое означено словом: «днесь», разумеет ли под ним хлеб духовный – мысленный (слово Божие) или таинственный (тело и кровь Господа) или вещественный: не потому (так говорю), что духовная пища не вечна, но потому, что та духовная пища, которая названа повседневною–насущною, преподается душе в Писаниях, или членораздельною речью, или под какими-либо временными знаками: чего всего не будет тогда, когда все будут научаемы Богом (Ис.54,13; Ин.6,45), и неизреченный свет истины почерпать непосредственно чистым умом. И грехи здесь только оставляются нам, как и мы здесь же оставляем долги наши: там же не будет места оставлению грехов. Равно искушениями наполнена лишь временная сия жизнь; тогда же, когда исполнится написанное: «скрывши их в тайне лица Твоего» (Пс.33,21), – их уже не будет более. Наконец и зло, от которого избавиться желаешь и самое избавление от него тоже принадлежит к сей же

Мне кажется, что седмиричное число прошений имеет соотношение с семью дарами Св. Духа и с соответствующими им блаженствами. Страх Божий есть то, чем содеваются «нищие духом – блаженные, яко тех есть царство небесное»; почему просим, да святится имя Твое в человецех, силою чистого «страха Божия, пребывающего в веке века» (Пс.18,10). Благочестие есть то, чем содеваются «кроткие,–блаженные, яко тии наследят землю»; почему молимся, да приидет царствие Божие, или здесь–в нас самих, да укротимся и перестанем Ему противиться, или во втором славном пришествии Господа, коим возрадуемся и восхвалимся, когда Он скажет: «приидите благословенны Отца моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложение мира» (Мф.25,34). Ибо «о Господе, – говорит пророк, похвалится душа моя, да услышат кротции и возвеселятся» (Пс.32,2). Ведение есть то, чем соделываются «плачущие–блаженные, яко тии утешатся»; почему молимся, да будет воля Божия, яко на небеси и на земли: ибо когда тело, яко земля, во всем согласоваться будет с духом, яко небом, тогда не будем более плакать; потому что ничто в веке сем бывающее недостойно столько плача как то, что эти две части наши,–тело и дух,–воюют одна против другой, и вынуждают нас говорить: «вижду ин закон во удех моих, противвоюющу закону ума моего» и сетование наше о том таким плачевным выражать голосом: «окаянен аз человек, кто мя избавит от тела смерти сея» (Рим.7,23.24). Крепость (сила мужества) есть то, чем «блаженны» бывают «алчущие и жаждующие правды, яко тии насытятся»; почему молимся, да будет подаваем нам «днесь хлеб наш насущный», чтоб, будучи им подкрепляемы и поддерживаемы, могли мы достигнуть полнейшего онога насыщения. Совет есть то, чем «блаженны» бывают «милостивые, яко тии помилованы будут»; почему, отпуская долги должникам нашим, молимся, да будут оставлены и нам долги наши. Разум есть то, чем содеваются «чистые сердцем,–блаженные, яко тии Бога узрят»; почему молимся, да не будем введены в искушение, чтоб не иметь раздвоенного сердца, не единого ища блага, к коему относили бы все, что ни делаем, но гоняясь вместе и за земным и временным. Премудрость есть то, чем бывают «блаженны миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся»; почему молимся, да избавлены будем от лукавого: ибо избавление сие соделает нас свободными, т.е. сынами Божиими, чтоб в духе всыновления вопиять: «Авва Отче!» (Рим.8, 15; Ин. 4, 6).

Не должно упускать из виду и того, что из всех прошений, с какими заповедал нам Господь обращаться к Богу в молитве, особенное судил Он остановить внимание на том, в коем испрашивается отпущение грехов. Он хочет сделать нас милосердыми, указывая в этом единственное средство самим получать милость и избавлять от своей главнейшей нужды (тяготы грехов). Почему ни одного прошения не возносим мы к Богу, так, как бы вступали с ним в условия и уговор, как в этом: ибо говорим: «остави нам... яко же и мы оставляем». Если оказываемся мы лживыми в этом уговоре, то и от всей молитвы никакого не бывает плода. Ибо говорит Господь: «аще отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный: аще ли не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших» (Мф.6,14,15).

Он же. Какие бы другие слова ни говорили мы, которые обыкновенно молящийся или наперед подбирает для выражения своего молитвенного движения, или потом присовокупляет для возвышения сего чувства,–ничего не можем мы сказать, что не содержалось бы в молитве Господней, если молимся правильно и как следует. Кто говорит, например: «яко же пред ними (языками) освятился еси в нас, такожде пред нами возвеличися в них» (Сир. 36, 4), что другое говорит, как не «да святится имя Твое»?–кто говорит: «Господи Боже сил обрати ны, и просвети лице Твое, и спасемся» (Пс.79,8), что другое говорит, как не: «да приидет царствие Твое»?– кто говорит: «стопы моя направи по словеси Твоему, и да не обладаете мною всякое беззаконие» (Пс.118, 133), что другое говорит, как не: «да будет воля Твоя; яко на небеси и на земли»? кто говорит: «богатства и бедности не даждь ми: устрой же ми потребная и самодовольная» (Прит.30,8), что другое говорит, как не: «хлеб наш насущный даждь нам днесь»?–кто говорит: «помяни Господи Давида и всю кротость его» (Пс.131,1), или: «Господи Боже мой, аще сотвориш сие, аще есть неправда в руку мою, аще воздах воздающим ми злая...» (Пс.7,5), что другое говорит, как не: «остави нам долги наша, яко же и ми оставляем должником нашим»? – кто говорит: «чрева похоть и блудодеяния да необымут мя, и безстудней души не предаждь мене» (Сир.23, 5), что другое говорит, как не: «и не введи нас во искушение»? Кто говорит: «изми мя от враг моих, Боже, и от возстающих на мя избави мя» (Пс.58,2), что другое говорит, как не: «избави нас от лукавого»?–и если ты

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org
просмотришь все словеса святых молитв, думаю, ничего не найдешь в них, что не содержалось бы в молитве Господней? Почему свободно тебе такими или другими словами одно и то же однако ж изрекать в молитве; но другое изрекать не должно быть у тебя свободы.—Кто, например, говорит в молитве: Господи, умножь мое богатство, или дай мне его столько, сколько дал тому-то и тому-то; или увеличь почести мои и сделай меня в веке сем сильным и славным, или, что другое подобного рода, и говорит это, похотствуя таких вещей, яко благ, прямо для себя, а не то имея в виду, чтоб помощью их принести по Богу благо людям; тот, думаю, не найдет в молитве Господней ничего, чем бы мог оправдать такие свои воздыхания. Почему да будет стыдно по крайней мере просит того, чего не стыдятся желать. Если же и это сознается стыдным, только не достаёт сил победить такое пожелание, то что приличнее в таком случай, как не молиться об избавлении от злого сего похотения Тому, Коему говорим: «избави нас от лукавого»?

Имеешь таким образом верное указание, о чем должно тебе молиться, не от меня, но от Того, Кто благоволил всех нас научить тому.—Блаженной жизни надобно искать, испрашивая ее у Господа Бога. Что есть—быть блаженным, многими обдумывано и многообразно решено; но нам какая нужда идти к сим многим и за сим многим? В писании Божиим кратко, но совершенно определено, сказано: «блажени людие, имже Господь Бог их» (Пс.143,15). Чтоб и нам быть среди сих людей и сподобиться жить с ними во веки, «конец завещания, любви от чиста сердца, и совести благая, и веры нелицемерная» (1Тим.1,5). На этих трех добросовестное покоится упование. Итак, вера, надежда и любовь приводит Богу молящегося, который, веруя, надеясь и желая тому, чего просит у Господа, научается из молитвы Господней. Пост и воздержание от других плотских удовольствий, особенно же милостыня много помогает молитве.

Есть и еще нечто, о чем, может быть, родится у тебя вопрос, именно: почему апостол сказал: «о чесом бо помолимся, якоже подобает не веемы» (Рим.8, 26)? Ибо никак нельзя думать, чтобы он и те, к которым он писал это, не знали Господней молитвы. Почему он сказал так, и сказал надо полагать, не неразумно, и не ложно? Не почему другому, как потому, что прискорбности и треволения временные очень много для нас душеспасительны, то тем, что врачуют гордую надменность, то тем, что испытывают терпение и дают ему упражнение, а ему испытанному и обученному опытом готовится славнейшая и богатейшая награда, то тем, что ими наказываются и очищаются грехи; мы же, не зная, какую именно приносят они пользу, молимся об избавлении от всякой прискорбности. Сего неведения апостол и себя не выставляет чуждым, как видно и из того, что, когда за премножество откровений да не превозносится, дан был ему пакостник плоти, аггел сатанин, да ему пакости деет, он трикраты молил Господа, да возмет ся сей от него, не зная, конечно, о чем молился, якоже подобает. В ответ на то, почему не услышана молитва, когда молился такой муж, и почему не полезно было услышание, слышим: «довлеет ти благодать мол, сила бо моя в немощи совершается» (2Кор.12, 7-9). Так в этих прискорбностях, которые могут и пользу принести и вред, о чем помолимся, якоже подобает, не вемы: и однако ж, так как они чувствительны и тяжелы, то, по общечеловеческой немощи, молимся, да взяты будут они от нас. Но при этом должны мы по крайней мере ту являть благопокорливость Господу Богу нашему, чтоб, если он не возьмет их от нас, не думать, что презрена молитва наша, но паче облекаться в благодушное терпение зол в чаянии больших за то благ: ибо сим образом сила Божия в немощи совершается. Некоторым впрочем нетерпеливым Господь Бог уступал то, о чем просили, в гневе, как напротив апостолу отказал в благоволении. Так читаем в книге чисел (гл.11), чего просили и как получили Израильтяне, но когда насытилось похотение их, последовало тяжкое наказание нетерпеливости. Дал Он и царя просящим по сердцу их, а не по сердцу своему, как написано (1Цар. 8, 5-7). Дал Он даже то, что диавол просил, для прославления испытанного раба своего (Иов.1,12.2,6). Услышал Он и нечистых духов, когда, по прошению их, послал в свиней целый их легион (Лк.8,32). Это написано, чтоб никто не считал себя за нечто великое, когда услышан бывает: потому что, может быть, испросил в нетерпеливости своей то, чего не испросить было бы гораздо полезнее; а если не будет услышан, чтоб не падал духом, и не отчаивался в Божием к себе милосердии: ибо, может быть, он испрашивал того, что получив подвергся бы горьким страданиям, или бы совсем разорился и сделался несчастным. Вот в каких случаях «о чесом помолимся, якоже подобает не веемы». Посему если случится что, противное прошениям нашим, терпеливо должно сносить то и о всем благодарить, в том убеждении, что несомненно спасительнее для нас, да будет во всем воля Божия, а не наша. Ибо и такого рода пример преподал нам Ходатай наш, когда сказал: «Отче, аще возможно, да

Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. Святитель Феофан Затворник filosoff.org
мимоидет от Мене чаша сия», а потом волю свою человеческую воле Отчей подчиняя, прибавил: «обаче не якоже Аз хошу, но якоже Ты» (Мф.26,39). Отсюда: «послушанием единого праведни быша мнози» (Рим.5, 19). Кто того единого просит от Господа и того единого взыскивает (Пс.26,4), да будет все по воле Его, тот просит верного и безопасного блага, и нечего ему бояться, не повредило бы испрашиваемое, когда получено будет. Без сей воли не бывает пользы от того, что ни получил бы кто прилежную молитвою своею. В предании себя в волю Божию – единая истинная и блаженная жизнь. Имеющий его, что ни взыщет, получит: ибо уже не будет искать ничего, что не было бы угодно воле Божией. Кто таков, над тем умножит милость свою Господь, и он «в крове крылу Его надеяться» имеет, «упиется от тука дому Его, и потоком сладости Его» напоен будет: ибо у Него источник живота, и во свете Его узрим свет (Пс.35, 8–10).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!